

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ISSN 2949-1819 (Online)

№ 1(6) – 2024

17

Человек в правовом
пространстве
Древней
Месопотамии

54

Диалог как
форма общения:
публично-правовое
регулирование
и практика

100

Обзор Второй
ежегодной осенней
научной сессии
«НОМО JURIDICUS:
истоки, эволюция,
новое измерение»

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
Praesens rege Praesens rege Corrigere praetertum
Cerne futurum Praesens rege Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
12+ Praesens rege Praesens rege Corrigere praetertum
Cerne futurum Praesens rege Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание

Основан в 2022 году

Выходит 4 раза в год

№ 1(6) – 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journlac.ru>
E-mail: journlac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 30.06.2024

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Воронежский государственный университет, 2024

Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journlac.ru>
E-mail: journlac@mail.ru
Issue publication date: 30.06.2024

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Высшая школа экономики (Россия, г. Москва); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Zavyalova I. S.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Executive secretary – **Shelestov D. S.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh). Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Higher School of Economics (Russia, Moscow); **Arhipov V. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg); **Baev M. O.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Baulin O. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Birukov P. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Vasiliev A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul); **Vlasenko N. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow); **Gambaryan A. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan); **Demichev A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod); **Dorskaya A. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg); **Zrazhevskaya T. D.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Lomakina I. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg); **Malko A. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov); **Mikhailov A. M.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow); **Nosyreva E. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Pavlov V. I.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk); **Panko K. K.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Sazonnikova E. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Razzokov B. H.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe); **Romanovskaya V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod); **Sorokina Yu. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Starilov Yu. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh); **Chestnov I. L.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg); **Shemeneva O. N.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh).

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Борисов А. М.</i> Юридическая антропология: проблемы наименования, объекта и предмета	7
<i>Писаревский Н. П.</i> Человек в правовом пространстве Древней Месопотамии конца III – начала II тыс. до н.э.	17
<i>Завьялова И. С.</i> Антропологический подход как рациональный путь к повышению качества и эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности.....	28
<i>Серегина В. В.</i> Символизм в праве как отражение его культурологических особенностей	39

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ: ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК

<i>Андріяшко М. В.</i> Семейно-правовая терминология и ее роль в содержании нормативных правовых актов Республики Беларусь	48
<i>Сазонникова Е. В.</i> Диалог как форма общения: публично-правовое регулирование и практика	54
<i>Куликова М. С.</i> Роль социальных и экономических факторов при разработке теоретических моделей	62
<i>Катинская Е. С.</i> Кризисное нормотворчество: об унификации юридической терминологии в актах управления	69

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Минич С. А.</i> Выявление потребностей комплексного правового обеспечения экологизации научной деятельности в условиях цифровой реальности	77
<i>Солянкина Н. А.</i> Выявление потребностей правового обеспечения процесса «озеленения» трудовых отношений в условиях экологизации социальной сферы.....	89

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Сиринько В. А., Шелестов Д. С.</i> Обзор Второй ежегодной осенней научной сессии «НОМО JURIDICUS: истоки, эволюция, новое измерение» (2 ноября – 5 декабря 2023 г.) (Часть I)	100
<i>Малиновская Н. В.</i> Особенности китайского права: рецензия на учебное пособие Н. И. Малышевой, П. В. Трощинского «Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект»	128

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Кукеев А. А.</i> Право и общественная мораль в контексте правового мультикультурализма.....	136
<i>Гвозденко А. С.</i> Проблемы биометрической идентификации	152
<i>Носырева А. Е.</i> Сравнительный анализ инклюзивных ценностей в славянских и западных цивилизациях.....	159
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	169

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Borisov A. M.</i> Legal anthropology: problems of its name, object and subject	7
<i>Pisarevsky N. P.</i> A person in the legal space of Ancient Mesopotamia of the late 3 rd – early 2 nd millennium BC	17
<i>Zavyalova I. S.</i> The anthropological approach as a rational way to improve the quality and effectiveness of law-making and law enforcement activities.....	28
<i>Seregina V. V.</i> Symbolism in law as a reflection of its cultural features	39

JURIDICAL TERMS AND CATEGORIES: FROM THE ARCHAIC TO THE 21st CENTURY

<i>Andryashka M. V.</i> Family legal terminology and its role in the content of normative legal acts of the Republic of Belarus.....	48
<i>Sazonnikova E. V.</i> Dialogue as a form of communication: public law regulation and practice	54
<i>Kulikova M. S.</i> The role of social and economic factors in the development of theoretical models	62
<i>Katinskaya E. S.</i> Crisis creation of regulatory acts: on the unification of legal semantics in management acts	69

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Minich S. A.</i> Identification of the needs of comprehensive legal support for the “greening” of scientific activity in the conditions of digital reality	77
<i>Solyankina N. A.</i> Identification of the needs of legal support for the process of “greening” labor relations in the context of the greening of the social sphere	89

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Sirinko V. A., Shelestov D. S.</i> The review of the 2 nd Annual Autumn Scientific Session “HOMO JURIDICUS: the origins, evolution, new dimension” (November 2 – December 5, 2023) (Part I)	100
<i>Malinovskaya N. V.</i> The peculiarities of Chinese law: review of the textbook by N. I. Malysheva, P. V. Troshchinsky “Law of the People’s Republic of China: theoretical and legal aspect”	128

THE PAGE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Kukeyev A. A.</i> Law and public morality in the context of legal multiculturalism	136
<i>Gvozdenko A. S.</i> Problems of biometric identification	152
<i>Nosyreva A. E.</i> Comparative analysis of inclusive values in slavic and western civilizations.....	159

INFORMATION FOR AUTHORS	169
--------------------------------------	-----

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

УДК 340.112

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ НАИМЕНОВАНИЯ, ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА

А. М. Борисов

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 30 июня 2023 г.

Аннотация: правовая сфера социальной жизни традиционно изучается теорией права, и автор определил предметом данного исследования связи юридической антропологии с теорией права. При рассмотрении позиций зарубежных и российских исследователей использовались методы анализа, сравнения и логического осмысления основных тезисов разработчиков теории правовой антропологии. Этот подход позволил обнаружить противоречивость ряда формулировок, небезупречность предлагаемого некоторыми учеными названия науки «Антропология права» и констатировать неопределенность понятий «объект» и «предмет» юридической антропологии.

Ключевые слова: антропология, общественные отношения, право, правовая культура, правосознание, теория права, философия права, юридическая антропология.

LEGAL ANTHROPOLOGY: PROBLEMS OF ITS NAME, OBJECT AND SUBJECT

A. M. Borisov

Kursk State University

Abstract: the legal sphere of social life is traditionally studied by the theory of law, and the author defined the relationship of legal anthropology with the theory of law as the subject of this study. When considering the positions of foreign and Russian researchers, methods of analysis, comparison and logical understanding of the main theses of the developers of the theory of legal anthropology were used. This approach made it possible to detect the inconsistency of a number of formulations, the

© Борисов А. М., 2024

imperfection of the name of science proposed by some scientists – “Anthropology of Law”, and to state the uncertainty of the concepts of “object” and “subject” of legal anthropology.

Key words: anthropology, public relations, law, legal culture, sense of justice, theory of law, philosophy of law, legal anthropology.

Право как многоаспектный социальный феномен во всех существующих концепциях, несомненно, имеет антропологическую природу. Объективные и субъективные реалии формируют личность, определяя уровень осознания ею своих интересов, возникающих из различных потребностей, а затем приёмов и средств их реализации в социуме. Установление правил – приём, использующий социальные нормы, а последние – средства реализации интереса. Данный способ регулирования общественных отношений видоизменялся вместе с иными социальными регуляторами, обретающими различное значение для общества в зависимости от его уровня развития и организации. На определенном этапе нормы права придали общественным отношениям правовой характер, подчиняя их целям социального общежития более эффективно, чем обычаи, моральные, сугубо корпоративные или профессиональные нормы.

Юриспруденция знает три вида деятельности (обобщенно) – познание правовой действительности (научная деятельность), создание обязательных правил общежития (правотворчество) и использование этих правил участниками общественных отношений (правореализация в известных формах). В центре данной деятельностно-правовой триады – человек, и именно в этом заключается исходный концепт юридической антропологии, представляющей собой, как определил ее В. С. Нерсисянц, науку «о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках»¹.

По нашему мнению, основное проявление человека как разумного существа – сознание, выражаемое им в интеллектуально-психических формах поведения и являющееся реальным, бытийным, порожденным природой в человеке, а потому признаваемым элементом социальной материи, источником всех видов, форм и продуктов культурной деятельности человека. Следовательно, говоря о правовых проявлениях человеческого социального естества применительно к юридической антропологии, прежде всего следует обратить внимание на один из компонентов сознания – правосознание.

Правовые измерения, как мы полагаем, представляют собой конкретные правовые условия жизнедеятельности человека, зависящие от многих правовых факторов (тип и форма государства, тип права, правовая семья; уро-

¹ Нерсисянц В. С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина. Предисловие // Рулан Н. Юридическая антропология : учебник для вузов / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1999. С. 1.

вень развития и особенности права конкретной страны; устойчивость правовых обычаев и т.д.) и ограничивающие интересы индивида интересами иных лиц, социума или государства. Не подлежит сомнению, что, во-первых, названные и иные правовые факторы есть не что иное как правовое проявление определенного правосознания, продукт правовой мысли человека (правосознания) в виде юридически нормированных конструкций (моделей) общественных отношений. Во-вторых, векторная направленность всех этих правовых форм общежития – индивидуальное, а также общественное правосознание их носителей, которые воспринимают заданные стандарты тех или иных правоотношений и корректируют или видоизменяют их в рамках эволюционного или революционного реформирования.

Правовые характеристики человека связаны с комплексом характеристик социума (объективные факторы) и его личными физическим состоянием, сознанием и психикой, проявляемыми в поведении (субъективные факторы), и эти правовые характеристики обусловлены материальными и нематериальными обстоятельствами внешнего социального или природного происхождения, личными возможностями и способностями (физическими, интеллектуальными и психическими) индивида, формируемые как в природной среде, так и в системе его социальных связей. Какой формируется его личность? Общительной и открытой, терпеливой и выдержанной, смелой и мужественной, сочувствующей и доброй, отзывчивой и благожелательной, принципиально совестливой и порядочной, целеустремленной и конструктивной или, наоборот, обладающей чертами негативно-ценностного содержания, выражаемыми соответствующими словами-антонимами?

Эти социально-приобретенные свойства личности индивида характеризуют его с нравственной стороны и свидетельствуют об особом значении морали, сложившейся в обществе на основе опыта выживания и общежития людей. Верования – более поздние социальные продукты, и поэтому юридическая антропология начинается с обычно-поведенческой, затем моральной антропологии, дополняется религиозной антропологией и, с учетом сформированных человеческой цивилизацией правовых семей², в целом представляет собой конгломерат ценностных массивов социальных норм, которые выработаны различными социальными группами (народами и народностями, племенами и родами) на протяжении их существования.

Оформленные в виде правовых норм правила жизни социумов, вобравшие опыт сотен поколений людей, оказались более приемлемыми социальными регуляторами в силу приданной им универсальности (происходил постепенный отказ от элементов, усложняющих взаимосвязи, по

² Французская классификация семей права Рене Давида, немецкая – К. Цвайгерта и Х. Кетца, американская – К. Осаке, классическая, представленная Т. В. Кашаниной. См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2007. С. 87–99.

причине их нецелесообразности), применимости к однотипным общественным отношениям вне языковой обособленности (например, обменные или торговые отношения имеют содержанием одинаковые и понятные всем народам действия). Что касается обычаев и иных социальных норм, то общества применительно к ним проявляют бóльшую консервативность.

Осмысление данной проблематики с философской точки зрения вводит в ее категориальный аппарат понятие «культура», которое раскрывается в широком (материальные и духовные средства и продукты жизнедеятельности, которые созданы самим человеком³) и узком (универсальный способ творческой самореализации человека через постижение смыслов человеческой жизни⁴) понимании. Взаимосвязь этих пониманий заключается в том, что человек сам определяет для себя необходимое и имеющее определенный смысл, а затем создает это объективно или субъективно необходимое, которое в свою очередь способствует развитию человека, меняет его. Таким образом человек – творец культуры во всех ее смыслах и, одновременно, он становится объектом влияния культурной жизни, когда его черты (возможности и способности) признаются продуктами культуры, производными от культуры качествами.

С этой точки зрения право – элемент формируемой человеком и различными социумами культуры или среды (системы регуляций) искусственного происхождения, поскольку оно во всех своих формах источником имеет сознание (индивидуальное или общественное) определенного уровня развития.

Одно из определений понятия «правовая культура» дала И. Р. Роль, рассматривающая его как «часть общей культуры, результат и качественное состояние правовой жизнедеятельности социума, выражающееся в определенном уровне совершенства правовых актов, научной и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития индивида, его правового поведения, оказывающее первостепенное влияние на развитие общества и обеспечение самого существования социума и правового государства»⁵.

Выделяя слова о том, что это определенный уровень правосознания, подчеркнем его составляющие, а именно, знание действующего законодательства, правильное его понимание, соблюдение, исполнение, использование, применение, нетерпимое отношение к любым нарушениям законности. Высший уровень правовой культуры – социально-правовая активность, использование правовых знаний в целях укрепления законности

³ См.: Культурология : учебное пособие / сост. и отв. ред. А. А. Радугин. М., 2001. С. 50.

⁴ См.: Там же. С. 14.

⁵ Роль И. Р. Понятие правовой культуры, отграничение от смежных категорий // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/06/89780> (дата обращения: 21.04.2021).

и правопорядка. Человек, обладающий таким уровнем правовой культуры, не является посторонним наблюдателем, созерцателем общественных процессов, а активно включается в решение общественных проблем. Индивидуальное правосознание определяет уровень или качество общественного правосознания, которые генерируют все правовые формы и подвергаются воздействиям, обусловленным этими формами.

Какую истину открывает юридическая антропология как наука и для чего?

Правовой аспект социальной жизни человека, выделенный в вышеприведенном тезисе В. С. Нерсисянца, требует особого внимания к правовой культуре в ее применении к человеку и гражданину как центру социальных связей в обществе. Элементный состав правовой культуры применительно к личности человека и гражданина государства (как и к любому социуму), несмотря на имеющиеся особенности, идентичен (правосознание или знание права и его оценочное восприятие, правовая убежденность или устойчивость мотивационных установок на правомерное поведение, правовая активность индивидуального или коллективного субъекта)⁶. Полагаем, что именно в этой предметной сфере должна находить свою локализацию юридическая антропология, изучая человека как первичную социальную единицу, его интеллектуально-психические флуктуации в развитии порождаемых им в сообществе себе подобных и обращенных своими воздействиями на них правовых отношений. Упрощенная схема – от правосознания и его проявлений, а также причин его особенностей к условно идеальной модели правосознания и способам ее формирования (для чего?). Последний тезис акцентирует внимание на целевых установках исследований в рамках юридической антропологии, которые должна обозначать любая гуманитарная наука, отвечая своему философскому предназначению.

Труд Н. Рулана структурирован особым образом, проявляющим тяготение автора к свободной манере изложения материала. Его особо не беспокоит вопрос строго формального определения предмета юридической антропологии, который он очерчивает различными способами: это «речевой строй, жизненные навыки и формы представительства, которые каждое общество считает основополагающими для своего функционирования и воспроизводства»⁷; человек «во всём его многообразии, во всех его хронологических, географических измерениях, во всех типах общностей»⁸; многообразные социальные и правовые системы⁹; правила поведения в различных обществах в их юри-

⁶ В историческом аспекте: сознание члена социума или знание правил общежития и обычаев, а также оценочное их восприятие; уверенность в необходимости соблюдения правил и обычаев, а также неизменность мотивации поведения; активное проявление указанных субъективно-объективных протоправовых установок.

⁷ Рулан Н. Юридическая антропология : учебник / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1999. С. 7.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ См.: Там же.

дическом аспекте и право как один из элементов общей культурной и социальной системы¹⁰; основные правовые механизмы обществ¹¹; функционирование обществ исходя из соотношения юридической теории и практики «с той логикой и образом мышления, которые их определяют»¹².

В изложении В. С. Нерсисянца, обобщившего взгляды Н. Рулана, юридическая антропология призвана исследовать «весь комплекс правовых явлений (все правовые формы в широком смысле этого слова – правовые нормы, отношения, идеи и представления, институты, процедуры, способы регуляции поведения, защиты порядка, разрешения конфликтов и т.п.), которые складываются в различных сообществах»¹³. Затем следует следующий тезис: «Междисциплинарное значение юридической антропологии обусловлено, в конечном счете, тем, что в ней под углом зрения изучения такого четко определенного объекта и одновременно такого фундаментального явления, как право (а вместе с ним также государства, политики, управления и т.д.), – сконцентрированы все существенные достижения и “работоспособные” идеи и концепции социальной антропологии, этнологии, социологии, культурологии и ряда других гуманитарных наук»¹⁴. Из чего следует, что право выступает уже не предметом, а объектом изучения юридической антропологии, что не согласуется с позицией Н. Рулана, который контекстно рассматривает право в качестве именно предмета юридической антропологии.

В данной работе проявляет себя проблема неопределенности взглядов ученых на объект и предмет в праве. Так, говоря об обществе, Н. Рулан рассматривает его как объект исследования¹⁵, но, понимая под многообразными социальными системами собственно различные общества, мы вправе удивиться тезису, в котором автор относит их к предмету юридической антропологии¹⁶. Оговорка Н. Рулана относительно того, что его труд не трактат для специалистов¹⁷, в некоторой степени объясняет противоречия в позиции автора по данной проблеме, но, одновременно, не позволяет говорить о научной строгости предложенного материала.

Надо признать, что в трудах российских правоведов также выражаются разноречивые мнения по данному вопросу. Например, В. В. Бочаров полагает возможным отнести к объектам исследования юридической антропологии различные правовые субкультуры¹⁸, а А. И. Ковлер (к сло-

¹⁰ См.: Рулан Н. Указ. соч. С. 9.

¹¹ См.: Там же. С. 11.

¹² Там же. С. 230.

¹³ Нерсисянц В. С. Указ. соч. С. 1.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ См.: Там же. С. 14.

¹⁶ См.: Там же. С. 8.

¹⁷ См.: Там же. С. 11.

¹⁸ См.: Бочаров В. В. Антропология права: антропологические и юридические аспекты // Человек и право. М., 1999. С. 29.

ву сказать, один из разделов его соответствующего авторского учебного курса имел название «Правовая культура как феномен цивилизации») выстраивает свою концепцию юридической антропологии на основе выделения предмета исследования¹⁹, одновременно плюралистично принимая термин «объект исследования».

Интерпретация предмета юридической антропологии, предложенная В. С. Нерсисянцем, настораживает перечислением предметных областей других правовых наук, в ней усматривается утрата такого аспекта юридической антропологии, как правовая культура, не вполне ясно и не вполне во взаимосвязи с вопросом о предмете, показываемом Н. Руланом.

Более конкретен С. И. Архипов, который, проанализировав известные определения юридической антропологии, признал, что «невозможно выделить особое место юридической антропологии в системе юридических наук; в предмет ее изучения включается всё, что так или иначе связано с правом»²⁰.

Как предполагает Н. Рулан, юридическая антропология – дочь истории права²¹, но если он выделяет вопрос влияния одних культурных систем на другие и рассуждает о культурно-правовых моделях, правовой культуре²², то непризнание материнских начал за теорией права выглядит недопустимой оплошностью.

Не вполне ясно выражена Н. Руланом сущность антропологического метода исследования – «оригинальность антропологического метода заключается в изучении правового опыта во всем его многообразии»²³. Избегает дефинирования основного метода юридической антропологии А. И. Ковлер.

Определив темой своего исследования антропологический метод познания права, Н. С. Пилюгина понимает под ним «определенный теоретико-методологический подход к исследованию права как социокультурного феномена, включающий в себя логико-гносеологические принципы, основополагающие парадигмы и конкретные методы исследования правовой реальности»²⁴, по сути, не раскрыв семантического значения дефинируемого термина. Вместе с тем заслуживает внимания ее вывод о том, что юридическая антропология не имеет приемов исследования, которые не использовались другими социальными науками²⁵.

¹⁹ См.: Ковлер А. И. Антропология права : учебник. М., 2002. С. 22

²⁰ Архипов С. И. Антропологическая теория права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 5. С. 6.

²¹ См.: Ковлер А. И. Указ. соч. С. 24.

²² См.: Там же. С. 184–185.

²³ Там же. С. 230.

²⁴ Пилюгина Н. С. Антропологический метод познания права: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 5.

²⁵ См.: Там же. С. 24.

Восприятие различными учеными вопроса о содержании юридической антропологии неоднозначно, как и подходы к его раскрытию²⁶. Например, возникла проблема названия данной научной дисциплины и соответствующего учебного курса, поскольку Н. Рулан говорит о «юридической антропологии», как и В. С. Нерсисянц, а В. В. Бочаров, В. А. Тишков, А. И. Ковлер – об «антропологии права». Заметим, что А. И. Ковлер не делает различий между этими понятиями²⁷, как и Н. С. Пилюгина. В конечном итоге, создаётся впечатление искусственности данной научной отрасли юриспруденции (неопределённость названия, объекта, предмета, метода).

Представляется, что используемый термин «антропология права» некорректен, поскольку антропология в расширенном смысле изучает человека, произошедшего, развивающегося и существующего как в природной (естественной), так и в культурной (искусственной) средах, а не право. Если право – часть культурной среды, созданной человеком, то уместно говорить о правовой (юридической) антропологии, предметная сфера которой будет связана с правосознанием, правовой культурой человека и их проявлениями в различных социальных группах.

Как нам представляется, весьма близка к соответствующей предметной области юридическая психология. Возможно, сообразуясь с предметом антропологии, следует выстраивать теорию юридической антропологии на базе представлений о правосознании и его эволюции или об интеллектуально-психической природе самоорганизации человека и человеческих общностей, о деятельности реакции разума человека на жизненные явления, приводящей к выработке и внедрению в социальную жизнь именно правовых регуляций, что отвечает известному тезису, ставшему аксиомой, – сознание есть высшая форма отражения действительности. В этом случае мы можем говорить о человеке и его сообществах и как об объекте юридической антропологии, и как об индивидуальном, коллективном и общественном правосознании, отражающем все правовые формы бытия человека, как о соответствующем предмете.

Тогда юридическая антропология становится частью теории права и государства, а не раскрывается над ней «зонтиком», каждый сектор которого – раздел теории государства и права или какая-нибудь гуманитарная наука.

Подчеркнем, если мы выберем в качестве предмета только правовые формы бытия человека или общества, то войдем в предметную область теории государства и права, подменяя ее новой теорией европейского происхождения, человекоцентристской, но отодвигающей сообщества людей на второй план, и получая искусственно созданную ситуацию конкуренции этих отраслей правовых знаний.

²⁶ См.: Рулан Н. Указ. соч.; Тишков В. А. Антропология права – начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь / отв. ред Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2000. С. 7–14; Ковлер А. И. Указ. соч.; Пилюгина Н. С. Указ. соч.

²⁷ См.: Ковлер А. И. Указ. соч. С. 28.

Библиографический список

Архипов С. И. Антропологическая теория права / С. И. Архипов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2016. – № 5.

Бочаров В. В. Антропология права: антропологические и юридические аспекты / В. В. Бочаров // Человек и право: книга о летней школе по юридической антропологии. – М. : Стратегия, 1999. – 196 с.

Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.

Ковлер А. И. Антропология права : учебник / А. И. Ковлер. – М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2002. – 480 с.

Культурология : учебное пособие / сост. и отв. ред. А. А. Радугин. – М. : Центр, 2001. – 304 с.

Нерсисянц В. С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина. Предисловие / В. С. Нерсисянц // Рулан Н. Юридическая антропология : учебник / отв. ред. В. С. Нерсисянц. – М. : Издательство НОРМА, 1999. – 310 с.

Пилюгина Н. С. Антропологический метод познания права: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук / Н. С. Пилюгина. – Краснодар, 2009. – 162 с.

Роль И. Р. Понятие правовой культуры, отграничение от смежных категорий / И. Р. Роль // Современные научные исследования и инновации [Электронный ресурс]. – 2019. – № 6. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/06/89780> (дата обращения: 21.04.2021).

Рулан Н. Юридическая антропология : учебник / Н. Рулан ; отв. ред. В. С. Нерсисянц. – М. : Издательство НОРМА, 1999. – 310 с.

Тишков В. А. Антропология права – начало и эволюция дисциплины / В. А. Тишков // Юридическая антропология. Закон и жизнь / отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. – М. : Стратегия, 2000. – 220 с.

References

Arkhipov S. I. Anthropological theory of law / S. I. Arkhipov // Electronic supplement to the Russian Legal Journal. – 2016. – No. 5.

Bocharov V. V. Anthropology of law: anthropological and legal aspects / V. V. Bocharov / Man and law. – M. : Strategia, 1999.

Culturology : textbook / compiled and responsible editor A. A. Radugin. – M. : Center, 2001. – 304 p.

Kashanina T. V. Legal technology : textbook / T. V. Kashanina. – M. : Eksmo, 2007. – 512 p.

Kovler A. I. Anthropology of law : textbook for universities / A. I. Kovler. – M. : Publishing house NORMA (Publishing group NORMA – INFRA-M), 2002. – 480 p.

Nersesyants V. S. Legal anthropology as a science and academic discipline. Preface / V. S. Nersesyants // Rulan N. Legal anthropology : textbook for universities / executive editor V. S. Nersesyants. – M. : Publishing house NORMA, 1999. – 310 p.

Pilyugina N. S. Anthropological method of knowledge of law: theoretical and legal analysis : diss. ...Cand. of Legal Sciences / N. S. Pilyugina. – Krasnodar, 2009. – 162 p.

Rol I. R. The concept of legal culture, delimitation from related categories / I. R. Rol // Modern scientific research and innovation [Electronic resource]. – 2019. – No. 6. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/06/89780> (date of access: 21.04.2021).

Rulan N. Legal anthropology : textbook for universities / N. Rulan ; executive editor V. S. Nersesyants. – М. : Publishing house NORMA, 1999. – 310 p.

Tishkov V. A. Anthropology of law – the beginning and evolution of the discipline / V. A. Tishkov // Legal anthropology. Law and life / rep. edited by N. I. Novikova, V. A. Tishkov. – М. : Strategia, 2000. – 220 p.

Для цитирования:

Борисов А. М. Юридическая антропология: проблемы наименования, объекта и предмета // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 7–16.

Recommended citation:

Borisov A. M. Legal anthropology: problems of its name, object and subject // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 7–16.

Сведения об авторе

Борисов Андрей Маркович – доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: andrei_borisov@mail.ru

Information about author

Borisov Andrey Marksovich – Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law of Kursk State University, Candidate of Historical Sciences, Docent

E-mail: andrei_borisov@mail.ru

ЧЕЛОВЕК В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ КОНЦА III – НАЧАЛА II ТЫС. ДО Н.Э.

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 ноября 2023 г.

Аннотация: правовая культура Месопотамии III–II тыс. до н.э. является отражением истории ее разнотипных обществ, их идеологии, материальной, художественной и духовной культуры. А это значит, что она – производное той социально-экономической и политической модели, в основе которой были заложены ее сущность, важнейшие тенденции и закономерности. Составляя часть культурного пространства, оно отображало важнейшие тенденции, противоречия и закономерности общественного развития. Собственно, этим и определялось в нем место Человека, восприятие, содержание, понимание и трактовка им правовых норм, рассматриваемых в качестве необходимых средств установления истины и достижения справедливости в своей повседневной жизни в обществе.

Ключевые слова: законы, правовое пространство, правовой акт, правосудие, лугаль, энси, принцип историзма, диалектика.

A PERSON IN THE LEGAL SPACE OF ANCIENT MESOPOTAMIA OF THE LATE 3RD – EARLY 2ND MILLENNIUM BC

N. P. Pisarevsky

Voronezh State University

Abstract: the legal culture of Mesopotamia of the 3rd – early 2nd millennium BC is a reflection of the history of its diverse societies, their ideology, material, artistic and spiritual culture. This means that it is a derivative of the socio-economic and political model, which was based on its essence, the most important trends and patterns. The legal space, forming part of the cultural space, it reflected the most important trends, contradictions and patterns of social development. Actually, this determined the place of a Person in it, the perception, content, understanding and interpretation of legal norms by him, considered as necessary means of establishing the truth and achieving justice in his daily life in society.

Key words: laws, legal space, legal act, justice, lugal, ensi, the principle of historicism, dialectic.

© Писаревский Н. П., 2024

Изучение истории культуры народов древнего мира в современной историографии ведется многопланово и в разных научных и методологических контекстах. Самым перспективным методом и его характерной особенностью довольно часто называется междисциплинарность основного подхода. Считается, что он, с одной стороны, открывает исследовательскому поиску широкие эвристические перспективы, а с другой, – порождает определенные трудности гносеологического плана. Наиболее очевидные из них имеют отношение не столько к проблеме переводимости знания с языка одной дисциплины на язык другой, сколько к методологии исторической интерпретации отложившейся в разнотипных письменных источниках юридической информации¹.

Результат очевиден. Современные публикации по данной тематике в научной периодике, помимо своей малочисленности, в своем содержании практически не содержат теоретических разработок, исключающих формальный подход в осмыслении правовых памятников. Статей, нацеленных на вскрытие и объяснение их сущности, явно недостаточно². Причём, в первую очередь, исследований с использованием принципов историзма, диалектики и теории отражения³. Иными словами, того самого метода, который связан с историей общества, этапом его конкретного социально-экономического и политического развития, состоянием идеологии и культуры (материальной, художественной и духовной).

Именно они в своей совокупности (и диалектике) оказывали воздействие на восприятие человеком окружающей действительности, преломляясь в индивидуальном ее понимании и воспроизведении в художественных (и художественно-исторических) образах пластических искусств, вазописи и живописи. Правовое пространство Древней Месопотамии во-

¹ Дискуссии о понятиях «правовая культура» и «правовое пространство» исходят из неверного определения, в котором основным словом является «совокупность», «конгломерат», а не «диалектика разнотипных отношений». См.: История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. М., 2004. С. XII–XIII; *Doak B. R. The Origins of Social Justice in the Ancient Mesopotamian Religious Traditions* // Faculty Publications – College of Christian Studies. 2006. Paper 185; *Mirakhor A., Askari H. Conception of Justice: Pre-Axial Mesopotamia* // *Conceptions of Justice from Earliest History to Islam. Political Economy of Islam*. New York, 2019. P. 63–96.

² *Якобсон В. А. Законы и законность в Вавилонии* // История и языки древнего Востока. Сборник памяти И. М. Дьяконова. СПб., 2002. Ср.: *Суровень Д. А. Ранняя форма государства* // Новый ракурс. 2016. № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rannaya-forma-gosudarstva> (дата обращения: 28.11.2023); *Его же. Правовой статус граждан и лиц без гражданства в Древней Месопотамии Раннединастического, Раннедеспотического и Старовавилонского периодов (середина XXVIII – начало XVI вв. до н.э.)* // Новый ракурс. 2014. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-drevney-mesopotamii-rannedinasticheskogo-rannedespoticheskogo-i> (дата обращения: 28.11.2023).

³ См.: *Никитина А. Д. Правовая культура Ашшура и Вавилонии в первой половине II тыс. до н.э.* : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 37 и сл.

обще, его восприятие населением в III–II тыс. до н.э. и его отображенность в общественном и индивидуальном сознании человека, в частности, в указанном отношении не составляет никакого исключения.

А это означает, что правовое пространство Месопотамии, являясь составной частью ее культурного пространства, отражало важнейшие тенденции, противоречия и закономерности ее общественного развития. Собственно, этим и определялись как содержание этого понятия, так и отображенная в нем система многоуровневых и разноаспектных отношений, специфика которых объясняется этапом исторического развития общества.

Что же представляло собой общество Месопотамии в историко-географическом и историко-культурном плане? Согласно современным представлениям это было общество, экономическую основу которого составляла триада форм собственности (общинно-частной, государственной и храмовой). Ими определялась структура экономики и сословно-классовая социальная иерархия, статус Человека и его мировоззрение в целом. С этой точки зрения, отмечая отсутствие в Месопотамии кодексов законов в полном смысле этого слова и определяя их как утилитарного порядка записи правовых, разновременных норм, ограничивавших произвол, необходимо отметить их сконцентрированность на разрешении экономических и социальных отношений. По сути дела, первоочередное внимание было сосредоточено на рассмотрении постоянно усложнявшихся отношений собственности. При этом их разрешение (разрешение правовых по сути норм) производилось в контексте идеологии, ориентированной на установление порядка и рассматриваемой как истина справедливости.

Из этого проистекала одна из самых важных особенностей правового порядка Месопотамии: в нем зафиксирован сдвиг в концепции правосудия от грандиозного космического видения к концепции, воплощенной в законе справедливости. Не менее существенный характер носит и второе замечание, необходимость производства которого продиктовано современными научными открытиями как новых юридических текстов раннединастического, аккадского, аморейского (старовавилонского), касситского и арамейского (нововавилонского) периодов ее истории, так и результатами переосмысления концепций их трактовки, имевших место в прошлом.

Достигнутые результаты способствовали уточнению, а в целом ряде разработок проблемы – и существенному обновлению существующих представлений. К ним относятся:

1) пересмотр сущности восточной деспотии как ничем не ограниченной власти и типа государственности; о подавлении государством личности. Теперь ее рассматривают в качестве гаранта социальных прав свободного населения (например, Египет, Месопотамия, царство хеттов). Доминантой правовой политики и законов древневосточных государств

(царственности) является ограничение и регламентирование частной эксплуатации и частнособственнических отношений вообще, утверждение за государством контроля над всей хозяйственной социально-политической жизнью;

2) изменение взглядов о некоем особом характере мышления человека Древнего Востока, в плане его существенных различий с современным. Теперь оно рассматривается таким же логичным и рациональным в трактовке эмоционально-ассоциативного (предметно-чувственного или ассоциативного) восприятия окружающей действительности и мира в целом на основе своего биосоциального опыта и трудовой деятельности, а также независимости впечатлений от его сознательной воли; человек Древнего Востока строил свою картину мира на интерпретации такого «опыта», причем изучал его точно таким же аналитически сопоставительным, логико-эмпирическим путем, как и современная наука. Магико-мифологическое знание отличается лишь границами выделения объективного опыта; критерии же этого выделения (т.е. саму суть опыта) они понимают совершенно одинаково;

3) переосмысление по многим своим признакам идеологии населения Древнего Востока вообще, Древнего Ближнего Востока, в частности. По мнению современных специалистов, лежащая в ее основе мыслительная деятельность и она сама соответствуют вовсе не религии в ее средневековом и более позднем понимании, а тождественны современной прикладной науке и наукоемкому производству; такого рода представления сконцентрированы на поиске и формулировке, с одной стороны, критериев обоснования смысла жизни, а с другой – обосновании социальных, материальных и физических благ для общества и его членов;

4) и самое главное открытие: констатация факта, согласно которому, с точки зрения древних, система ценностей и моральные нормы вырабатывают для себя сами люди (как и боги) по своей воле и в своих интересах, генерируя их в своих житейских целях, как средство оптимального обеспечения своих природных потребностей. Поскольку удовлетворять эти потребности возможно только в коллективе, именно по этой причине правила коллективного общежития становятся необходимыми и этически ценными.

При всём этом отсутствие целостности, системности, абсолютизация произвола как случайности, помноженных на обусловленный естественно-географическими предпосылками и историческими условиями результат, не нарушают единой картины (и ее закономерностей) формирования города, социально-стратифицированного общества и государства, что и позволяет рассматривать их в едином контексте.

От этого – новый этап изучения и осмысления поднятой нами проблемы.

Требует рассмотрения и само понятие «правовое пространство». Следует отметить, что определений понятия «правовое пространство» множество. Например, энциклопедический словарь по конституционному праву характеризует его как единство правовых, социально-политических, экономических и информационных стандартов. Как правило, речь идет о едином правовом пространстве в стране. Понятие «пространство» в правовой литературе имеет определяющее значение и позволяет исследовать разные стороны предмета познания в юридическом аспекте. Преломление через правовое пространство предмета исследования – это рассмотрение его сквозь призму правовых стандартов в конкретной социокультурной среде⁴.

Обращение к возможностям исторического подхода, таким образом, становится определяющим как в трактовке понятия правового пространства, так и в дешифровке его сущности в обществах и государствах Древнего Востока вообще, Древней Месопотамии в частности.

Прежде всего, в указанном отношении необходимо отметить закономерность, согласно которой культура есть отображение истории общества на всех уровнях (материальном, художественном, духовном) и этапах его исторического развития. Право как часть культуры в этом контексте подчиняется той же закономерности. Его зарождение и генезис отражают проблемы и важнейшие тенденции, с которыми данное конкретное общество (или государство) сталкивалось в социально-экономической или политической сферах.

С учетом данного обстоятельства, правовое пространство обширно по своим размерам и структурировано как система. Важнейшими предпосылками и причинами такого его восприятия являются следующие:

- 1) второе крупное общественное разделение труда, рождение города и его разделение с деревней;
- 2) отделение ремесла от сельскохозяйственного производства;
- 3) эволюция организации и ориентация общественного и индивидуального производства на массового потребителя;
- 4) складывание внутреннего и внешнего рынков, рождение всеобщего эквивалента товаров (протоденег).

Собственно, необходимостью приспособления общества и государства к изменяющимся условиям своего социально-экономического развития и была продиктована известная ограниченность правового пространства Древней Месопотамии, усложняемая социально-экономическими и политическими реалиями, этно-социальными, экономическими, политическими и военными обстоятельствами повседневной жизни. Это означает, что важнейшими объектами правового пространства в Древней

⁴ См.: Яхьяева М. У. Понятие «правовое пространство» как «модный» концепт // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12(66). Ч. 2. С. 138.

Месопотамии выступали город, государство, сельская территориальная община, а в качестве его субъектов – составлявшее основу общественной классово-сословной иерархии, свободное и зависимое население государственного, общинно-частного и храмового секторов экономики месопотамских государств разных периодов их истории.

Показательны принципы, воплощенные в правовых нормах первых законов Месопотамии.

«nì(g)-si-sá» (шум. «правосудие», «справедливость»; аккад. mīšaru[m]) противостоит политическому принципу вожества (лугальства). Основу их понимания определяло употребляемое в текстах слово «возвращение», «восстановление» (шум. ama-ar-gi; аккад. andurārum – досл. «возвращение к матери»)⁵. Оно включало широкую палитру значений – приведение в исходное состояние, очищение от долгов, аннулирование обязательств – и присутствовало в царских указах об освобождении от долгов⁶. В числе авторов и инициаторов таких правовых актов в источниках упоминаются Энметену, Урукагину, Гудеа, Ур-Намму и Хаммурапи.

Почему в законах указанных лиц систематизации регулируемых отношений в качестве преамбулы всегда предшествует декларация установления Порядка на месте Беспорядка? Да потому, что связывание хаоса с уходом из жизни царя-благодетеля определялось представлениями о наступлении мрака и других бедствий в стране по причине разрушения (sic!) – **«сути всех вещей и законов мира»** (шум. me; аккад. partsu), т.е. **«могущественной и божественной силы»** человека и общества.

Доказательством этому служат конкретные факты истории Месопотамии первой половины III тыс. до н.э. (времени трёх раннединастических периодов).

Так было, например, в Лагаше при энси Энметене (2404–2375 гг. до н.э.), который провозгласил начало времён «великой справедливости». Еще более выразительно та же идея присутствует в декларации его потомка лугаля Урукагины/Уруинимгины (2319–2311 гг. до н.э.), который ради восстановления справедливости и истины «Ме» (души древних справедливых законов) пошел на заключение договора с богами. Весьма примечательно, что «душа законов» в трактовке составителей законов распространялась на защиту слабых от притязаний сильных, на обеспечение прав вдов и сирот, защиту должника от притязаний кредитора и т.п.

⁵ См.: Трикоз Е. Н. Древний Шумер: особенности правовой традиции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 138.

⁶ Такая трактовка весьма и весьма показательна как отображение дуализма, свойственного сочетанию предметно-чувственного и ассоциативного (практического и теоретического, мировоззрения и мироощущения) в восприятии человеком Древней Месопотамии окружающей его действительности. «Ме» – как суть всех вещей, душа (отсюда истоки дуализма в понимании человеческой сущности в христианстве).

То же самое характеризовало правовую политику предшественника Хаммурапи царя III династии Ура (Шумеро-Аккадское царство). Ур-Намму с самого начала позиционировал себя поборником и хранителем справедливости, «живым законом» на земле. Унификация права и судебной практики, нацеленная на защиту социальных прав населения, подкреплялась объяснением его истинности как посредника и справедливого пастыря на доступном общественному сознанию страны языке (шум. *lugal-sira* – «царь как овечий пастух») и картинками – посох и кольцо для ноздрей быка, ставших впоследствии символикой правосудия, владычества и истины. По той же схеме – преамбула и изложение действующих правовых положений – построены и другие законы. Главная цель пышных прологов (особенно это характерно для Законов Хаммурапи), гласящих о справедливости, великих заслугах правителя, заключалась в том, чтобы обосновать угодность, обязательность царских постановлений и тем самым законность самой царской власти⁷.

И еще одно обстоятельство следует иметь в виду. Говоря о нем, следует учитывать специфику правовой культуры Месопотамии. Как уже отмечалось, она (по причине дуализма естественно-географических причин и исторических условий) носила двойственный (диадический) характер. Его прямым выражением выступало и само понимание правового пространства как упорядоченной и окружавшей человека действительности (т.е. макро- и микрокосмоса, Олама (*Olam*) Ветхого Завета). Они насыщены произведенными людьми полезными и бесполезными вещами, разделением которых они занимаются в зависимости от своего места и статуса (Человек, сын человека, мушкенум, редум, вардум Законов Хаммурапи).

К этому следует добавить и объясняемое этим последним отсутствие, в частности, в Месопотамии абстрактного понятия права. Месопотамская правовая культура как часть общей культуры ее населения опиралась на предметно-чувственное, мифопоэтическое по своему типу мышление. Правосудие (шум. *ni-si-sá*; аккад. *mīšaru*) воспринималось как непосредственный «физический» труд восстанавливающего в обществе Справедливость и Истину (и исконные социальные ценности) царя⁸.

⁷ См.: *Claassens S. J. The so-called "Mesopotamian Law Codex". What is in a name? // Journal for Semitics. 2010. Vol. 129. Iss. 2.*

⁸ Предметная чувственность сокрыта в том труде, который был затрачен на усвоение знаний. Социальный престиж писцовой школы, так называемой эдуббы, был очень высок. А особый авторитет профессии дубсара, почет и преклонение перед ней были связаны в первую очередь с тем, что писцы, единственные наряду с царями (и их *nam-lugal*), имели свою особенную судьбу (шум. *nam-dubsar*). Ведь усваивать знания и оттачивать писцовое искусство с помощью шумеро-аккадской клинописи было очень сложно, на это уходила большая часть жизни (в школах учились порой по 15–20 лет). На уроках («мугубба») многократно копировали тексты из табличек-моделей в контрольные таблички из мягкой глины, в частности переписывали формуляры договоров (модельные контракты). Физический труд был связан с многократным копированием и систематизацией правовых текстов и т.д. и т.п.

Это находило отображение и в так называемой юридической терминологии. Понятие «судоговорение» в оригинальных источниках представлено как «разговор». Та же самая закономерность проступает и за понятием слово или дело – *inim/awātum*. Наконец, определение дела, по которому судья вынес решение и отправил в архив его запись, выразилось в эпиграфических источниках термином «*di til-la*» (досл. «закрытое *di*» – «решенное дело», «приговор»)⁹.

Наконец, в понимании правового пространства Древней Месопотамии не следует забывать установки общественного сознания ее населения на идеалы добра и справедливости, которые самым непосредственным и ярким образом представлены в так называемом прологе к Законам Хаммурапи: «...заставить Справедливость сиять, уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого»¹⁰.

Перечисленными причинами объясняются совершенно специфические особенности правовых представлений и законов Месопотамии. Правовые нормы, с одной стороны, относились к законотворческому искусству и потому были ориентированы на людей, выносивших судебные решения, – судей. С другой стороны, предлагаемые в законах модельные правовые решения (дитиллы) опирались на практику традиционных и государственных норм с учетом их систематизации в контексте экономических и социальных реалий современной действительности.

При этом следует принимать во внимание, что в социально-экономических и политических условиях III–I тыс. до н.э. государство (воспринимаемое населением как царственность конкретного правителя) выступало инструментом и гарантом защиты социальных прав коренного населения.

Подведем итоги. Правовая культура Месопотамии является отражением истории обществ, их идеологии, материальной, художественной и духовной культуры¹¹. А это значит, что она – производное той социаль-

⁹ См.: *Barmash P. Scribal Initiative in the Clarification and Interpretation of Mesopotamian Law Collections // Studies in the Bible, Ancient Near Eastern Literature, and Postbiblical Judaism Presented to Shalom M. Paul on the Occasion of His Seventieth Birthday / ed. by Chaim Cohen, Victor Avigdor Hurowitz, Avi M. Hurvitz, Yochanan Muffs, Baruch J. Schwartz and Jeffrey H. Tigay. Penn, 2008. P. 551; Idem. Excursus: Scribes and Scribal Education // The Laws of Hammurabi: At the Confluence of Royal and Scribal Traditions. Oxford, 2020. P. 10, 51–53.*

¹⁰ История Древнего Востока : учеб. пособие / М. Д. Бухарин, И. А. Ладынин, Б. С. Ляпустин, А. А. Немировский ; под ред. Б. С. Ляпустина. М., 2009. С. 460–466; 501–507; *Paul Sh. Studies in the Book of the Covenant in the Light of Cuneiform and Biblical Law. Eugene, 2006. P. 12–14; Slansky K. E. The Law of Hammurabi and Its Audience // Yale Journal of Law & the Humanities. 2012. Vol. 24, iss. 1, art. 3. P. 2, 13–14; Marc Van De Mieroop. Democracy and The Rule of Law, The Assembly, and The First Law Code from: The Sumerian World Routledge. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203096604.ch13> (дата обращения: 02.12.2023).*

¹¹ Особенно показателен замеченный специалистами факт: в конце почти каждого произведения указывалось название его категории, иногда с пометкой о музыкальном сопровождении (например, песни «баль-баль», гимны «зами», плачи «иршем»).

но-экономической и политической модели, в основе которой были заложены ее сущность, важнейшие тенденции и закономерности. Иными словами, правовое пространство, составляя часть культурного пространства, отображало важнейшие тенденции, противоречия и закономерности общественного развития. Правовое пространство Месопотамии III–II тыс. до н.э. было составной частью культуры ее населения. Собственно, этим и определялись место в нем Человека, восприятие, содержание, понимание и трактовка им правовых норм, рассматриваемых в качестве необходимых средств установления истины и достижения справедливости в своей повседневной жизни в обществе.

Библиографический список

История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. – М. : Норма, 2004. – 624 с.

История Древнего Востока : учеб. пособие / под ред. Б. С. Ляпустина. – М. : Дрофа, 2009. – 623 с.

Никитина А. Д. Правовая культура Ашшура и Вавилонии в первой половине II тыс. до н.э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Д. Никитина. – М., 2013. – 42 с.

Суровень Д. А. Правовой статус граждан и лиц без гражданства в Древней Месопотамии Раннединастического, Раннедеспотического и Старовавилонского периодов (середина XXVIII – начало XVI вв. до н.э.) / Д. А. Суровень // Новый ракурс [Электронный ресурс]. – 2014. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-drevney-mesopotamii-rannedinasticheskogo-rannedespoticheskogo-i> (дата обращения: 28.11.2023).

Суровень Д. А. Ранняя форма государства / Д. А. Суровень // Новый ракурс [Электронный ресурс]. – 2016. – № 16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rannaya-forma-gosudarstva> (дата обращения: 28.11.2023).

Трикоз Е. Н. Древний Шумер: особенности правовой традиции / Е. Н. Трикоз // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 3.

Якобсон В. А. Законы и законность в Вавилонии / В. А. Якобсон // История и языки древнего Востока. Сборник памяти И. М. Дьяконова. – СПб. : Петербург. востоковедение, 2002. – 411 с.

Яхьяева М. У. Понятие «правовое пространство» как «модный» концепт / М. У. Яхьяева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 12(66), ч. 2. – С. 138–140.

Barmash P. Scribal Initiative in the Clarification and Interpretation of Mesopotamian Law Collections / P. Barmash // Studies in the Bible, Ancient Near Eastern Literature, and Postbiblical Judaism Presented to Shalom M. Paul on the Occasion of His Seventieth Birthday / ed. by Chaim Cohen, Victor Avigdor Hurowitz, Avi M. Hurvitz, Yochanan Muffs, Baruch J. Schwartz and Jeffrey H. Tigay. – Penn, 2008.

Claassens S. J. The so-called “Mesopotamian Law Codex”. What is in a name? / S. J. Claassens // Journal for Semitics. – 2010. – Vol. 129, iss. 2. – Pp. 461–478.

Doak B. R. The Origins of Social Justice in the Ancient Mesopotamian Religious Traditions / B. R. Doak // Faculty Publications – College of Christian Studies. – 2006. – Paper 185.

Mirakhor A. Conception of Justice: Pre-Axial Mesopotamia / A. Mirakhor, H. Askari // *Conceptions of Justice from Earliest History to Islam. Political Economy of Islam.* – New York, 2019. – Pp. 63–96.

Paul Sh. Studies in the Book of the Covenant in the Light of Cuneiform and Biblical Law / Sh. Paul. – Leiden : Brill, 1970. – 149 p.

Slansky K. E. The Law of Hammurabi and Its Audience / K. E. Slansky // *Yale Journal of Law & the Humanities.* – 2012. – Vol. 24, iss. 1, art. 3. – Pp. 97–110.

Van De Mieroop M. Democracy and The Rule of Law. The Assembly, and The First Law Code / M. Van De Mieroop // *The Sumerian World [Электронный ресурс]* / ed. H. Crawford. – London : Routledge, 2012. – URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203096604.ch13> (дата обращения: 02.12.2023).

References

History of state and law of foreign countries : textbook for universities : in 2 parts. Part 1 / ed. O. A. Zhidkova, N. A. Krashenninnikova. – Moscow : Norma, 2004. – 624 p.

History of the Ancient East. Textbook manual for universities / ed. B. S. Lyapustina. – M. : Bustard, 2009. – 623 p.

Nikitina A. D. Legal culture of Ashur and Babylonia in the first half of the 2nd millennium BC : author's abstract. diss. ... Doctor of Historical Sciences / A. D. Nikitina. – M., 2013. – 42 p.

Suroven D. A. Legal status of citizens and stateless persons in Ancient Mesopotamia of the Early Dynastic, Early Despotism and Old Babylonian periods (mid-XXVIII – early XVI centuries BC) / D. A. Suroven // *New perspective [Electronic resource]*. – 2014. – No. 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-drevney-mesopotamii-rannedinasticheskogo-rannedespoticheskogo-i> (date of access: 28.11.2023).

Suroven D. A. Early forms of the state / D. A. Suroven // *New perspective [Electronic resource]*. – 2016. – No. 16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rannyaya-forma-gosudarstva> (date of access: 28.11.2023).

Trikov E. N. Ancient Sumer: features of the legal tradition / E. N. Trikov // *Bulletin of RUDN University. Series: Legal sciences.* – 2013. – No. 3.

Yakhyeva M. U. The concept of legal space as a “fashionable” concept / M. U. Yakhyeva // *International scientific research journal.* – 2017. – No. 12(66), Part 2. – Pp. 138–140.

Yakobson V. A. Laws and legality in Babylonia / V. A. Yakobson // *History and languages of the ancient East. Collection in memory of I. M. Dyakonov.* – SPb. : Petersburg. oriental studies, 2002. – 411 p.

Barmash R. Scribal Initiative in the Clarification and Interpretation of Mesopotamian Law Collections / P. Barmash // *Studies in the Bible, Ancient Near Eastern Literature, and Postbiblical Judaism Presented to Shalom M. Paul on the Occasion of His Seventieth Birthday* / ed. by Chaim Cohen, Victor Avigdor Hurowitz, Avi M. Hurvitz, Yochanan Muffs, Baruch J. Schwartz and Jeffrey H. Tigay. – Penn, 2008. [In Engl.]

Claassens S. J. The so-called “Mesopotamian Law Codex”. What is in a name? / S. J. Claassens // *Journal for Semitics.* – 2010. – Vol. 129, iss. 2. – Pp. 461–478. [In Engl.]

Doak B. R. The Origins of Social Justice in the Ancient Mesopotamian Religious Traditions / B. R. Doak // Faculty Publications – College of Christian Studies. – 2006. – Paper 185. [In Engl.]

Mirakhor A. Conception of Justice: Pre-Axial Mesopotamia / A. Mirakhor, H. Askari // Conceptions of Justice from Earliest History to Islam. Political Economy of Islam. – New York, 2019. – Pp. 63–96. [In Engl.]

Paul Sh. Studies in the Book of the Covenant in the Light of Cuneiform and Biblical Law / Sh. Paul. – Leiden : Brill, 1970. – 149 p. [In Engl.]

Slansky K. E. The Law of Hammurabi and Its Audience / K. E. Slansky // Yale Journal of Law & the Humanities. – 2012. – Vol. 24, iss. 1, art. 3. – Pp. 97–110. [In Engl.]

Van De Mieroop M. Democracy and The Rule of Law. The Assembly, and The First Law Code / M. Van De Mieroop // The Sumerian World [Electronic resource] / ed. H. Crawford. – London : Routledge, 2012. – URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203096604.ch13> (date of access: 02.12.2023). [In Engl.]

Для цитирования:

Писаревский Н. П. Человек в правовом пространстве Древней Месопотамии конца III – начала II тыс. до н.э. // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 17–27.

Recommended citation:

Pisarevskiy N. P. A person in the legal space of Ancient Mesopotamia of the late 3rd – early 2nd millennium BC // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 17–27.

Сведения об авторе

Писаревский Николай Петрович – профессор кафедры археологии и истории древнего мира исторического факультета Воронежского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Information about author

Pisarevskiy Nikolay Petrovich – Professor of the Department of Ancient History and Archaeology of the Faculty of History of Voronezh State University, Doctor of History, Full Professor

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК РАЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ К ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. С. Завьялова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 января 2024 г.

Аннотация: в научной статье анализируется вопрос о качестве и эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности российского государства, делается вывод о фрагментарном способе повышения данных показателей. Обращается внимание на то, что последствия некачественной и неэффективной деятельности создают некомфортную атмосферу как для человека – объекта, в отношении которого направлены результаты правотворческой и правоприменительной деятельности, так и для человека – субъекта, осуществляющего оба вида деятельности. Обосновывается необходимость применения антропологического подхода в изучении заявленной проблематики. С этой целью предлагается систематизировать научные взгляды ученых в сфере юридической антропологии.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, правоприменительная деятельность, качество, эффективность, человек, антропологический подход, юридическая антропология.

THE ANTHROPOLOGICAL APPROACH AS A RATIONAL WAY TO IMPROVE THE QUALITY AND EFFECTIVENESS OF LAW-MAKING AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

I. S. Zavyalova

Voronezh State University

Abstract: the scientific article analyzes the issue of the quality and effectiveness of law-making and law enforcement activities of the Russian state, and concludes that there is a fragmentary way to increase these indicators. Attention is drawn to the fact that the consequences of poor-quality and ineffective activities create an uncomfortable atmosphere both for the person – subject, in relation to whom the results of law-making and law enforcement activities are directed, and for the person – subject carrying out

© Завьялова И. С., 2024

both types of activities. The necessity of applying an anthropological approach to the study of the stated problems is substantiated. To this end, it is proposed to systematize the scientific views of scientists in the field of legal anthropology.

Key words: law-making, law enforcement, quality, efficiency, human, anthropological approach, legal anthropology.

На протяжении весьма длительного периода в своих научных исследованиях ученые обращают внимание на вечный вопрос о том, как законы сделать действенными и эффективными, как повысить качество правоприменительной практики, как не допускать нарушений прав и свобод человека, как сделать так, чтобы вся система государственно-управленческой деятельности была эффективной.

Так, например, вопрос качества правотворчества в своих трудах поднимает профессор Черногор Н. Н., отмечая, что «в процессе правотворчества решаются задачи, имеющие важное значение для общества, государства и личности. Эффективность действия нормативных правовых актов определяется уровнем их подготовки, обсуждения, характером рассмотрения и доведения до сведения исполнителей. В связи с этим качество правотворчества должно повышаться, и для этого требуется решение соответствующих актуальных теоретических и практических проблем правотворчества»¹.

Вопросом эффективности и качества правотворчества задается Залоило М. В. в научной статье «Проблемы обеспечения качества закона», в которой он приводит позиции известных российских ученых о причинах весьма невысокого уровня качества правотворческой деятельности². В другой своей научной публикации – «Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества» – автор также продолжает выявлять причины малоэффективности правотворческой деятельности и формулирует собственные предложения по повышению этого показателя³.

О невысоком уровне качества муниципального правотворчества пишет профессор Астанин В. В. в научной статье «Муниципальное правотворчество: вопросы качества и резервы оптимизации»⁴.

Анализируя правоприменительную деятельность также с позиции качества и эффективности, ученые снова выделяют большой пласт проблем в этой сфере и как следствие весьма низкий уровень этих показате-

¹ Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества : учебное пособие. М., 2018. С. 104.

² См.: Залоило М. В. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. 2017. № 1(241). С. 157.

³ См.: Залоило М. В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4(256). С. 48.

⁴ См.: Астанин В. В. Муниципальное правотворчество: вопросы качества и резервы оптимизации // Мониторинг правоприменения. 2015. № 4(17). С. 7.

телей⁵. Так, например, Самусевич А. Г. в научной статье «Эффективность правоприменительной деятельности» обращает внимание на многогранность данной проблемы, выделяя условия, способствующие повышению уровня качества и эффективности правоприменительной деятельности. Бальхаева С. Б., Сакаева О. И. в научной публикации «Эффективное правоприменение: доктрина и практика» также обращают внимание исследователей на качество реализации принятых законов, приводя обзор выступлений теоретиков и практиков в рамках XI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов по данной теме⁶. Значительное количество научных работ посвящено проблемам правоприменительной деятельности в конкретных сферах: применение норм административного, уголовного, гражданского, трудового и иных отраслевых норм.

Безусловно, хорошо, что научная мысль активна, учеными предпринимаются попытки предложить способы совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности, а, следовательно, повысить уровни качества и эффективности таких видов юридической деятельности. Однако приходится отмечать тот факт, что имеет место фрагментарное «латание дыр», а не создание системного подхода в решении выявленных проблем. Достигнем ли мы необходимых результатов таким способом разрешения ситуации, как в правотворчестве, так и в правоприменении? Вопрос сложный. В связи с этим попытаемся обозначить свой вариант решения проблемы.

Если в самом общем виде проанализировать негативные последствия весьма невысокого уровня качества и эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности, то в основном они сводятся к нарушениям прав и свобод человека, созданию ему некомфортной среды. При этом человека мы рассматриваем не только в качестве объекта, которому адресуются законы, т.е. результаты правотворческой деятельности, и в отношении которого осуществляется правоприменительная деятельность, но и в качестве субъекта, который осуществляет такую деятельность. Появляется некое тождество «Человек = Человек». Обоснуем свою позицию примерами из практики. Человек – представитель власти принимает закон, создающий некомфортные условия законопослушному человеку. Например, в соответствии с частью 1 статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об админист-

⁵ См., например: Хусаинова О. В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.; Швецов С. Б. Эффективность правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 27 с.; Тимохов В. П. Эффективность правоприменительной деятельности (теоретико-прикладной аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 26 с.; Пономарев К. Н. Об эффективности правоприменительной деятельности // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2(5). С. 123–126; Марина И. Н. Средства повышения эффективности применения норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

⁶ См.: Бальхаева С. Б., Сакаева О. И. Эффективное правоприменение: доктрина и практика // Журнал российского права. 2016. № 8(236). С. 161.

ративных правонарушений к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, привлекаются собственники транспортных средств. В соответствии с частью 2 данной статьи собственник транспортного средства освобождается от административной ответственности, если в процессе рассмотрения жалобы будет доказано, что в момент совершения административного правонарушения он не управлял транспортным средством. Может быть, для большинства собственников транспортных средств, которые не совершали административное правонарушение, но в таком порядке были привлечены к административной ответственности, это норма не создает некомфортные условия. Но есть, например, собственники транспортных средств – сотрудники органов внутренних дел, которым такое «письмо счастья» послужит причиной проведения служебной проверки. Сомневаемся, что такая норма права создаёт им комфортные условия⁷.

Или, активно внедряя в наши дни цифровые технологии в различные сферы деятельности государства, в том числе и в правоприменительную, мы сталкиваемся с ситуацией куда более интересной: во-первых, применение цифровых технологий иногда приводит к появлению серьезных ошибок, а как следствие – порождает проблемы для человека. Например, автоматизированная система Федеральной службы судебных приставов некорректно отобразила информацию, что послужило причиной появления исполнительного производства в отношении ошибочного субъекта. Как одно из следствий – на имущество ошибочного субъекта был наложен арест. Представим, что субъект планировал в этот период совершить срочную сделку в отношении арестованного имущества. Снова некомфортная среда для человека. Во-вторых, когда внедряются новые цифровые технологии как в правотворческую, так и в правоприменительную деятельность, инициаторы снова редко задумываются о возможностях человека применять эти технологии в рамках своей деятельности.

Сколько бы мы ни рассуждали о качестве двух важных видов юридической деятельности, их эффективности, сколько бы мы ни приводили примеров из практики, мы все равно приходим к человеку, к необходимости учета его роли с целью получения желаемого – качественной и эффективной правотворческой и правоприменительной деятельности.

В 2020 г. профессор Пашенцев Д. А. в научной статье «Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафа-

⁷ См.: Завьялова И. С. Цифровые технологии в системе механизма привлечения к административной ответственности: конфликтологический аспект // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1(2). С. 117.

ну» написал замечательные строки: «Вызовы современного мира актуализируют поиск новых моделей взаимодействия человека, общества и государства. Основанием поиска таких моделей может служить юридический антропоцентризм, рассматривающий субъект права как центральное звено государственно-правовой системы и ориентирующий на антропологический (человекоцентричный) подход в деятельности институтов публичной власти. Антропология государства предполагает выстраивание гармоничной модели взаимоотношений публичной власти и человека. Такая модель основана на понимании роли каждого субъекта в повседневном конструировании государства и его институтов и характеризуется наличием эффективных механизмов активной реализации прав и свобод личности. В случае ее реализации на смену государству-левиафану придёт более демократичное и эффективное государство»⁸.

Нами ранее также было отмечено, что залогом эффективного управления правовой реальностью является «...уяснение “человекоразмерности” составляющих элементов действующих моделей правового регулирования, анализ степени их соответствия накопленному правовому опыту и особенностям восприятия обществом»⁹. При этом с горечью приходится отмечать, что новая правовая реальность пока, по-прежнему, конструируется без учета «человеческого измерения» и предлагаемые учеными способы повышения уровня качества и эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности в подавляющем большинстве своем не ориентируются на человека, а направлены на совершенствование их ситуационных правовых и процессуальных основ: нормативные правовые акты, регламентирующие процессы, сроки, стадии, процедуры и т.д. Но даже и в таком фрагментарном, ситуативном подходе нет внимания к человеку: человеку, который осуществляет конкретную стадию, процедуру, принимает норму права; и человеку, который является конечным получателем результата такой деятельности.

И здесь уместно привести позицию профессора Честнова И. Л., изложенную в его научной статье «Антропология как методология постсовременной юриспруденции», согласно которой «Основная идея постклассической социокультурной антропологии права состоит в “очеловечивании” правовой реальности. Любой (каждый) социальный институт и процесс существует через практики – ментальные и поведенческие – людей. Именно люди их конструируют и наполняют содержанием, которое состоит в социальных

⁸ Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 37.

⁹ Махина С. Н. Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии [Электронный ресурс]. 2022. № 1. С. 13. URL: <http://jurlac.ru/wp-content/uploads/2023/01/%D0%9C%D0%B0%D1%85%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%A1.%D0%9D.pdf>

представлениях, значениях и смыслах, приписываемых этому институту (процессу), и в действиях, которыми институт (или процесс) воспроизводится. В то же время любой человек социализирован культурным контекстом и поэтому содержание правовой реальности обусловлено правовой культурой, понимаемой как знаковое опосредование (осмысление и означивание) всего того, что окружает человека. Таким образом, антропология права, в качестве “позитивной” программы, предполагает исследование правовой реальности с точки зрения действующих акторов, что характерно для исследования социальности как таковой с позиций социокультурной антропологии. Основным методом при этом является “включенное наблюдение”, дополняемое методиками этнометодологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, конверсационного анализа, нарративной лингвистики, анализа речевых актов и диалога»¹⁰.

Было бы не справедливым с нашей стороны, с позиции сторонников антропологического подхода к изучению качества и эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности, только констатировать факт значимости для научных исследований поворота в сторону антропоцентризма. Совсем закономерно и вполне справедливо мы можем получить от наших оппонентов вопрос о том, а что конкретно необходимо учитывать о человеке, в чем суть антропологического подхода к правотворческой и правоприменительной деятельности по пунктам. И здесь мы возвращаемся к ситуации, которая также ранее была поднята, и, на наш взгляд, ее разрешение является первоочередной задачей исследователей для успешного движения вперед. Речь идет о том, что необходимо сформировать систематизированные представления о правовой антропологии, которые в свою очередь смогут стать эффективными и реальными ориентирами для практики правового регулирования и правоприменения.

По сути, сегодня сформировалась весьма непозитивная ситуация, когда накопленных знаний немало, они ценны, но в систему, которая могла бы представить отрасль науки, их свести не удастся. Безусловно, первые исследования в области юридической антропологии (как зарубежные, так и отечественные) стали прочным фундаментом для становления рассматриваемой науки, однако в последние десятилетия жизнь развивается настолько быстрыми темпами, что представления специалистов десяти и более лет давности должны быть существенно дополнены, расширены, а в чем-то и модифицированы¹¹.

¹⁰ Честнов И. Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии [Электронный ресурс]. 2022. № 1. С. 21. URL: <http://journal.ru/wpcontent/uploads/2023/01/%D0%A7%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B2-%D0%98.%D0%9B.pdf>

¹¹ См.: Махина С. Н. Несколько слов о векторах развития юридической антропологии и конфликтологии // Журнал юридической антропологии и конфликтологии [Электронный ресурс]. 2023. № 4(5). С. 9. URL: http://journal.ru/wpcontent/uploads/2023/12/JLAC_04_2023-1.pdf

В настоящее время ученые активно предпринимают попытки включения антропологического подхода в исследования различных направлений юридической деятельности. Например, об антропологических аспектах в административном нормотворчестве проводит исследование профессор Раззоков Б. Х., обращая внимание на тот факт, что «антропологическое направление в праве становится одним из перспективных направлений правового познания, в силу чего создаются необходимые предпосылки через его призму, образно говоря, “распороть” анатомию права. Прогрессирующий интерес юридической науки к рассматриваемой проблематике позволяет выработать новые подходы к решению практических проблем правовой действительности»¹².

Коллеги из Республики Беларусь применяют антропологический подход в исследовании нормотворческой деятельности. Например, Андрияшко М. В. в научной статье «Антропологические аспекты нормотворческой деятельности в Республике Беларусь» предпринимает попытки проанализировать белорусское нормотворчество через призму юридической антропологии. Автор отмечает, что, «поместив человека и совокупность элементов его правового статуса на пьедестал ценностей и целей общества и государства, дальнейшие действия государственной власти предопределены антропоцентричным содержанием»¹³. И это вполне логично, но не всегда реализуемо, как нам видится.

Весьма важный вопрос поднимает профессор Ковлер А. И. в научной статье «Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа)», отмечая, что «стремительное развитие новых информационных технологий внесло радикальные изменения в социальное и правовое бытие человека... Философы говорят об утрате человеком своей идентичности, антропологической данности. Вместе с тем невозможно отрицать и положительные аспекты цифровизации, прежде всего ускорение и упорядочение процесса обработки и хранения большого массива данных, необходимых для функционирования социальных общностей. В связи с этим возрастает роль правовых регуляторов данного процесса, ведется поиск рациональных методов такого регулирования... Поиск путей оптимизации в современном праве новых условий существования “человека цифрового” побуждает пересмотреть само содержание понятий человеческого достоинства, персональных данных и т.д. Необходимо провести диагностику состояния современного права

¹² Раззоков Б. Х. Об антропологических аспектах в административном нормотворчестве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии [Электронный ресурс]. 2023. № 2(3). С. 25. URL: http://journlac.ru/wp-content/uploads/2023/11/JLAC_02_2023web-1.pdf

¹³ Андрияшко М. В. Антропологические аспекты нормотворческой деятельности в Республике Беларусь // Журнал юридической антропологии и конфликтологии [Электронный ресурс]. 2023. № 3(4). С. 14. URL: http://journlac.ru/wp-content/uploads/2024/01/JLAC_03_2023-1.pdf

перед “цифровыми вызовами” на примере отдельных прав человека и сделать выводы из опыта решения этой и сопутствующих задач в мировой практике. Отдельного рассмотрения требуют проблема “роботизации правосудия”, а также задачи перехода к новым формам “цифровой демократии”. С этой целью предлагается использовать антропологический и социологический подходы, метод сравнительного анализа наряду с традиционным нормативным методом. Сочетание этих подходов и методов позволит эффективнее настроить правовую систему в новых условиях и в итоге обеспечить обновление статуса личности, претендующей на новые права.

Такой комплексный анализ позволяет прийти к выводу, что усилий традиционного позитивного права по адаптации правового бытия человека уже недостаточно. Необходимы более широкие антропологический и социологический подходы»¹⁴.

Профессор Честнов И. Л. в научной статье «Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции» совершенно справедливо отмечает очень важный аспект, к которому уже надо подойти и работать над ним активно: «...антропологический “поворот” в юриспруденции требует пересмотра практически всех юридических категорий, понятий, терминов и конструкций, наделение их новым, “практико-человеческим” значением»¹⁵.

И все же без создания систематизированного представления о юридической антропологии мы не сможем плодотворно работать в направлении совершенствования с позиции качества и эффективности всех видов юридической деятельности. Результаты наших исследований будут разрозненны, а, следовательно, и не понятны для тех субъектов, которые такую деятельность осуществляют.

В связи с этим первоочередными задачами являются следующие:

- детальное определение предмета юридической антропологии;
- выявление системы юридической антропологии;
- формирование методологии юридической антропологии.

Плодотворность обозначенной работы будет значительно выше, если к ней подключатся не только члены научного сообщества, но и практикующие специалисты, которые в своей повседневной деятельности осуществляют правотворческую и правоприменительную деятельность и способны поделиться своим опытом, раскрывающим возникающие проблемы.

¹⁴ Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 5.

¹⁵ Честнов И. Л. Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии [Электронный ресурс]. 2023. № 4(5). С. 17. URL: http://journal.ru/wp-content/uploads/2023/12/JLAC_04_2023-1.pdf

Библиографический список

Андрияшко М. В. Антропологические аспекты нормотворческой деятельности в Республике Беларусь / М. В. Андрияшко // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 3(4). – С. 9–20.

Астанин В. В. Муниципальное правотворчество: вопросы качества и резервы оптимизации / В. В. Астанин // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 4(17). – С. 4–9.

Бальхаева С. Б. Эффективное правоприменение: доктрина и практика / С. Б. Бальхаева, О. И. Сакаева // Журнал российского права. – 2016. – № 8(236). – С. 157–166.

Завьялова И. С. Цифровые технологии в системе механизма привлечения к административной ответственности: конфликтологический аспект / И. С. Завьялова // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 1(2). – С. 113–124.

Залоило М. В. Проблемы обеспечения качества закона / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2017. – № 1(241). – С. 154–160.

Залоило М. В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2018. – № 4(256). – С. 43–53.

Ковлер А. И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) / А. И. Ковлер // Журнал российского права. – 2022. – № 12. – С. 5–29.

Марина И. Н. Средства повышения эффективности применения норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Марина. – М., 2009. – 24 с.

Махина С. Н. Несколько слов о векторах развития юридической антропологии и конфликтологии / С. Н. Махина // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 4(5). – С. 7–10.

Махина С. Н. Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности / С. Н. Махина // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2022. – № 1. – С. 7–20.

Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану / Д. А. Пашенцев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 3. – С. 34–39.

Пономарев К. Н. Об эффективности правоприменительной деятельности // Вектор науки ТГУ. – 2009. – № 2(5). – С. 123–126.

Раззоков Б. Х. Об антропологических аспектах в административном нормотворчестве / Б. Х. Раззоков // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 2(3). – С. 34–42.

Тимохов В. П. Эффективность правоприменительной деятельности (теоретико-прикладной аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Тимохов. – СПб., 2002. – 26 с.

Хусаинова О. В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Хусаинова. – М., 2009. – 23 с.

Черногор Н. Н. Актуальные проблемы правотворчества : учебное пособие / Н. Н. Черногор, М. В. Залоило. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ООО «Юридическая фирма КОНТАКТ», 2018. – 144 с.

Честнов И. Л. Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции / И. Л. Честнов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 4(5). – С. 11–18.

Честнов И. Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции / И. Л. Честнов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2022. – № 1. – С. 21–26.

Швецов С. Б. Эффективность правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Б. Швецов. – СПб., 2004. – 27 с.

References

Andriyashko M. V. Anthropological aspects of normative activity in the Republic of Belarus / M. V. Andriyashko // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2023. – No. 3(4). – Pp. 9–20.

Astanin V. V. Municipal law-making: quality issues and optimization reserves / V. V. Astanin // Monitoring of law enforcement. – 2015. – No. 4(17). – Pp. 4–9.

Balkhaeva S. B. Effective law enforcement: doctrine and practice / S. B. Balkhaeva, O. I. Sakaeva // Journal of Russian Law. – 2016. – No. 8(236). – Pp. 157–166.

Chernogor N. N. Aktau problems of lawmaking : textbook / N. N. Chernogor, M. V. Zaloilo. – M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation ; LLC "KONTAKT Law Firm", 2018. – 144 p.

Chestnov I. L. Anthropologization of legal concepts as a way to overcome the dogmatization of jurisprudence / I. L. Chestnov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2023. – No. 4(5). – Pp. 11–18.

Chestnov I. L. Anthropology as a methodology of postmodern jurisprudence / I. L. Chestnov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2022. – No. 1. – Pp. 21–26.

Khusainova O. V. Law enforcement activity of public authorities: efficiency assessment, main directions of improvement (theoretical and legal aspect) : abstract. diss. ... Cand. Legal Sciences / O. V. Khusainova. – M., 2009. – 23 p.

Kovler A. I. Anthropology of human rights in the digital age (experience of comparative analysis) / A. I. Kovler // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 12. – Pp. 5–29.

Makhina S. N. A few words about the vectors of development of legal anthropology and conflictology / S. N. Makhina // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2023. – No. 4(5). – Pp. 7–10.

Makhina S. N. Legal anthropology and conflictology – inseparable facets of legal reality / S. N. Makhina // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2022. – No. 1. – Pp. 7–20.

Marina I. N. Means of increasing the effectiveness of the application of legal norms : abstract. diss. ... Cand. Legal Sciences / I. N. Marina. – M., 2009. – 24 p.

Pashentsev D. A. Anthropology of the state: humanization of legal reality as a challenge to Leviathan / D. A. Pashentsev // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2020. – No. 3. – Pp. 34–39.

Ponomarev K. N. On the effectiveness of law enforcement activities / K. N. Ponomarev // Vector of Science TSU. – 2009. – No. 2(5). – Pp. 123–126.

Razzokov B. H. On anthropological aspects in administrative rulemaking / B. H. Razzokov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2023. – No. 2(3). – Pp. 34–42.

Timokhov V. P. Effectiveness of law enforcement activities (theoretical and applied aspect) : abstract. diss. ... Cand. Legal Sciences / V. P. Timokhov. – St. Petersburg, 2002. – 26 p.

Shvetsov S. B. Effectiveness of law enforcement activities: the author's abstract. diss. ... Cand. Legal Sciences / S. B. Shvetsov. – St. Petersburg, 2004. – 27 p.

Zaloilo M. V. Problems of ensuring the quality of the law / M. V. Zaloilo // Journal of Russian Law. – 2017. – No. 1(241). – Pp. 154–160.

Zaloilo M. V. Strategic planning in ensuring the effectiveness of lawmaking / M. V. Zaloilo // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 4(256). – P. 43–53.

Zavyalova I. S. Digital technologies in the system of the mechanism of bringing to administrative responsibility: a conflictological aspect / I. S. Zavyalova // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2023. – No. 1(2). – Pp. 113–124.

Для цитирования:

Завьялова И. С. Антропологический подход как верный путь к повышению качества и эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 28–38.

Recommended citation:

Zavyalova I. S. The anthropological approach as a rational way to improve the quality and effectiveness of law-making and law enforcement activities // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 28–38.

Сведения об авторе

Завьялова Ирина Сергеевна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: irina944978@mail.ru

Information about author

Zavyalova Irina Sergeevna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: irina944978@mail.ru

СИМВОЛИЗМ В ПРАВЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

В. В. Серегина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 ноября 2023 г.

Аннотация: научное внимание к данной теме в настоящее время обусловлено возросшим интересом к символике. Проблема исследования символизма в праве является актуальной в современной философии культуры и философии права. Культурологических работ о символах в праве, написанных юристами, не много, и в основном они посвящены древнему праву либо символам государственной власти. Для каждой исторической эпохи была своя форма правовой символики и в этом смысле правовые символы являются артефактами культуры.

Ключевые слова: культура, правовая культура, символы в праве, правовые символы, символическое кодирование.

SYMBOLISM IN LAW AS A REFLECTION OF ITS CULTURAL FEATURES

V. V. Seregina

Voronezh State University

Abstract: scientific attention to this topic is currently due to the increased interest in symbolism. The problem of studying symbolism in law is relevant in modern philosophy of culture and philosophy of law. There are few culturological works on symbols in law written by lawyers, and they are mainly devoted to ancient law or symbols of state power. Each historical epoch had its own form of legal symbolism, and in this sense, legal symbols are artifacts of culture.

Key words: culture, legal culture, symbols in law, legal symbols, symbolic coding.

Признание важной роли культуры в жизни человека и общества открыло возможность использования знаний о культуре в юриспруденции. В связи с этим представляется актуальным применение культурологического подхода при рассмотрении символизма в праве.

Культурологический подход в исследовании права и государства предполагает рассмотрение данных явлений с точки зрения категорий культурологии, выявления и анализа культурных факторов, лежащих в основе процессов их формирования и функционирования. Основной кате-

горией культурологии является понятие культуры, которое может быть определено как совокупность сотворенных человеком материальных и нематериальных явлений, то, что противопоставляется природе, не являющейся продуктом человеческой деятельности¹.

Культурологический подход символизма в праве заключается в анализе результатов деятельности человека как фактора, влияющего на развитие государства и права. Проблема исследования символизма в праве является одной из актуальных в современной философии культуры и философии права. Культурологических работ о символах в праве, написанных юристами, не много, и в основном они посвящены древнему праву либо символам государственной власти. В зарубежной науке та же проблема. Можно назвать только одну книгу Роберты Кевельзон «О праве как системе знаков» 1998 г., оцененную в западных источниках как первую работу, где поставлена проблема символа в праве².

Взгляд на историю человечества позволяет прийти к выводу, что религия, искусство и право – эти древнейшие творческие порождения интеллекта, выражавшего человеческие возможности, характеризовались использованием огромного количества символов и поэтических фикций³.

Символ как часть культуры общества – это знаковый образец, служащий для обозначения конкретного смысла, заложенного в определенную форму.

В качестве символа может выступать любой природный или культурный объект, который получил семиотическое осмысление по своей форме, цвету, материалу, способу изготовления, а также любое событие, действие или слово. Символ может быть охарактеризован как особый код, в котором аккумулируется и посредством которого хранится и передается определенная, в том числе и правовая информация⁴.

Символы имеют большое значение в формировании человеческого общества и развиваются во времени вместе с культурой. При этом культура всегда знакова и символична.

Считается, что символы возникают в первобытном обществе, когда у людей появляется потребность каким-либо образом координировать совместную деятельность, фиксировать и быстро, понятно передавать последующим поколениям приобретенный опыт. При этом подходе символы рассматриваются как средство преодоления первобытного невежества людей, неразвитости естественного языка, отсутствия письменной

¹ Бирик О. Н. Культурологический подход в исследовании государства и права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 2(19). С. 14.

² Кевельзон Р. – исследовательница семиотики, одна из основоположников правовой (юридической) семиотики. См.: *Kevelson R. The Law as a system of signs*. Springer, 1988. 344 с.

³ См.: *Момотов В. В. Символизм в средневековом праве как первоначальный этап формирования права* // История государства и права. 2003. № 2. С. 14.

⁴ *Фалалеева И. Н. Политико-правовая система Руси IX–XI вв.* Волгоград, 2003. С. 119.

речи путем создания наглядных образцов и стимулирования привычного реагирования в определенной ситуации⁵.

Первоначально символы имели социальный характер, поскольку создавались как знаки, передающие важную информацию для всего общества.

Следует согласиться с тем, что в культурологическом плане возникновение символов можно рассматривать не только как результат, но и как одно из средств формирования первобытного человеческого общества. Переход от дочеловеческого к человеческому (т.е. культурному) состоянию означает *начало символического кодирования мира*, своеобразное удвоение реальности. В магических ритуалах первобытные люди отнюдь не только моделировали деятельность в реальном мире, но и создавали особый мир символической реальности, приподнимающий их над их конечностью и тем самым над их существованием в качестве природных существ⁶.

В последующем право не только закрепило многие общесоциальные символы, но и выработало свои особые символические формы.

Общеизвестно, что правовые символы зародились в культурах Древнего мира, в рамках которого Италия и Греция являются своеобразной колыбелью современной классической культуры, а Египет стал изначальноным источником цивилизации в Средиземноморье.

Символический характер права налагает заметный отпечаток на все построения ее истории. Известна ритуальность многих правовых установлений древности и Средневековья, художественно-поэтическое звучание древнекитайских и древнегреческих законоположений, мифопоэтический стиль библейских законов – все это признаки символической природы права⁷.

Многие правовые символы, созданные в далеком прошлом, дошли и до настоящего времени как торговые марки, бренды, знаки и т.д.

Символизм в праве как отражение его культурологических особенностей является не только уникальным углом зрения на содержание права в его конкретно-исторических состояниях, но и средством выражения своеобразной формы права. И эта «своеобразная» форма права показывает, каким способом создается и фиксируется правовой символ и в каком виде доводится до сознания людей. Право располагает огромным количеством символических форм, где правовые символы могут проявляться как словесные символы (слова, предложения, тексты), в качестве неязыковой символики (предметы, жесты, действия), как формы художествен-

⁵ Никитин А. В. Правовые символы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 10.

⁶ Пигалев А. И. Культурология. Волгоград, 2006. С. 355.

⁷ Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 9.

ной выразительности (музыка, изображения), как атрибуты власти (герб, гимн, флаг), как наглядно-изобразительные предметные образы (статуя богини Фемиды, мантия, молоток, весы правосудия и др.). Их назначение заключается в воздействии на эмоциональную сторону человека и через нее на его разум и поведение.

Использование символики в правовом регулировании правотворческой и правоприменительной деятельности говорит о символическом характере самого права. И как отмечают В. М. Баранов и И. И. Туранский, «с точки зрения теории знаков (семиотики) право можно рассматривать как знаково-символическую систему, которая является средством бытия права, средством правовой коммуникации и регулирования⁸».

Для каждой исторической эпохи у разных народов была своя форма правовой символики и в этом смысле правовые символы являются артефактами культуры.

Например, достаточно развит был символизм в древнерусском праве, правовые символы сопровождали процедуры заключения договоров, передачи вещей в собственность, межевание земельных наделов, использование знаков (клейма) собственности и др.⁹

Большое значение символы имели в культуре Средних веков. И как справедливо заметил А. Я. Гуревич: «Символизм пронизывал средневековую жизнь на всех уровнях, от уточненной теологической экзегезы и ритуалов посвящения в рыцари до устрашающей процедуры анафемы»¹⁰.

Во многих правовых культурах прошлого можно увидеть схожую символику в виде весов, меча, огня, воды и других неязыковых символов.

Так, по представлениям древних греков, богиня Дике, которая олицетворяла справедливость и право, держала в руке меч, чтобы преследовать преступника. Восточные славяне также считали, что меч охраняет порядок и закон, отсекает в символическом поединке с неправдой все недостойное. Удар тупой стороной меча расценивался как тяжкое оскорбление чести. И фиксировавшая обычное право Русская Правда устанавливала, что если пострадавший отвечает на такое оскорбление, то он не считается виновным¹¹.

Правовые символы отражают особенности своей эпохи. Они изменяются, утрачивают свою значимость «вместе со сменой государственного и политического режима»¹².

⁸ Баранов В. М., Туранский И. И. Право и язык : рецензия на монографию Власенко Н. А. «Язык права» // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. 4. П. Н. Новгород, 1998. С. 238.

⁹ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 331–342.

¹⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 24.

¹¹ См.: Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2010. С. 5.

¹² Никитин А. В. Указ. соч. С. 12.

И в современное время правовые символы не утратили своей значимости, поскольку вошли в жизнь общества как действия и знаки, влияющие на сознание человека через эмоции, определяя мотивы его поведения. К тому же цифровизация правового пространства способствует широкому использованию правовых символов, которые, являясь формами выражения права, содействуют разрешению важных проблем правового регулирования и правоприменительной деятельности.

Приносит ли президент присягу на верность своему народу, надевает ли судья мантию для отправления правосудия, прикрепляет ли работник МВД очередную лычку или звездочку на свои погоны, регулирует ли сотрудник ГАИ жестами движение автотранспорта на дороге или устанавливает новый дорожный знак – все эти действия являются выражением правовой символики¹³. В современном обществе символы как образные знаковые системы представляют характеристику правовой культуры общества, «выполняя функцию информационных нормативных моделей, фиксирующих юридическую идею в условной форме»¹⁴.

Однако, согласно распространенной сейчас трактовке, современное право рассматривается как ушедшее от символизма, оперирующее абстрактными понятиями, в отличие от права древнего, которому символизм был свойственен¹⁵.

И с этим приходится согласиться, поскольку интерес к проблемам правовой символики у ученых-юристов снижается. Хотя в первое десятилетие нынешнего столетия появились юридические научные статьи, диссертации, где исследовались дискуссионные вопросы проблематики правовых символов. Так, одной из проблем является определение понятия правового символа, под которым одни авторы понимают «условный образ» (В. К. Бабаев)¹⁶, «условный знак» (А. В. Никитин, П. Д. Шалагинов, О. Е. Спиридонова)¹⁷, другие определяют правовой символ как «нормативно-информационную модель» (А. Ю. Глушаков)¹⁸ и др.

В предложенных дефинициях всеми указанными авторами акцент делается на условность правовых символов и на закреплённость в законода-

¹³ *Вопленко Н. Н.* Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 71.

¹⁴ *Демидова И. А.* Правовые символы: осмысление в контексте исследования правовой культуры общества [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.institutemvd.by/jspu/bitstream/MVD_NAM/4934/1/demidova.pdf (дата обращения: 29.01.2023).

¹⁵ *Полдников Д.* Доклад «От символизма обычного права к символизму “права ученых” средневекового *ius commune*?» [Электронный ресурс]. URL: <https://medieval.hse.ru/new/73531525.html> (дата обращения: 05.02.2023).

¹⁶ См.: *Теория государства и права* / под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С. 347.

¹⁷ См.: *Никитин А. В.* Указ. соч.; *Шалагинов П. Д.* Функции правовых символов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 8; *Кругликова Л. Л., Спиридонова О. Е.* Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 163.

¹⁸ См.: *Глушаков А. Ю.* Правовой символ: понятия, признаки, классификация // Социология власти. 2009. № 2. С. 199.

тельстве. Однако О. И. Шарно указывает в своем определении понятия правового символа, помимо названных предыдущими авторами, третий акцент – смысловой. И только она, определяя правовой смысл «как культурно-ценностное государственно-правовое юридико-техническое (прикладное) средство, предназначенное для эффективности восприятия правового материала, приобретающего в зависимости от политико-правового смысла определенную форму и содержание (от условного образа до знака), используемое в особом процедурном порядке и признаваемое и санкционированное государством»¹⁹, обращает внимание на тесную связь правовых символов с культурой. Об этом свидетельствуют включенные характеристики символов в качестве элементов культуры – культурно-ценностный характер и изменчивость в зависимости от восприятия смысла правового материала.

Символы, так или иначе связанные с правом, далеко не однородны. Накопленный научный материал позволяет выделить три их группы.

1. Символы, закрепленные в официальных источниках и охраняемые государством. Именно эта группа рассматривается как «правовые символы».

2. Символы, используемые в праве. Это те условные образы, которые не получили юридического закрепления, но их смысл имеет к праву непосредственное отношение (например, изображение богини Фемиды как символа правосудия). С точки зрения позитивного правопонимания, юридического значения подобные явления не имеют, но, символизируя собой те или иные правовые ценности, воспринимаются людьми в качестве правовых.

3. Символы, которые упоминаются в законодательстве, не приобретая при этом правового характера. Таковыми являются символы, использование которых правом запрещено²⁰.

Последняя группа запрещенных символов (например, нацистские и фашистские символы) вызывает несомненный интерес и не только потому, что их в настоящее время много, а потому, что существование подобных символов правом признается и им придается юридическое значение, когда за их использование устанавливается юридическая ответственность.

Обобщая сказанное, можно отметить, что весьма очевидно, символизм в праве связан с реализацией права, воздействуя на сознание и поведение людей, создавая образность и доступность права для общества. Поэтому изучение права через анализ правовой символики – актуальная задача современной юридической науки. Однако ученые-юристы в большей степени проявляют интерес не к культурологическим особенностям правовых символов, а к их содержательной стороне.

¹⁹ Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 21.

²⁰ См. подробнее: Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 57.

Библиографический список

Баранов В. М. Право и язык : рецензия на монографию Власенко Н. А. «Язык права» / В. М. Баранов, И. И. Туранский // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. – Н. Новгород : Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998.

Бибик О. Н. Культурологический подход в исследовании государства и права / О. Н. Бибик // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2009. – № 2(19). – С. 14–19.

Вопленко Н. Н. Правовая символика / Н. Н. Вопленко // Правоведение. – 1995. – № 4–5.

Глушаков А. Ю. Правовой символ: понятия, признаки, классификация / А. Ю. Глушаков // Социология власти. – 2009. – № 2. – С. 199–206.

Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – М. : НОРМА, 2010. – 160 с.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 56–62.

Демидова И. А. Правовые символы: осмысление в контексте исследования правовой культуры общества [Электронный ресурс] / И. А. Демидова. – URL: https://elibrary.institutemvd.by/jspu/bitstream/MVD_NAM/4934/1demidova.pdf (дата обращения: 29.01.2023).

Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) / И. А. Исаев // Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 9–10.

Момотов В. В. Символизм в средневековом праве как первоначальный этап формирования права / В. В. Момотов // История государства и права. – 2003. – № 2. – С. 14–19.

Никитин А. В. Правовые символы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Никитин. – Н. Новгород, 1999.

Пигалев А. И. Культурология / А. И. Пигалев. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2006. – 420 с.

Полдников Д. Доклад «От символизма обычного права к символизму “права ученых” средневекового *ius commune*?» [Электронный ресурс] / Д. Полдников. – URL: <https://medieval.hse.ru/new/73531525.html> (дата обращения: 05.02.2023).

Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 1999. – 592 с.

Фалалеева И. Н. Политико-правовая система Руси IX–XI вв. / И. Н. Фалалеева. – Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. – 164 с.

Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. И. Шарно. – Саратов, 2014. – 32 с.

Kevelson R. The Law as a system of signs / R. Kevelson. – Springer, 1988. – 344 p.

References

Baranov V. M. Law and language : review of the monograph by Vlasenko N. A. Language of law / V. M. Baranov, I. I. Turansky // Russian legal system and international

law: modern problems of interaction. – N. Novgorod : Nizhny Novgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1998.

Bibik O. N. Culturological approach to the study of state and law / O. N. Bibik // Bulletin of Omsk University. Series: Law. – 2009. – No. 2 (19). – Pp. 14–19.

Davydova M. L. Legal symbols and symbols in law: concept, meaning, classification / M. L. Davydova // Legal technology. – 2008. – No. 2. – Pp. 56–62.

Demidova I. A. Legal symbols: comprehension in the context of studying the legal culture of society [Electronic resource] / I. A. Demidova. – URL: https://elibrary.institutemvd.by/jspu/bitstream/MVD_NAM/4934/1demidova.pdf (date of access: 29.01.2023).

Falaleeva I. N. Political and legal system of Rus' in the 9th–11th centuries / I. N. Falaleeva. – Volgograd : Volgograd State University Publishing House, 2003. – 164 p.

Glushakov A. Yu. Legal symbol: concepts, signs, classification / A. Yu. Glushakov // Sociology of power. – 2009. – No. 2. – Pp. 199–206.

Gubaeva T. V. Language and law. The art of speaking in professional legal activities / T. V. Gubaeva. – M. : NORMA, 2010. – 160 p.

Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture / A. Ya. Gurevich. – M. : Iskusstvo, 1984. – 350 p.

Isaev I. A. Symbolism of legal form (historical perspective) / I. A. Isaev // Jurisprudence. – 2002. – No. 6. – Pp. 9–10.

Momotov V. V. Symbolism in medieval law as the initial stage of the formation of law / V. V. Momotov // History of state and law. – 2003. – No. 2. – Pp. 14–19.

Nikitin A. V. Legal symbols : author's abstract. diss. ... Cand. Legal Sciences / A. V. Nikitin. – N. Novgorod, 1999.

Pigalev A. I. Culturology / A. I. Pigalev. – Volgograd : Volgograd State University Publishing House, 2006. – 420 p.

Poldnikov D. Report “From the symbolism of customary law to the symbolism of the “right of scientists” of the medieval *ius commune*”? [Electronic resource] / D. Poldnikov. – URL: <https://medieval.hse.ru/new/73531525.html> (date of access: 05.02.2023).

Sharno O. I. Legal symbols as means of law enforcement technology : author's abstract. diss. ... Cand. Legal Sciences / O. I. Sharno. – Saratov, 2014. – 32 p.

Theory of State and Law / ed. V. C. Babaeva. – M. : Yurist, 1999. – 592 p.

Voplenko N. N. Legal symbols / N. N. Voplenko // Jurisprudence. – 1995. – No. 4–5.

Kevelson R. The Law as a system of signs / R. Kevelson. – Springer, 1988. – 344 p. [In Engl.]

Для цитирования:

Серегина В. В. Символизм в праве как отражение его культурологических особенностей // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 39–46.

Recommended citation:

Seregina V. V. Symbolism in law as a reflection of its cultural features // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 39–46.

Сведения об авторе

Сергина Валентина Васильевна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: teoria5515@mail.ru

Information about author

Seregina Valentina Vasilievna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: teoria5515@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ: ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК

УДК 340.113.2

СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОДЕРЖАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ¹

М. В. Андрияшко

Барановичский государственный университет

Поступила в редакцию 17 июля 2023 г.

Аннотация: в статье обзорно рассматривается развитие требований к юридической технике в Республике Беларусь, отдельные семейно-правовые термины и их применение. Делается вывод о том, что комплексная работа по совершенствованию подготовки проектов нормативных правовых актов позволила добиться повышения качества текстов.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, правила юридической техники, семейно-правовая терминология, брачный возраст, супруги.

FAMILY LEGAL TERMINOLOGY AND ITS ROLE IN THE CONTENT OF NORMATIVE LEGAL ACTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

M. V. Andryiashka

Baranovichi State University

Abstract: the article reviews the development of requirements for legal technology in the Republic of Belarus, the individual family legal terms and their application. It is concluded that comprehensive work to improve the preparation of draft normative legal acts has made it possible to improve the quality of texts.

Key words: normative legal act, rules of legal technique, family legal terminology, marital age, spouses.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках проекта «Традиции и новации института семьи как основы государственной семейной политики и устойчивого развития Республики Беларусь» № Г23ИП-003.

© Андрияшко М. В., 2024

В первоначальной редакции Кодекса Республики Беларусь о браке и семье 1999 г. (далее – КоБС) четко прослеживаются следующие тенденции:

- 1) отказ от многих достижений советской семейно-правовой науки и практики применения законодательства;
- 2) активная экспансия норм гражданского права и внедрение соответствующей терминологии (брачный договор, соглашение об уплате алиментов);
- 3) возобновление ранее отвергнутых и позабытых советских семейно-правовых практик².

С вступлением в силу Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» 2018 г. (далее – Закон 2018 г.) применительно к юридической терминологии стали применяться правила, ранее не предусматривавшиеся белорусским законодательством. Указанный Закон сменил своего предшественника – Закон «О нормативных правовых актах», принятый в 2000 г. (утратил силу в 2018 г.).

Ключевыми особенностями и новеллами Закона 2018 г. являются следующие:

- 1) на законодательном уровне впервые закреплён принцип социально-экономической обусловленности – требование о необходимости обеспечения соответствия целям устойчивого развития принимаемых нормативных правовых актов (статья 6, статья 42 и статья 50);
- 2) прогнозирование последствий принятия нормативных правовых актов, в ходе которого осуществляется оценка финансово-экономических, социальных, экологических последствий принятия нормативного правового акта, оценка регулирующего воздействия (ОРВ) проекта нормативного правового акта на условия осуществления предпринимательской деятельности и оценка иных последствий, наступление которых вероятно возникнет в случае принятия нормативного правового акта (статья 45). Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2019 г. № 54 «О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов» впоследствии уточнены процедура и необходимые инструменты для проведения прогнозирования;
- 3) публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов в срок не менее 10 дней (статья 7);
- 4) закрепление особого статуса ресурса «Правовой форум Беларуси» в глобальной компьютерной сети Интернет как официальной площадки для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов в Республике Беларусь (статья 7);
- 5) существенно уточняются и дополняются правила юридической техники (глава 4) и выделяются: основные требования нормотворческой техники;

² См.: Андрияшко М. В. О дефинировании отдельных семейно-правовых терминов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 32–39.

языковые требования; требования к терминологии нормативного правового акта; стилистические требования; требования к наименованиям государственных органов (организаций), международных организаций, межгосударственных образований (их органов) и межгосударственных органов;

6) впервые закрепляется Приложение к Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» «Требования нормотворческой техники» в виде опорного конспекта шаблонов нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) в Республике Беларусь, с примерами и подробными пояснениями;

7) и многие другие.

Немного позже, в 2023 г., Закон 2018 г. был дополнен принципом цифровизации, реализация которого должна обеспечиваться широким применением информационных технологий повсеместно в нормотворческом процессе (электронный документооборот, цифровые инструменты).

Указанные усилия не являются единственными, а представляют собой последовательное продолжение весомой работы по совершенствованию подготовки проектов нормативных правовых актов. В качестве одного из примеров можем привести изменения и дополнения в КоБС, предусмотренные Законом от 20 июля 2006 г. № 164-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье», касающиеся условий снижения брачного возраста. Отметим, что в среднем ежегодно в Республике Беларусь в брак вступает 90 несовершеннолетних мужчин и 767 несовершеннолетних женщин, ввиду указанного норма является весьма востребованной.

В соответствии с частью второй статьи 18 КоБС в редакции по состоянию на 2006 г. одним из условий *снижения брачного возраста* была беременность, наступившая от мужчины, с которым женщина заключает брак со снижением брачного возраста, рождение *общего* ребенка, либо эмансипация.

В тех случаях, когда мужчина не давал согласия на вступление в брак с несовершеннолетней беременной женщиной либо несовершеннолетней женщиной, родившей от него ребенка, она не имела возможности вступить в брак с этим мужчиной. Более этого, такая женщина не могла вступить в брак и с любым другим мужчиной, который бы изъявил согласие на вступление в брак (не являясь биологическим отцом ребенка), так как диспозиция статьи 18 КоБС содержала слова «общий ребенок». Тем самым создавались условия как для фикций, так и для порождения иждивенческих настроений в силу того, что на момент внесения изменений в рассматриваемый закон довольно многочисленной была социальная группа «одиноких матерей».

В 2006 г. законодатель исключает слово «общего» из формулировки части второй статьи 18 КоБС. С учетом внесенных изменений требова-

ние о наличии общего ребенка для возможности вступления в брак со снижением брачного возраста отпадает. И любая несовершеннолетняя беременная невеста приобретает возможность вступать в брак с любым мужчиной, дающим свое согласие на вступление в брак с ней.

Помимо того, что повысилась гарантия воспитания ребенка в кругу полной семьи, налицо серьезная экономия бюджетных средств. Так как в 2005–2008 гг. в Республике Беларусь как государстве, проводящем крепкую государственную семейную политику, направленную на поддержание семей с детьми, действовал целый ряд льгот, гарантий, материальных выплат женщинам, одиноко воспитывающим несовершеннолетних детей.

Такие гарантии, несомненно, остались в законодательстве, и их большое количество в различных областях и сферах: социальные, пенсионные, в здравоохранении, жилищные, налоговые, в трудовом законодательстве и пр. Только адресованы в настоящее время такие гарантии полным семьям, что призвано популяризировать традиционные семейные и духовные ценности, способствовать укреплению положительного имиджа крепкой, дружной и счастливой семьи с двумя-тремя детьми.

Помимо указанного, больших успехов законодатель Республики Беларусь достиг в уточнении семейно-правовой терминологии. Одним из требований нормотворческой техники является требование о единообразном применении терминов как в тексте самого нормативного правового акта, так и в текстах иных нормативных правовых актов. В частности, термины «члены семьи», «близкие» и «близкие родственники» в различных нормативных правовых актах Республики Беларусь до 2012 г. дефинировались по-разному. Большое исследование этих вопросов мы проводили в 2020 г. И сейчас с уверенностью можем констатировать, что огрехи и нестыковки в законодательстве, касающиеся применения указанных терминов, были устранены либо полностью, либо почти полностью, что положительно характеризует экспертную работу с текстами проектов нормативных правовых актов, а также работу белорусского законодателя.

В то же время не можем не отметить, что наблюдается тенденция к упрощению подходов к пониманию отдельных терминов. Такая работа видится излишне рутинной и не всегда оправданной.

В частности, долгое время велись дискуссии о том, что необходимо дать легальное определение термину «брачный договор». Институт брачного договора впервые в законодательстве Республики Беларусь был закреплен в 1999 г. и впервые реформирован в 2006 г. (впоследствии были изменения в 2008 г., 2012 г., 2019 г.).

Первоначально большого отклика среди граждан этот инструмент регулирования семейно-правовых отношений не приобрел. Тем не менее с ходом времени установилась довольно убедительная тенденция: устойчивая положительная динамика заключения брачных договоров в Бела-

руси. Эта цифра на протяжении последних пяти – десяти лет составляет порядка четырех тысяч брачных договоров в год. Для небольшой по численности населения Республики Беларусь (9200 тыс. чел.), со снижающимися показателями вступления в брак и сохраняющимися показателями расторжения браков (57,9 тыс. браков и 34,0 тыс. разводов в 2022 г. против 62,7 тыс. браков и 34,5 тыс. разводов в 2019 г.³), такие показатели заключения брачных договоров являются весьма убедительными.

Полагаем, содержание термина «брачный договор» предопределено содержанием каждого из этих слов. Требования к сторонам, предмету, содержанию, условиям действительности и форме и так были легально определены в статье 13 и статье 13¹ КоБС, т.е. ничего нового определение нам не дало. Более того, если мы обратимся к разделу четвертому Гражданского кодекса Республики Беларусь, касающегося отдельных видов договорных обязательств, мы не найдем легальных определений терминов «договор купли-продажи», «договор мены», «договор дарения», «договор аренды», «договор подряда» и пр. Дополнение в 2019 г. статьи 13 КоБС новой частью, содержащей легальное определение рассматриваемого термина, видится излишним.

Полагаем, укреплению брака и повышению правовой культуры граждан также будет способствовать соблюдение юридической техники при подготовке нормативных правовых актов. В тексте действующего КоБС достаточно нарушающих логический ряд неточностей.

В качестве примера приведем норму части первой статьи 211 КоБС, которая в настоящее время с 2018 г. звучит надлежаще и не вызывает недоумения: «Для регистрации заключения брака лицами, вступающими в брак, подается совместное заявление о регистрации заключения брака. Если лицо, вступающее в брак, по уважительным причинам не может явиться в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, для подачи совместного заявления...».

Однако до 2018 г. эта норма звучала буквально следующим образом: «Для регистрации заключения брака лицами, вступающими в брак, подается совместное заявление о регистрации заключения брака. Если один из супругов по уважительным причинам не может явиться в орган, регистрирующий акты гражданского состояния...», – при том, что лица, желающие вступить в брак, еще не успели вступить в брак, соответственно именовать их супругами весьма преждевременно. Лишь Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З определил, что в части первой статьи 211 КоБС слова «один из супругов» следует заменить словами «лицо, вступающее в брак», тем самым устранив досадное недоразумение.

³ См.: Беларусь в цифрах – 2023 : статистический справочник / Нац. статистический комитет Республики Беларусь ; И. В. Медведева (председ.) [и др.]. Минск, 2023. С. 13.

Комплексная работа по совершенствованию нормотворческого процесса дает свои плоды. Внедрение методик прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов способствует качественной правоприменительной деятельности в отношении граждан и устойчивому социально-экономическому развитию регионов и страны.

Библиографический список

Андрияшко М. В. О дефинировании отдельных семейно-правовых терминов / М. В. Андрияшко // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 32–39.

Беларусь в цифрах – 2023 : статистический справочник / Нац. статистический комитет Республики Беларусь ; И. В. Медведева (председ.) [и др.]. – Минск : Нац. статистический комитет Республики Беларусь, 2023.

References

Andriyashka M. V. On the definition of certain family law terms / M. V. Andriyashka // Legal Bulletin of Samara University. – 2020. – Т. 6, No. 3. – Pp. 32–39.

Belarus in numbers – 2023 : statistical reference book / National Statistical Committee of the Republic of Belarus ; I. V. Medvedeva (chairman) [et al.]. – Minsk : Nat. Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2023.

Для цитирования:

Андрияшко М. В. Семейно-правовая терминология и ее роль в содержании нормативных правовых актов Республики Беларусь // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 48–53.

Recommended citation:

Andriyashka M. V. Family legal terminology and its role in the content of normative legal acts of the Republic of Belarus // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 48–53.

Сведения об авторе

Андрияшко Марина Васильевна – доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления факультета экономики и права Барановичского государственного университета, кандидат юридических наук
E-mail: andryiashkomv@mail.ru

Information about author

Andryiashka Marina Vasilievna – Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines and Public Administration, Faculty of Economics and Law of Baranovichi State University
E-mail: andryiashkomv@mail.ru

ДИАЛОГ КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 ноября 2023 г.

Аннотация: публикация посвящена диалогу как форме общения в публично-правовой сфере. Автор анализирует законодательство, судебные решения, программы политических партий и иные источники на предмет внимания к диалогу. Отмечена роль диалога в обучении праву. В статье обоснованы диалоговая функция правовой науки и коммуникативные гарантии прав человека.

Ключевые слова: диалог, право, политика, взаимодействие, гарантии.

DIALOGUE AS A FORM OF COMMUNICATION: PUBLIC LAW REGULATION AND PRACTICE

E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

Abstract: the article is devoted to the dialogue as the way of communication in public legal sphere. The author analyzes legislation, court decisions, programs of political parties on the subject of attention to dialogue. The article named the dialogical function of science of law and communicative guarantees of human rights.

Key words: dialogue, law, politics, interaction, guarantees.

1. *Введение.* Диалог в своем прямом значении (от греч. *Διάλογος*) – разговор. В диалоге каждое сообщение рассчитано на его интерпретацию собеседником и возвращение этого сообщения для дальнейшей обработки другим партнером¹. В энциклопедических источниках диалог определяется в философском и научных смыслах как специфическая форма и организация общения, благодаря которой можно достичь компромисс².

¹ См.: Диалог: понятия, критерии, структура. Отрывок из книги: Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М., 1988 // Информ. канал Subscribe [Электронный ресурс]. URL: <http://subscribe.ru/archive/culture.people.dialog2011/200906/18103131.html>

² См.: Лебедев С. А. Социальная истина и проблема диалога // Философия социальных и гуманитарных наук / под ред. С. А. Лебедева. М., 2008. С. 45.

В публично-правовой сфере под диалогом зачастую понимается взаимодействие, направленное на достижение взаимопонимания (в таком смысле принято размышлять, например, о диалоге между: властью и гражданским обществом, властью и оппозицией, кандидатом на выборную должность и избирателями и т.д.). При этом диалог не обязательно должен заканчиваться выработкой взаимоприемлемой для его участников позиции. Сам обмен информацией представляет социальную ценность, поскольку позволяет в ходе ее осуществления разрешать противоречия³.

2. *Влияние темы диалога на развитие правовой науки.* Диалогический подход к раскрытию онтологии права⁴ результативно изучается в теории правовой науки в контексте взаимовлияния постмодерна и права⁵.

Диалог с точки зрения концепции разнообразия (как и конфликт) позволяет адекватно понимать правовые реалии, созданные разными процессами: глобализацией, регионализацией, увеличением миграции, информатизацией и др.

Исходя из определения диалога как способа общения, по-новому можно раскрыть даже само понятие права. Может быть расширено содержание одного из признаков права, разделяемого значительной частью научного сообщества: право обеспечено не только принудительной силой государства, но и силой убеждения. Люди всё больше заинтересованы в том, чтобы государство не просто информировало их или изучало и учитывало общественное мнение, а общалось с ними, объясняло свою политику. Есть потребность в создании новых и развитии уже известных практик так называемой «обратной связи» между государством и обществом в целом, государством и человеком.

В целом о диалоге в правовой науке размышлений не так уж мало. В публичном праве диалог зачастую преподносится как образное видение конструктивного политического и гражданского взаимодействия. Вне диалога не может быть информационной открытости власти⁶, подлинного общественного контроля в отношении власти со стороны граждан и их объединений, а в конечном итоге и качественной деятельности государства как субъекта управления социальными процессами.

³ См. подробнее: *Зайцев А. В.* Институциональный диалог в сфере коммуникации государства и гражданского общества: теоретико-методологический подход [Электронный ресурс] // Социодинамика. 2012. № 1. Публикация на сайте издательства NOTABENE. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_110.html

⁴ См.: *Честнов И. Л.* Принцип диалога в современной теории права: проблемы взаимопонимания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

⁵ См. о праве в постмодернизме: *Попов Е. А.* Постмодернизм и право // Право и политика. 2010. № 2.

⁶ См.: *Просвирнин Ю. Г.* Проблемы информационной открытости органов власти // Правовая наука и реформа юридического образования. 2011. № 1(24).

3. *Диалог в конституционно-правовой науке и практике России.* В конституционном праве не сложилось ни в теории, ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике однозначного определения диалога в государственно-правовом смысле; разные субъекты вкладывают в это понятие неодинаковый смысл. Ниже обобщим политико-правовые направления, в которых внимание к диалогу состоялось или было бы желательно.

3.1. В доктринальных источниках науки конституционного права слово «диалог» употребляется с разными предикатами («равноправный», «межрелигиозный», «межгосударственный», «международный», «серьезный», «конструктивный», «политический», «сложный», «цивилизованный», «всесторонний», «мирный» и др.). Слово «диалог» активно используется в названии крупных форумов, иных коллективных мероприятий и проектов; таковы на современном этапе Всероссийский проект «Диалоги с героями», Всероссийский молодежный межнациональный лагерь «Диалог культур», проект Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления «Муниципальный диалог», Международный арктический форум «Арктика – территория диалога» и т.д.

В конституционном законодательстве слово «диалог» встречается значительно реже: это слово есть только в ФЗ «О национально-культурной автономии» (2002 г.), указе Президента РФ «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» (2004 г.), а также в ряде стратегий, концепций и программ.

3.2. В решениях Конституционного суда Российской Федерации (основываясь на базе решений, размещенных на официальном сайте суда) слово «диалог» стало упоминаться относительно недавно, в 2012 г.

Во-первых, в практике суда диалог позиционируется как особенность политической системы в части использования конституционной свободы собраний. С одной стороны, право на свободу мирных собраний – элемент мирного конструктивного диалога государства и гражданского общества (постановления от 13.05.2014 г. № 14-П/2014⁷; от 14.02.2013 г. № 4-П/2013). С другой стороны, право гражданина вступать в диалог с субъектами, осуществляющими функции публичной власти в целях отстаивания как индивидуального, так и публичного интереса, связанного с поддержанием и обеспечением законности и конституционного правопорядка, – характеристика содержания конституционных основ взаимоотношений личности с обществом и государством, а также элемент конституционных гарантий защиты прав личности всеми не противоречащими закону средствами (постановление от 18.07.2012 г. № 19-П/2-12).

⁷ Тексты решений Конституционного суда Российской Федерации, цитируемые в статье, размещены в информационной базе решений на официальном сайте Суда: Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>

Во-вторых, Конституционный суд РФ включает диалог в значение особого мнения судьи (в деле речь идет об особом мнении судьи по уголовным делам). Особое мнение судьи «...способствует общественным дебатам о праве, диалогу между судами разных инстанций, выступающему основным содержанием судебной демократии...» (определение от 17.02.2015 г. № 262-О/2015).

3.3. Большое внимание диалогу уделяется в ежегодных докладах о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Конкретизируя реализацию принципа «государство для человека», в докладе о деятельности Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации отмечает, что забота о признании и соблюдении прав человека «может быть реализована только при обеспечении обратной связи, живого диалога между должностными лицами и населением страны. В связи с этим жалобы, поступающие как к Уполномоченному, так и в другие государственные органы, должны рассматриваться как коммуникационный канал, позволяющий изменить действительность к лучшему» (доклад о деятельности за 2021 г.).

Кроме того, отмечается роль диалога как способа снятия «противоречия между чувствами верующих и свободой творчества» и проявления «готовности власти преодолевать все сложности нынешнего периода вместе с народом» (доклад о деятельности за 2015 г.).

3.4. В программах подавляющего большинства политических партий фиксация диалога как способа общения отсутствует. Из политических партий, представленных в Государственной думе VIII созыва, упоминания о диалоге есть в программах политических партий «Новые люди», «Коммунистическая партия Российской Федерации». Интересно заметить, что в российской политической жизни была политическая партия, не просто многократно упоминающая о диалоге в своей программе, но даже включившая это слово в название – Всероссийская политическая партия «Женский диалог» (период действия: ноябрь 2012 – июль 2020 г.)

3.5. Регламентом Общественной палаты Российской Федерации установлено время для ответов должностных лиц на вопросы членов палаты – «Диалог с властью» (ст. 24)⁸. До июня 2023 г. к числу субъектов данной формы взаимодействия с Общественной палатой РФ относились только должностные лица Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В настоящее время субъектный состав значительно расширен и включает

⁸ См.: Регламент Общественной палаты Российской Федерации : утв. решением Общественной палаты РФ, протокол от 21.12.2015 г. № 126-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должностных лиц федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

3.6. Диалог с общественностью позволяет Счетной палате Российской Федерации «повысить точность выбора наиболее проблемных секторов социально-экономического развития страны, нуждающихся в дополнительном внимании и контроле»⁹.

3.7. В целях совершенствования организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований прокурорам субъектов Российской Федерации, городов, районов, приравненным к ним специализированным прокурорам в соответствии с их компетенцией предписано в процессе оспаривания незаконных положений региональных конституций и уставов в порядке конституционного судопроизводства направлять проект запроса в Конституционный суд Российской Федерации в Главное управление по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Перед обращением в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с проектом запроса добиваться урегулирования ситуации в ходе поддержания последовательного диалога прокурора субъекта Российской Федерации и высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и регионального парламента (опротестование, переписка, рабочие встречи, выступление на заседаниях представительных и исполнительных органов публичной власти и т.п.)¹⁰.

3.8. Общение органов государственной власти с гражданами – одна из самых давних разновидностей политического мейнстрима. Традиционно внимание привлекают разные форматы общения главы государства и граждан (постоянно работающая пресс-служба, блог в сети Интернет, консультативно-совещательные органы, встречи с журналистами и др.).

Многие формы работы органов государственной власти невозможны вне диалога. Например, в парламенте сложились разные формы парламентского диалога: круглые столы, дебаты, парламентские слушания и т.д.

Использование и защита прав и свобод человека и гражданина в той или иной мере предполагают диалог.

3.9. В целях совершенствования работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан Министерство просвещения Российской Федерации обра-

⁹ См.: Стратегия деятельности Счетной палаты Российской Федерации на 2013–2019 годы : утв. Счетной палатой РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления : приказ Генпрокуратуры России от 31.08.2023 г. № 583. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щает внимание, что мероприятия культурно-просветительского характера (фестивали культур и подобное) не решают данную задачу в полной мере. Поэтому рекомендуется помимо прочего налаживать повседневный межкультурный диалог посредством применения технологии «обучение в сотрудничестве», один из аспектов которого состоит в том, что все участники разделяют общее стремление как можно лучше выполнить предложенное задание и для этого они готовы помогать друг другу и сотрудничать. Обращено внимание на важность использования педагогом значимой информации, имеющей прямое отношение к этносу, культуре, традициям, языку конкретного ученика, что может не только повысить мотивацию этого ребенка к изучению учебного предмета, но и вызвать у его одноклассников интерес к теме этнокультурного многообразия России и мира, способствовать расширению кругозора всех обучающихся¹¹.

4. Выводы.

4.1. Благодаря потенциалу диалога можно говорить о расширении содержания одного из известных признаков права: речь идет об обеспеченности права не только принудительной силой государства, но и силой его убеждения.

Диалог задает новую функцию правовой науки – диалоговую: многомерность публично-правовой реальности способствует активному общению субъектов права, создает потребность во взвешенном отношении к инакомыслию, взаимопониманию, преодолении не согласующихся и даже взаимоисключающих точек зрения.

4.2. Внимание к диалогу в проблемном поле конституционно-правовой науки не является пристальным. В большей мере возможности диалога привлекают журналистов, политиков, историков, социологов и, конечно, филологов и лингвистов. Но именно в диалоге происходит осуществление гражданами непосредственного народовластия и общественного контроля, использование и защита конституционных прав, реализация полномочий органов публичной власти. Диалог – важнейшая предпосылка реальности коммуникативных гарантий прав человека и гражданина.

4.3. Особое значение придается диалогу в преподавании правовых дисциплин. Умение вести диалог (или, другими словами, способность к коммуникации) включено в содержание профессиональной компетентности юристов.

¹¹ О направлении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан»: письмо Минпросвещения России от 16.08.2021 г. № НН-202/07. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографический список

Зайцев А. В. Институциональный диалог в сфере коммуникации государства и гражданского общества: теоретико-методологический подход / А. В. Зайцев // Социодинамика. – 2012. – № 1. – Сайт издательства NOTABENE. – URL: http://e-notabene.ru/pr/article_110.html (дата обращения: 20.10.2023).

Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений [Электронный ресурс] / М. С. Каган. – М. : Политиздат, 1988 // Информ. канал Subscribe. – URL: <http://subscribe.ru/archive/culture.people.dialog2011/200906/18103131.html>

Лебедев С. А. Социальная истина и проблема диалога / С. А. Лебедев // Философия социальных и гуманитарных наук / под ред. С. А. Лебедева. – М. : Академический проект, 2008. – 736 с.

Попов Е. А. Постмодернизм и право / Е. А. Лебедев // Право и политика. – 2010. – № 2. – С. 168–172.

Просвирнин Ю. Г. Проблемы информационной открытости органов власти / Ю. Г. Просвирнин // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2011. – № 1(24). – С. 110–114.

Честнов И. Л. Принцип диалога в современной теории права: проблемы правопонимания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. Л. Честнов. – СПб., 2002. – 35 с.

References

Chestnov I. L. The principle of dialogue in the modern theory of law: problems of legal understanding : abstract. dis. ... Doct. Legal Sciences / I. L. Chetstnov. – St. Petersburg, 2002. – 35 p.

Kagan M. S. The world of communication: the problem of intersubjective relations / M. S. Kagan. – M. : Politizdat, 1988 // Inform. Subscribe channel. – URL: <http://subscribe.ru/archive/culture.people.dialog2011/200906/18103131.html>

Lebedev S. A. Social truth and the problem of dialogue / S. A. Lebedev // Philosophy of Social and Humanitarian Sciences / ed. by S. A. Lebedev. – M. : Academic Project, 2008. – 736 p.

Popov E. A. Postmodernism and law / E. A. Popov // Law and politics. – 2010. – No. 2. – Pp. 168–172.

Prosvirnin Yu. G. Problems of information openness of the authorities / Yu. G. Prosvirnin // Legal science and the reform of legal education. – 2011. – № 1(24). – Pp. 110–114.

Zaitsev A. V. Institutional dialogue in the sphere of communication between the state and civil society: a theoretical and methodological approach / A. V. Zaitsev // Sociodynamics. – 2012. – No. 1 // NOTABENE publishing house website. – URL: http://e-notabene.ru/pr/article_110.html

Для цитирования:

Сазонникова Е. В. Диалог как форма общения: публично-правовое регулирование и практика // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 54–61.

Recommended citation:

Sazonnikova E. V. Dialogue as a form of communication: public law regulation and practice // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 54–61.

Сведения об авторе

Сазонникова Елена Викторовна – профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент
E-mail: sazon75@mail.ru

Information about author

Sazonnikova Elena Viktorovna – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Docent
E-mail: sazon75@mail.ru

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

М. С. Куликова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 28 января 2024 г.

Аннотация: основное направление развития теории права во многом определяется потребностями практики в теоретических конструктах. Как представляется, недостаток в практикоориентированности теоретического инструментария и междисциплинарном характере взаимоотношений наиболее остро ощущается в сфере судебных разбирательств. Наряду с известной дихотомией фактического и реалистического подходов к судебной методологии, в рамках движения свободного права разработан альтернативный вариант, сочетающий в себе отдельные элементы предыдущих двух. На примере спора между арендатором и арендодателем показано, как суд, применяя данную методологию, сможет как соблюсти требования закона, так и наиболее рациональным способом урегулировать спор, в целом позитивно влияя на социальный и экономический аспекты общественной жизни.

Ключевые слова: судебная методология, свободное право, экономические и социальные условия, судебное право, толкование права.

THE ROLE OF SOCIAL AND ECONOMIC FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF THEORETICAL MODELS

M. S. Kulikova

Saint Petersburg State University

Abstract: the main direction of the development of legal theory is largely determined by the needs of practice in theoretical constructs. It appears that the lack of practice-oriented theoretical tools and interdisciplinary relationships is most acutely felt in the field of litigation. Along with the well-known dichotomy of factual and realist approaches to judicial methodology, the free law movement has developed an alternative option that combines some elements of the previous two. Using the example of a dispute between a tenant and an owner, it is shown how a court, applying this methodology, can both comply with the requirements of the law and resolve the dispute in

the most rational way, generally having a positive impact on the social and economic aspects of public life.

Key words: judicial methodology, free law, economic and social conditions, judicial law, legal interpretation.

Отклик юриспруденции на общественные запросы может стать возможным определением того, в чем заключается или должно заключаться в XXI веке основное направление развития теории права. Как представляется, недостаток в практикоориентированности теоретического инструментария и междисциплинарном характере взаимоотношений наиболее остро ощущается в сфере судебных разбирательств, поскольку именно в суде теоретические модели обретают верификацию и валидацию в конкретных условиях.

Для дальнейшего рассуждения о необходимости учета экономических и социальных факторов при разработке теоретических моделей, в частности для разрешения судебных споров, стоит привести ситуацию, которая выступит примером для доказывания тезиса¹.

Согласно фабуле дела арендодатель по договору аренды нежилого помещения в случае просрочки внесения арендной платы вправе приостановить исполнение принятых на себя обязательств по предоставлению арендатору права пользования помещением путем прекращения доступа арендатора и его представителей к помещению. При этом арендатор не освобождается от внесения арендной платы за указанный период.

Суть судебных споров заключалась в том, что арендатор – производственная организация, имеющая оборудование и штат рабочих, допустивший просрочку внесения арендной платы, потребовал признать указанное положение договора недействительным, поскольку за период, когда у него не было доступа к помещению, он не мог получить доход, а следовательно, и заплатить аренду. По мнению арендатора, условие договора должно быть признано недействительным также по причине несоблюдения соразмерности способа обеспечения исполнения обязательства и последствий от его применения. Арендодатель не воспользовался ни одним из способов обеспечения исполнения обязательств, перечень которых содержится в п. 1 ст. 329 ГК РФ, который хотя и не является ограниченным, но содержит в себе, как представляется, меры более адекватные денежным требованиям арендодателя. При этом обращает на себя внимание также и то, что арендодатель, в общем случае, вправе удерживать принадлежащее арендатору оборудование, оставшееся в помещении только после прекра-

¹ Примером выступает типовой спор, который стал предметом рассмотрения в ряде решений Верховного суда РФ. См.: Определение Верховного суда РФ от 13.07.2021 г. № 307-ЭС21-9989 по делу № А56-6899/2020, Определение Верховного суда РФ от 01.09.2021 г. № 307-ЭС21-14309 по делу № А56-6898/2020.

щения договора аренды². Следовательно, арендодатель по договору мог и был вправе, но не воспользовался законными и более адекватными способами, а избрал меру, явно несоразмерную последствиям нарушения обязательств, что фактически привело к его вмешательству в хозяйственную деятельность арендатора, создавая тем самым, с одной стороны, для последнего непреодолимые препятствия для продолжения коммерческой деятельности, с другой стороны, также нарушая интересы третьих лиц – работников арендатора, ограничивая их права на труд.

Несмотря на правовую, социальную и экономическую обоснованность позиции арендатора, Верховный суд РФ со ссылкой на свободу договора отказал в удовлетворении иска.

Рассматривая методологически данный пример, стоит сначала принять за аксиомы следующие два положения: 1) судебные решения должны быть справедливыми или, по крайней мере, должны стремиться быть таковыми; 2) применение судом правовой нормы имеет целью улучшение (гармонизацию) общественных отношений, т.е. применение нормы не должно приносить существенного вреда общественным отношениям внутри социума. Соответственно, сведя оба этих положения в одно, можно утверждать, что любое судебное решение должно иметь диапазон решений в виде минимума – не причинять вред общественным отношениям, т.е. в наибольшей степени способствовать общественному благу, и в виде максимума – достичь справедливости.

Возвращаясь к рассматриваемому примеру, стоит отметить, что судебная аргументация Верховного суда РФ соответствовала формальному стилю (в терминологии Альфа Росса). Однако можно ли также утверждать, что решение достигает справедливости, либо хотя бы не причиняет вред общественным отношениям?

В качестве положительного эффекта от данного решения стоит отметить, что арендодатель оперативно смог реализовать свое право на взыскание задолженности, тем самым поспособствовав формированию позиции Верховного суда РФ по аналогичным вопросам, важной для нижестоящих судов. Однако стоит также заметить, что в отсутствие возможности продолжать деятельность арендатор обанкротился, технологическое оборудование было распродано, все отношения арендатора в рамках цепочек независимых поставщиков, связанных с ним, в том числе долгосрочными договорными отношениями, оказались разорванными, а трудовые отношения с работниками арендатора, в том числе работниками предпенсионного возраста, были прекращены. При этом работникам предпенсионного возраста, уволенным в связи с ликвидацией организации, могут быть досрочно назначены пенсии при отсутствии возможностей для их трудоустройства, что означает возможное переложение бремени

² См.: п. 14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 г. № 66.

социальных расходов с арендатора как работодателя на государство. Таким образом, можно заключить, что такое судебное решение в долгосрочной перспективе нельзя признать имеющим положительный социальный и экономический эффект.

В судебной методологии обычно принято противопоставлять формальный и реалистический подходы, соответственно, как желание выявить волю Законодателя либо Закона. Как отмечает Е. В. Тимошина, иногда такое сопоставление может быть даже утрированным. Например, когда речь идет о «рутинном правоприменении» формального подхода или «творческом процессе применения ценностей и метаюридических аргументов» реалистического, то кажется очевидным, какой из них для автора является предпочтительным³.

Стоит признать, что несмотря на многократное противопоставление вышеуказанных двух подходов, без допущения существования некоего третьего, в теории права, как представляется, указанное деление можно дополнить вариантом судебной методологии, разработанной в рамках движения свободного права. Весьма емко он был раскрыт Г. Радбрухом при сравнении юридического толкования с филологическим.

Филологи, как отмечает Радбрух, используют эмпирический метод, пытаясь понять, что текстом хотел сказать автор. Юристы же в силу того, что автор, как правило, представляет собой коллективный орган, не должны ставить перед собой такую же задачу, поскольку правоприменение требует однозначности понимания закона. Но даже если бы позиции разработчиков закона совпали, все же нельзя отождествлять эту группу людей с мифическим образом Законодателя. Законодатель представляет собой воплощение еще более абстрактного образа – Государства. Поэтому воля Законодателя – это воля Государства, а не группы отдельно взятых лиц. И Государство коммуницирует с обществом не через законодателей, а посредством законов. Воля Законодателя – это воля Закона, но не как средство толкования, а как его цель. Как пишет Радбрух: «Закон может быть мудрее своих разработчиков», тем самым требуя от юридического толкования «не переосмысления задуманного, а окончательно-го осмысления продуманного»⁴.

Соответственно, обращаясь к судебной методологии движения свободного права, стоит отметить, что в ней гармонично сочетаются и формальный, и реалистический подходы. Так, цель применения нормы судьей определяется в рамках реалистического подхода, а методология, по которой осуществляется поиск или нахождение (по Эрлиху) нормы права – посредством, условно говоря, формального.

³ Стратегии судебного толкования и принципы права : учебное пособие / Е. В. Тимошина [и др.] ; под ред. Е. В. Тимошиной. СПб., 2022. С. 13.

⁴ Радбрух Г. Философия права. 2-е изд. М., 2023. С. 129.

При этом социальные и экономические факторы учитываются в данной методологии при процедуре выделения целей правоприменения, которая, в свою очередь, подразделяется на два этапа:

- на первом этапе определяются и конкретизируются интересы акторов, подлежащие защите;

- на втором этапе с необходимостью оцениваются социальные последствия такой защиты, при этом внимание обращается не только на непосредственных акторов правила поведения, но и членов их семей, акционеров, поставщиков, покупателей, кредиторов и всех других членов социальных групп, опосредованно вовлеченных в конфликт.

Любопытно отметить, что рассматриваемый в качестве примера спор является типичным по содержанию и мог произойти не только в XXI столетии.

Развивая идею основоположника свободного права Г. Канторовича, И. З. Штейнберг еще в работе начала XX в. приводит пример, схожий с рассматриваемым выше: арендодатель закрыл доступ ремесленнику к арендуемой квартире, в том числе к инструментам ремесленника, которыми тот зарабатывает себе на жизнь.

В данном случае Штейнберг предлагает судье отказаться от учета специальных интересов участников процесса в пользу типичных интересов для таких случаев⁵, а именно учесть и соотнести:

- интересы нанимателя квартиры в сохранении необходимых ему для жизни орудий производства, с одной стороны, и в легком и дешевом получении квартиры, с другой;

- интерес арендодателя в спокойном и уверенном получении квартирной платы;

- интерес общественного призрения бедных в том, чтобы из-за слишком суровой поддержки прав квартирохозяев не росло бремя, падающее на плечи общества;

- интерес государства в устранении таких правовых институтов, которые слишком обостряют социальные противоречия⁶.

Следуя подобным рассуждениям, судья, при наличии противоположных ответов на один и тот же вопрос в разные периоды времени, к примеру, о том, падает ли бремя на плечи общества при поддержке интересов ремесленника либо состояние экономики позволяет поддержать интересы арендодателя, будет вынужден принять два разных решения при, казалось бы, совершенно одинаковых условиях договоров.

Но тем самым, казалось бы, нарушается принцип справедливости, который выражается в известном правиле: «Трактуй одинаковые случаи

⁵ Штейнберг И. З. Что такое «движение свободного права»? : (Закон и судья) : докл., чит. в Моск. Юрид. о-ве. М., 1914. С. 16.

⁶ См.: Там же.

одинаково, и разные – по-разному»⁷. Однако принцип справедливости – один из наиболее абстрактных⁸, поэтому эта характеристика позволяет раскрыть его в следующей формулировке: «Трактуй одинаковые случаи одинаково при одинаковых социально-экономических условиях, и разные – по-разному при разных».

Соответственно, исходя из вышеизложенного, в рассматриваемом споре Верховный суд РФ, определяя своим решением образец размышления нижестоящим судам по аналогичным спорам, должен был принять во внимание не только буквальный текст договора (концентрируясь на настоящем), но и неизбежные социальные и экономические эффекты от своего решения (учитывая последствия в будущем).

Таким образом, предлагаемая альтернативная судебная методология предоставляет суду возможность соблюсти как требования закона, так и наиболее рациональным способом урегулировать спор, в целом позитивно влияя на социальный и экономический аспекты общественной жизни.

Библиографический список

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух ; пер. с нем. Ю. М. Юмашева. – 2-е изд. – М. : Международные отношения, 2023. – 240 с.

Стратегии судебного толкования и принципы права : учебное пособие / Е. В. Тимошина [и др.] ; под ред. Е. В. Тимошиной. – СПб. : Изд-во С.-Петреб. ун-та, 2022. – 362 с.

Тимошина Е. В. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека / Е. В. Тимошина, А. А. Краевский, Д. Н. Салмин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14, Право. – 2015. – Вып. 3. – С. 4–34.

Харт Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.

Штейнберг И. З. Что такое «движение свободного права»? (Закон и судья) : доклад в Моск. юр. обществе / И. З. Штейнберг. – Москва : тип. Поманский и Запольский, 1914. – 29 с.

References

Hart H. L. A. The Concept of Law / H. L. A. Hart ; ed. by E. V. Afonasin and S. V. Moiseev. – Saint-Petersburg : Publishing house of S.-Peterb. University, 2007. – 302 p.

Radbruch G. Philosophy of Law / G. Radbruch ; translate by Y. M. Yumashev. – 2nd ed. – M. : International Relations, 2023. – 240 p.

⁷ См., напр.: Харт Г. Л. А. Понятие права / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб., 2007. С. 162.

⁸ О различении принципов права по степени абстрактности см.: Тимошина Е. В., Краевский А. А., Салмин Д. Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник СПбГУ. 2015. Серия 14. № 3. С. 4–34.

Steinberg I. Z. What is the “free law movement”? (Law and Judge) : a report in the Moscow Law Society / I. Z. Shteinberg. – М. : Тип. Pomansky and Zapolsky, 1914. – 29 p.

Strategies of judicial interpretation and principles of law : a textbook / E. V. Timoshina [et al.] ; ed. by E. V. Timoshina. – St. Petersburg : Izd-vo S.-Petrebrug. un-ta, 2022. – 362 p.

Timoshina E. V. Methodology of judicial interpretation: weighing tools in the situation of human rights competition / E. V. Timoshina, A. A. Kraevsky, D. N. Salmin // Vestnik of St. Petersburg University. Series 14, Law. – 2015. – Op. 3. – Pp. 4–34.

Для цитирования:

Куликова М. С. Роль социальных и экономических факторов при разработке теоретических моделей // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 62–68.

Recommended citation:

Kulikova M. S. The role of social and economic factors in the development of theoretical models. 2024. No. 1(6). Pp. 62–68.

Сведения об авторе

Куликова Мария Сергеевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: m.s.kulikova@spbu.ru

Information about author

Kulikova Mariia Sergeevna – Lecturer of Theory and History of State and Law Department of Law Faculty of Saint Petersburg State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: m.s.kulikova@spbu.ru

КРИЗИСНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО: ОБ УНИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АКТАХ УПРАВЛЕНИЯ

Е. С. Катинская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 августа 2023 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема унификации юридической терминологии в актах управления, принимаемых в условиях экстраординарных ситуаций. Автор подчеркивает важность гибкости и эффективности управления, четкой и однозначной терминологии в правовых актах. Неопределенность и двусмысленность терминов и категорий могут привести к нарушению основополагающих принципов права и коррупции. Унификация юридической терминологии рассматривается как способ повышения формальной определенности права и доступности правовых текстов.

Ключевые слова: кризисное нормотворчество, юридическая техника, акты управления, экстраординарные ситуации, правовое воздействие, коррупциогенные факторы, юриди́ко-лингвистическая неопределенность.

CRISIS CREATION OF REGULATORY ACTS: ON THE UNIFICATION OF LEGAL SEMANTICS IN MANAGEMENT ACTS

E. S. Katinskaya

Voronezh State University

Abstract: the article deals with the problem of unification of legal terminology in the acts of management adopted in the conditions of extraordinary situations. The author emphasizes the importance of flexibility and efficiency of management, clear and unambiguous terminology in legal acts. Uncertainty and ambiguity of terms and categories can lead to violation of fundamental principles of law and corruption. The unification of legal terminology is considered as a way to increase the formal certainty of law and the accessibility of legal texts.

Key words: crisis rule-making, legal technique, management acts, extraordinary situations, legal impact, corruption factors, legal and linguistic uncertainty.

Режимное административно-правовое регулирование является одним из актуальных и применяемых элементов правопорядка, предназначенного для оперативного решения возникающих перед государством и обществом задач. Управление в условиях экстраординарной ситуации требует гибкости и эффективности, четкой и единой терминологии в актах управления. Как стремительно одни режимы сменяются другими, так быстро и нормативные правовые акты насыщаются новыми определениями и терминами, которые существенно затрудняют понимание и применение этих актов.

Прежде чем перейти к основным положениям заявленной тематики статьи, отметим, что под административно-правовым режимом мы понимаем не комплекс закрепленных установлений, запретов, ограничений и дозволений, административно-правовых целей, задач, функций и методов деятельности органов управления, направленных на обеспечение интеграции, защищенности прав и законных интересов от административно-правовых казусов¹, а совокупность правовых установлений и мероприятий *упорядочивающего воздействия*, определяющих порядок реализации лицами своих публичных прав и обязанностей, а также порядок деятельности властных субъектов *в целях обеспечения управляемости жизненными процессами и обеспечения их безопасности*². И тогда, анализируя теорию права С. С. Алексеева, можно утверждать, что в беспрецедентном управлении первостепенным будет правовое нерегулятивное воздействие³, которое постепенно вытесняет правовое регулирование, напитанное социальными связями и бездокументарной формой⁴. Должна ли влиять эта смена типов управления, характеризующаяся как сложно-синтетическая, на понятийный аппарат?

Управленческое регулирование должно предполагать высокую степень определенности управленческого воздействия⁵, поскольку характеризуется сложной, многоуровневой и комплексной структурой, значительным количеством способов, средств и методов упорядочивающего воздействия. Правовое регулирование представляет собой длящийся процесс, одной из ее форм является административно-правовой режим, применяемый в случаях, когда: существует социальная потребность в создании системы правового воздействия в отношении

¹ См.: Стахов А. И. Административно-правовой режим в России: понятие, сущность, классификация // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 19–21.

² См.: Старилов Ю. Н. Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2016. Ч. 1. С. 744.

³ См.: Зыков Д. В. Идеи С. С. Алексеева о правовом воздействии и их современное значение // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 3(38). С. 59–70.

⁴ См.: Синюков В. Н. Теория права С. С. Алексеева и ее роль в развитии отечественной юридической доктрины // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 6–20.

⁵ См.: Старостин С. А. Классификация административно-правовых режимов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 3–10.

большого количества субъектов; должно быть обеспечено неукоснительное выполнение предписаний правовых норм; необходима жесткость правового регулирования, обеспечиваемая комплексом существенных ограничений и запретов; структура правового материала, обеспечивающего правомерное поведение субъектов правоотношений, согласована по основным своим элементам: административно-правовым статусам, режимным правилам и режимным гарантиям⁶. Яркий пример тому пандемия COVID-19 («форс-мажор для всех»⁷), когда сформированный вал кризисного нормотворчества, принятый в спешке, ушел в историю.

Вместо установления предусмотренных законодательством специальных режимов (чрезвычайного положения, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, ликвидации чрезвычайных ситуаций) при возникновении коронавирусной инфекции COVID-19 был введен специальный *режим повышенной готовности* для ликвидации экстраординарной ситуации, который не совпадает с вышеуказанными, да и установить отличия не представляется возможным. Такая правовая неопределенность может привести к нарушениям основополагающих специальных принципов: учета характера и степени опасности возникающей ситуации; оперативности и достаточности, не чрезмерности принимаемых мер; единообразия и системности в правовом регулировании⁸. Полагаем, что управление в экстраординарных ситуациях должно быть предопределено исходя из единой системы специальных режимов, установленных и понятных правоприменителю. А в целях повышения эффективности деятельности высших должностных лиц (органов исполнительной власти) субъектов Российской Федерации в связи с введением военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей Указом Президента Российской Федерации были установлены *уровни реагирования* (максимальный, средний, повышенный и базовый)⁹. В данном акте были определены полномочия высших должностных лиц (органов исполнительной власти) субъектов Российской Федерации, применяемые

⁶ См.: Долгополов А. А. К вопросу о режимном административно-правовом регулировании // Научный портал МБД России. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rezhimnom-administrativno-pravovom-regulirovanii> (дата обращения: 24.07.2023).

⁷ COVID-19 и договорное право / В. Платонов, А. Габов, В. Белов [и др.] // Закон. 2020. № 4. С. 22–37.

⁸ См.: Вербицкая Т. В. Совершенствование механизмов правового регулирования, применяющихся в Российской Федерации в условиях возникновения экстраординарных ситуаций // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 2. С. 41–47.

⁹ См.: О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 : указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2022).

меры и какими актами необходимо руководствоваться на том или ином уровне реагирования.

Употребление в акте неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера является одним из коррупциогенных факторов¹⁰. Юридино-лингвистическая неопределенность наблюдается в таких понятиях, как «режим повышенной готовности», «режим самоизоляции», «маска». Безусловно, стоит согласиться с тем, что в условиях кризисной ситуации, антикоррупционная экспертиза более эффективна при мониторинге правоприменения, чем при рассмотрении проектов правовых актов¹¹. Унификация юридической терминологии является важной предпосылкой повышения формальной определенности права, ликвидации противоречий в понимании правовых текстов, повышения их доступности¹².

При обобщении практики привлечения к административной ответственности за нарушение норм и предписаний в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)¹³ была усмотрена неопределенность рекомендательных норм Роспотребнадзора о том, что подразумевается под средствами индивидуальной защиты органов дыхания (далее – СИЗОД) и как их правильно использовать. Во-первых, ГОСТом установлены требования к медицинским маскам¹⁴ при отсутствии строгих требований к материалу, что затрудняет процесс доказывания и впоследствии привлечения к административной ответственности. Во-вторых, законодательного запрета на использование платков или шарфов в качестве средств защиты нет¹⁵, да и салфетки, например, не подпадают под требования к СИЗОД.

¹⁰ См.: Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») : постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 (ред. от 10.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: *Рогачева О. С.* Институт антикоррупционной экспертизы правовых актов в условиях кризисной ситуации (на примере периода пандемии COVID-19) // *Юридическая наука.* 2022. № 7. С. 42–47.

¹² См.: *Пиголкин А. С.* Юридическая терминология и пути ее совершенствования // *Ученые записки ВНИИСЗ.* 1971. № 24. С. 67.

¹³ См.: *Катинская Е. С.* Административная ответственность в условиях противодействия распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19): обобщение правоприменительной практики // *Вестник Воронежского государственного университета.* Серия: Право. 2022. № 2(49). С. 225–238.

¹⁴ ГОСТ Р 58396-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Маски медицинские. Требования и методы испытания : утв. приказом Росстандарта от 28 марта 2019 г. № 115-ст. М., 2019.

¹⁵ Например, указом губернатора Псковской области от 15 марта 2020 г. № 30-УГ (в ред. от 13.04.2020 г.) было закреплено, что граждане обязаны носить в общественных местах одноразовые маски, многоразовые маски, респираторы или иные их заменяющие текстильные изделия, обеспечивающие индивидуальную защиту органов дыхания человека (платки, шарфы или иные подобные изделия).

Неопределенно используются в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях такие формулировки, как: «нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий...» (ст. 6.3) и «невыполнение правил поведения...» (ст. 20.6.1). Правовой подход к вопросу переквалификации отражен в Обзоре Верховного суда Российской Федерации от 17 февраля 2021 г. № 3¹⁶, где отмечено, что ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ является общей нормой по отношению к ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, а это в свою очередь не исключает возможности переквалификации.

Цель правового регулятивного воздействия – избежание травматичных нормативных правовых актов как особой группы, принимаемых в экстраординарных условиях¹⁷. При социально-экономических, экологических кризисах и пандемиях возрастает опасность произвольного ограничения прав граждан в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения безопасности, но этот путь не всегда является верным, а в случае применения – ограничения должны быть оправданы и соразмерны степени опасности¹⁸. Кризисное нормотворчество должно применяться только при наличии действительной необходимости; следовать долгосрочной стратегии правового регулирования (не быть случайным); быть понятным; основываться на подлинно научном анализе регулируемых отношений; соответствовать установленным процедурным правилам; по возможности сопровождаться максимально широкой общественной дискуссией¹⁹. Унификация юридической терминологии рассматривается как способ повышения формальной определенности права и доступности правовых текстов. Необходимо стремиться к использованию уже устоявшихся понятий и категорий.

Библиографический список

Баранов В. М. Изменение законодательства как социальная травма / В. М. Баранов // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 40–58.

Вербицкая Т. В. Совершенствование механизмов правового регулирования, применяющихся в Российской Федерации в условиях возникновения экстраор-

¹⁶ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 : утв. Президиумом Верховного суда РФ 17 февраля 2021 г. // Бюллетень ВС РФ. 2021. № 4. С. 54–64.

¹⁷ См.: Баранов В. М. Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 40–58.

¹⁸ См.: Зорькин В. Под знаком Основного закона. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // Российская газета. 2021. 28 окт.

¹⁹ См.: Рувинский Р. З. Законотворчество в условиях современных политических кризисов: тенденции, риски, стратегия // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 638–643.

динарных ситуаций / Т. В. Вербицкая // Юридическая наука и практика. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 41–47. – DOI: 10.25205/2542-0410-2020-16-2-41-47.

Долгополов А. А. К вопросу о режимном административно-правовом регулировании / А. А. Долгополов // Научный портал МВД России. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rezhimnom-administrativno-pravovom-regulirovanii> (дата обращения: 24.07.2023).

Зорькин В. Под знаком Основного закона. Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия / В. Зорькин // Российская газета. – 2021. – 28 окт.

Зыков Д. В. Идеи С. С. Алексеева о правовом воздействии и их современное значение / Д. В. Зыков // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 3(38). – С. 59–70.

Катинская Е. С. Административная ответственность в условиях противодействия распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19): обобщение правоприменительной практики / Е. С. Катинская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 2(49). – С. 225–238.

Пиголкин А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования / А. С. Пиголкин // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1971. – № 24. – С. 67.

Рогачева О. С. Институт антикоррупционной экспертизы правовых актов в условиях кризисной ситуации (на примере периода пандемии COVID-19) / О. С. Рогачева // Юридическая наука. – 2022. – № 7. – С. 42–47.

Рувинский Р. З. Законотворчество в условиях современных политических кризисов: тенденции, риски, стратегия / Р. З. Рувинский // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 638–643.

Старилов Ю. Н. Общее административное право : учебник : в 2 ч. / Ю. Н. Старилов ; под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – Ч. 1.

Стахов А. И. Административно-правовой режим в России: понятие, сущность, классификация / А. И. Стахов // Административное право и процесс. – 2012. – № 7. – С. 19–21.

Синюков В. Н. Теория права С. С. Алексеева и ее роль в развитии отечественной юридической доктрины / В. Н. Синюков // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 6–20. – DOI: 10.12737/jrl.2020.013.

Старостин С. А. Классификация административно-правовых режимов / С. А. Старостин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 11. – С. 3–10.

COVID-19 и договорное право / В. Платонов, А. Габов, В. Белов [и др.] // Закон. – 2020. – № 4. – С. 22–37.

References

Baranov V. M. Changing legislation as a social trauma / V. M. Baranov // Legal technology. – 2023. – No. 17. – Pp. 40–58.

COVID-19 and contract law / V. Platonov, A. Gabov, V. Belov [et al.] // Law. – 2020. – No. 4. – Pp. 22–37.

Dolgopolov A. A. On the issue of regime administrative and legal regulation / A. A. Dolgopolov // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rezhimnom-administrativno-pravovom-regulirovanii> (date of access: 24.07.2023).

Katinskaya E. S. Administrative responsibility in the context of countering the spread of new coronavirus infection (COVID-19): generalization of law enforcement practice / E. S. Katinskaya // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2022. – No. 2(49). – Pp. 225–238.

Pigolkin A. S. Legal terminology and ways of its improvement / A. S. Pigolkin // Scientific notes VNIISZ. – 1971. – No. 24.

Rogacheva O. S. Institute of anti-corruption examination of legal acts in a crisis situation (using the example of the COVID-19 pandemic) / O. S. Rogacheva // Legal Science. – 2022. – No. 7. – Pp. 42–47.

Ruvinsky R. Z. Lawmaking in the context of modern political crises: trends, risks, strategy / R. Z. Ruvinsky // Legal technology. – 2015. – No. 9. – Pp. 638–643.

Stakhov A. I. Administrative legal regime in Russia: concept, essence, classification / A. I. Stakhov // Administrative law and process. – 2012. – No. 7. – Pp. 19–21.

Starilov Yu. N. General administrative law : textbook : in 2 issues / Yu. N. Starilov ; ed. Yu. N. Starilov. – Voronezh : VSU Publishing House, 2016. – Part 1.

Sinyukov V. N. The theory of law of S. S. Alekseev and its role in the development of domestic legal doctrine / V. N. Sinyukov // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 2. – Pp. 6–20. – DOI: 10.12737/jrl.2020.013.

Starostin S. A. Classification of administrative legal regimes / S. A. Starostin // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2020. – No. 11. – Pp. 3–10.

Verbitskaya T. V. Improving the mechanisms of legal regulation used in the Russian Federation in the context of the emergence of extraordinary situations / T. V. Verbitskaya // Legal science and practice. – 2020. – T. 16, No. 2. – Pp. 41–47. – DOI: 10.25205/2542-0410-2020-16-2-41-47.

Zorkin V. Under the sign of the Basic Law. Constitutional Court at the turn of the fourth decade / V. Zorkin // Rossiyskaya Gazeta. – 2021. – October 28.

Zykov D. V. Ideas of S. S. Alekseev on legal influence and their modern significance / D. V. Zykov // Bulletin of the Humanitarian University. – 2022. – No. 3(38). – Pp. 59–70.

Для цитирования:

Катинская Е. С. Кризисное нормотворчество: об унификации юридической терминологии в актах управления // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 69–76.

Recommended citation:

Katinskaya E. S. Crisis creation of regulatory acts: on the unification of legal semantics in management acts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 69–76.

Сведения об авторе

Катинская Елена Сергеевна – преподаватель кафедры административного и административного процессуального права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: es-katinskaya@yandex.ru

Information about author

Katinskaya Elena Sergeevna – Lecturer at the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law of Voronezh State University.

E-mail: es-katinskaya@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 349.6

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЗАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С. А. Минич

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Поступила в редакцию 23 марта 2023 г.

Аннотация: экологизация законодательства в сфере науки – необходимое условие обеспечения охраны окружающей среды, экологической безопасности, защиты экологических интересов общества в условиях цифровой реальности. Проведенное исследование позволило выявить и обосновать основные потребности комплексного правового обеспечения экологизации научной деятельности с опорой на экологические целеориентиры и принципы гуманного рационального, взвешенного взаимодействия с природой.

Ключевые слова: право, экологизация, научная деятельность, окружающая среда, цифровизация, государственная экологическая политика.

IDENTIFICATION OF THE NEEDS OF COMPREHENSIVE LEGAL SUPPORT FOR THE GREENING OF SCIENTIFIC ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL REALITY

S. A. Minich

The National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus

Abstract: the greening of legislation in the field of science is a necessary condition for ensuring environmental protection, environmental safety, protection of environmental interests of society in the conditions of digital reality. The conducted research made it possible to identify and substantiate the basic needs of comprehensive legal support for the greening of scientific activity based on environmental goals and principles of humane rational, balanced interaction with nature.

© Минич С. А., 2024

Key words: law, ecologization, scientific activity, environment, digitalization, state environmental policy.

Прорывные достижения научно-технологического прогресса, непрерывный процесс цифровой трансформации большинства сфер жизнедеятельности человека создают все более широкие возможности для улучшения качества жизни людей, но порой приводят к драматическим последствиям экологического характера. Работа по поиску эффективных решений для поддержания экологического равновесия, в первую очередь, обусловлена тем, что объективные законы природы неуклонно диктуют необходимые правила поведения по отношению человека к окружающей среде с целью их гармоничного сосуществования.

Значительная роль по выработке экологически правильного поведения как со стороны отдельного человека, так и со стороны всего мирового сообщества, принадлежит праву. На сегодняшний день экологизация как метод правового регулирования охватила всю правовую систему, благодаря чему право стало обладать определенной экологической сущностью. Общеэкологический и природоохранный подход распространился на правовое регулирование всех сфер общественных отношений, проник во все без исключения институты и отрасли права, усилив тем самым потенциал законодательства в решении экологических проблем.

С. А. Боголюбов в своих исследованиях отмечает, что «метод экологизации является универсальным и действенным способом природоохранного регулирования всех общественных отношений, имеющих причастность – большую или меньшую – к окружающей человека природной среде, к правилам ее охраны, к организации надлежащего, рационального природопользования»¹.

О такой устойчивой тенденции в праве и ее неопределимом значении не раз говорил О. С. Колбасов, прогнозируя, что «суперотрасли “экологическое право” принадлежит огромное будущее, которое расколет все правовые требования и нормы на имущественные и природоохранные, где вторым будет принадлежать главенствующая роль ввиду перенаселения Земли, истощенности и вынужденной передачи всех природных ресурсов в общее пользование, приоритетности всеобщей охраны природы, природных ресурсов перед их потреблением и разделом между собственниками»².

¹ См.: Институты экологического права / С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская, Ю. Г. Жариков [и др.]. М., 2010. 477 с.

² Ивакин В. И. Завещание экологам. К 90-летию члена-корреспондента РАН Олега Степановича Колбасова // Аграрное и земельное право. 2017. № 5(149). С. 132–133.

На объективную обусловленность процессов экологизации законодательства также указывает И. А. Игнатьева, аргументируя свою позицию тем, что правовые нормы, регулирующие ту или иную обособленную группу общественных отношений, не могут полностью укладываться в рамки одной соответствующей отрасли законодательства³.

Задача всеобщей экологизации права может быть успешно решена при выполнении двух взаимосвязанных условий:

- формирование эффективного экологического и органично связанного с ним природоресурсного права;
- обеспечение сбалансированного развития иных отраслей, гармонично связанных с экологическим и природоресурсным правом⁴.

Соблюдение таких условий говорит об универсальности метода экологизации и задает прямой курс на комплексное, а не специальное регулирование вопросов охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности. Данная позиция обосновывается тем, что экологические требования, заложенные в специальных (экологических) нормативных правовых актах, не всегда способны оказывать влияние напрямую в урегулировании экологических вопросов⁵. На данное обстоятельство указывают как белорусские, так и зарубежные правоведы-экологи.

К примеру, по мнению А. К. Голиченкова, «особенность правового регулирования экологических правоотношений заключается в том, что во многих случаях норма, регулирующая экологические правоотношения, воздействует не непосредственно, а через нормы, регулирующие определенную хозяйственную или иную деятельность»⁶.

Н. А. Карпович подчеркивает: «Важно обеспечить системный, последовательный характер процессов экологизации всех сфер жизнедеятельности общества на основе объективно выделенных приоритетов. В связи с этим потенциально неизбежной является системная корректировка действующего законодательства для внедрения экологического импера-

³ См.: *Игнатьева И. А.* Систематизация экологического законодательства и экологизация иных отраслей российского законодательства // *Экологическое право*. 2007. № 1. С. 4–11.

⁴ См.: *Бринчук М. М.* Экологическое право должно стать противовесом всего остального права... // *Экологическое право*. 2019. № 3. С. 5.

⁵ См.: *Мурзабекова Ж. Т.* Сущностная природа экологизации законодательства как теоретико-правовая категория // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2018. № 2. С. 168–170.

⁶ См.: *Экологическое право России на рубеже XXI века : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов каф. экологического и земельного права юрид. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, посвященный памяти профессора В. В. Петрова / под ред. А. К. Голиченкова*. М., 2000. С. 3.

тива во все сферы, направления и стороны социальной жизни, подвергающиеся правовому регулированию»⁷.

Исходя из представленных аргументированных позиций, можно утверждать, что система экологического законодательства, наряду с системообразующими (определяющими главные цели и задачи государства в экологической сфере), экологointегрированными (непосредственно направленными на охрану окружающей среды), экологодифференцированными (отраслевыми), общеустанавливающими и экологообеспечительными, в обязательном порядке должна включать экологизированные нормативные правовые акты, предметом правового регулирования которых не является деятельность, связанная с природопользованием, однако их отдельные нормы непосредственно устанавливают экологически значимые права и обязанности субъектов отношений⁸.

Это означает, что, при выполнении определенных задач охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов силами отдельного правового института, регулирующего, к примеру, общественные отношения в научной сфере, не происходит «перетаскивания» этого института или его норм в экологическую отрасль права. И тут важно сделать специальный акцент на то, что эколого-правовые нормы, содержащиеся в экологизированных нормативных правовых актах, направлены не на непосредственное регулирование экологических отношений, а на повышение его эффективности, т.е. выполняют обеспечительную функцию (обслуживают задачи охраны окружающей среды).

Под правовым обеспечением, в свою очередь, понимается совокупность правил, методов, приемов, способов и средств юридической техники, которые позволяют сделать возможным, действительным, реально выполнимым достижение целей, стоящих перед механизмом правового регулирования⁹.

Правовое обеспечение включает в себя такие юридические средства, как правотворчество, правореализацию, правоприменение, средства индивидуальной правовой регуляции, меры принудительного и поощрительного характера¹⁰.

Следовательно, нормативно-правовое обеспечение экологизации той или иной сферы человеческой деятельности предусматривает создание

⁷ См.: Карпович Н. А. Национальное законодательство Республики Беларусь как фактор реализации экологической функции государства [Электронный ресурс] : [по состоянию на 24.06.2015 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь» / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

⁸ Там же.

⁹ См.: Кожуханов Н. М. Сущность правового обеспечения деятельности таможенных органов // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 2. С. 90–95.

¹⁰ См.: Арзамаскин А. Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 47–51.

действенного эколого-правового механизма сохранения природной среды и экологической безопасности в ходе ее осуществления.

Среди всего многообразия видов деятельности особое значение имеет научная. Не секрет, что экологизация, абстрагированная от опережения, не может нести с собой устойчивости. И именно научно-исследовательская деятельность, направленная на получение новых научных знаний, разработку новых способов их применения, характеризующаяся процессами футуризации и ноосферной рациональностью, позволяет делать прогнозную оценку всякому воздействию на окружающую среду и на основе научного подхода предугадывает различные варианты развития антропогенных изменений в природе, формирует базу научных знаний для разработки и внедрения «чистых» технологий, обеспечивает лучшее понимание взаимосвязи природы и общества в целях устойчивого развития и реализации новой модели движения вперед.

Интересно обратить внимание, на то, что, например, модельный закон «Об основах экологического предпринимательства» (принят постановлением МПА СНГ от 13 июня 2000 г. № 15-6) научно-исследовательскую деятельность, имеющую целевым назначением обеспечение сохранения и восстановления окружающей среды и охрану природных ресурсов, относит к экологическому предпринимательству (абз. 1 ст. 1). Этот факт, безусловно, указывает на то, что процесс экологизации научной деятельности выступает одним из приоритетных направлений эколого-обоснованного экономического развития государства. Более того, наука, получив свое переосмысление в условиях современной реальности, приобрела ключевое значение в контексте определения эколого-экономической повестки и устойчивого развития общества в целом.

Таким образом, комплексное нормативно-правовое обеспечение экологизации научной деятельности представляет собой сложный эколого-правовой механизм и является одним из неотъемлемых и необходимых элементов экологического законодательства. Фундамент такого механизма составляют нормы права, имеющие экологическое содержание, представляющие собой действенное правовое средство, с помощью которого создаются благоприятные условия для осуществления научной деятельности с обязательным соблюдением требований безопасного взаимодействия с окружающей средой. Вся совокупность эколого-правовых норм направлена на регулирование общественных отношений, возникающих в сфере науки при проведении научного поиска и защиты окружающей среды.

К тому же, правовое обеспечение экологизации научной деятельности предусматривает формирование и развитие юридических инструментов, обеспечивающих учет экологических факторов на всех этапах осуществления фундаментальных и прикладных научных исследований, а также

при практическом внедрении их результатов, предоставлении доступа к полученным научным знаниям и др., что возможно как путем закрепления соответствующих экологических требований в законодательстве природоохранной и природоресурсной направленности, нормативных правовых актов иных отраслей права, так и путем экологизации законодательства в сфере науки¹¹.

Данное обстоятельство выявляет следующую потребность правового обеспечения экологизации научной деятельности – защита общества от негативного воздействия человека на окружающую среду в результате осуществления такой деятельности, что предусматривает установление специальных эколого-правовых правил при проведении научного поиска.

К примеру, в законодательстве Республики Беларусь основные предписания в области охраны окружающей среды при выполнении научно-исследовательских работ установлены в ст. 52 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон № 1982-XII), где, в частности, определено:

1) при проведении фундаментальных и прикладных научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ должны учитываться требования в области охраны окружающей среды;

2) использование изобретений и применение техники, оборудования, материалов и технологий, влекущие нарушение требований в области охраны окружающей среды, запрещаются.

На наш взгляд, в данных требованиях присутствует определенная «мягкость», так как нет четкости в формулировке «должны учитываться», не определена ответственность за неисполнение и нарушение таких требований, не обозначены необходимые условия для проведения исследований, не уточнены общие требования безопасности к используемому научно-исследовательскому оборудованию и др., что вызывает определенные сложности в регулировании научных исследований и, безусловно, требует комплексного правового обеспечения экологизации научной деятельности как фактора реализации экологической политики государства.

Далее рассмотрим иные не менее значимые потребности комплексного правового обеспечения экологизации научной деятельности, одна из которых обусловлена необходимостью координации экологических научных поисков (четкого управления наукой в экологической сфере) и повышением значимости таких исследований для рационального взаимодействия общества и природы, экологической безопасности и устойчивого развития Республики Беларусь.

¹¹ См.: *Шахрай И. С.* Экологизация научной деятельности: правовой аспект // *Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение* : сб. науч. тр. / Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ. Минск, 2019. С. 150–160.

Многочисленные правовые проблемы, возникающие в практике применения экологического законодательства, свидетельствуют о необходимости его научно обоснованного совершенствования, и лидирующую роль в данном процессе должны играть научные исследования по ключевым вопросам экологического права, о чем неоднократно говорится в информационной повестке на всех государственных уровнях.

Так, для достижения высоких научных результатов на благо общих интересов в Республике Беларусь обеспечивается нацеленность государственных ресурсов на реализацию наиболее важных и значимых направлений научной деятельности. Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 утверждены единые приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 гг., среди которых отдельно выделен вектор: экология и рациональное природопользование. Реализация обозначенных направлений, как правило, осуществляется путем разработки комплексных государственных программ и планов, где, среди прочего, обозначается круг субъектов, ответственных за проведение научных исследований.

Научные экологические исследования, в первую очередь, ориентированы на решение природоохранных задач с получением научных результатов, имеющих социально-экологический эффект.

Научные экологические исследования проводятся в целях (ст. 78 Закона № 1982-XII):

- совершенствования законодательства об охране окружающей среды;
- разработки концепций, научных прогнозов, программ и мероприятий по рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды;
- разработки программ реабилитации территорий экологического риска, зон экологического кризиса, зон экологического бедствия, совершенствования способов и методов восстановления экологически неблагополучных территорий;
- разработки и совершенствования показателей комплексной оценки воздействия на окружающую среду, способов и методов их определения;
- разработки технологий в области охраны окружающей среды и рационального (устойчивого) использования природных ресурсов;
- разработки требований в области охраны окружающей среды;
- в иных целях в области охраны окружающей среды.

Предопределяющим фактором комплексного правового обеспечения экологизации научной деятельности также выступает усиление экологической функции государства, что обусловлено развитием государственной политики в области охраны окружающей среды, представляющей собой целенаправленную деятельность государства по организации оп-

тимального взаимодействия общества и природы с целью обеспечения качества окружающей человека среды.

Среди основных направлений экологической функции государства выделяют: нормотворчество и принятие решений, а также собственно экополитический процесс. Таким образом, усиление экологической функции государства приводит к расширению роли права в регулировании экологических отношений, поскольку органы власти, в числе прочих, активно решают задачи по совершенствованию законодательства в данной области, как путем разработки и повышения эффективности нормативных правовых актов, так и путем принятия стратегических, концептуальных и иных документов программного характера, которые служат твердой методологической основой экологического права.

В рамках проблематики «наука для устойчивого развития» экологической политикой большинства постсоветских стран предусмотрена приоритетность научных исследований, направленных на решение вопросов защиты окружающей среды от антропогенных факторов. Усилия законодателя в данной области сориентированы на перемоделирование научной деятельности в экологически безопасную плоскость, изменение облика научного знания и научной рациональности в соответствии с экологическими целеориентирами, в том числе посредством наделения правовых норм отдельных отраслей права экологическим содержанием. В качестве действенных инструментов обеспечения надежной системы правочеловеческих установок и приоритетов научной деятельности в целях устойчивого развития, охраны природы и разумного природопользования выступают программные документы.

В частности, в п. 11 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь к основным национальным интересам в научно-технологической сфере, среди прочих, отнесено формирование экономики, основанной на знаниях, обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития Республики Беларусь.

В главе 6 Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы (утвержден постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2021 г. № 710) к приоритетным направлениям отнесено научное обеспечение перехода к «зеленой» экономике, при этом поясняется, что практическое внедрение концепции «зеленой» экономики невозможно без фундаментального и прикладного обоснования экологических, экономических, технологических и социальных преобразований.

Отражение значимости проведения научных исследований по экологическим вопросам в документах программного характера говорит о положительной тенденции развития экологической политики в Республике Беларусь и усилении экологической функции государства, направленной

на ее эффективное правовое обеспечение. Соответственно, в работе органов власти по реализации экологической политики особое внимание уделяется науке и научной деятельности, а именно регулированию отношений научного обеспечения охраны окружающей среды и использования природных ресурсов в рамках проблематики «наука для устойчивого развития», «наука и цифровая реальность», что никак невозможно без комплексного подхода к правовому обеспечению экологизации научной деятельности.

Правовое обеспечение экологизации научной деятельности также обусловлено необходимостью реализации и защиты экологических прав человека, соблюдения принципов глобальной экологической политики в целях устойчивого развития с учетом новых цифровых реалий, вызванных непрерывным внедрением новейших технологий.

Правовая охрана окружающей среды в современном мире осуществляется как на международном, так и на национальном уровне. Именно совместные усилия всех стран становятся «двигателем прогресса» в развитии средств и способов обеспечения реализации экологических прав человека в условиях антропогенных изменений в природе, выработки правочеловеческого и цивилизационно-прогрессивного основания использования достижений науки. Данные права, безусловно, превалируют над интересами государств в ходе их борьбы за лидерство в научных разработках, что находит свое отражение в ряде международных документов. К примеру, в п. 2 ст. 3 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека 2005 г. установлено, что «интересы и благосостояние отдельного человека должны главенствовать над интересами собственно науки или общества». И там же в п. 2 ст. 14 заключено: «Прогресс в области науки и техники должен способствовать, в том числе улучшению условий жизни и состояния окружающей среды».

Обозначенное выше подтверждает, что абсолютно каждая страна должна принимать меры по экологизации научной деятельности для создания благоприятной интеллектуальной среды, укрепления научно-исследовательского потенциала в областях, связанных с окружающей средой, снижения экологической нагрузки при переходе к цифровой реальности, что позволит сохранить более здоровые условия для жизни людей в окружающей среде и постоянно улучшать ее качество в интересах нынешнего и будущих поколений.

В завершение отметим, что проведенное исследование позволило комплексно, с учетом различных оснований, выявить ключевые потребности правового обеспечения экологизации научной деятельности, получить всестороннее представление о данном правовом явлении, его значимости в контексте реализации экологической политики государства и цифровизации в целях обеспечения защищенности государственных и част-

ных интересов. По результатам аналитической работы было установлено, что причин, обуславливающих необходимость правового обеспечения экологизации научной деятельности, несколько. Нами были определены наиболее очевидные.

1. Общие закономерности экологически значимого социального и экономического развития общества.

2. Всеобщая экологизация законодательства (экологизация всей правовой системы) в целях формирования экологического правопорядка, экологического государства.

3. Приоритетность проведения научных исследований экологической направленности для обеспечения научного подхода к решению эколого-правовых проблем взаимодействия природы и общества, обеспечения экологической безопасности, эффективной реализации государственной экологической политики и устойчивого развития страны.

4. Неравномерный характер и отсутствие единообразного, системного подхода к научному обеспечению охраны окружающей среды, выступающего одним из основных направлений государственной экологической политики.

5. Потребность в активной защите окружающей среды от негативного воздействия человека в результате осуществления научной деятельности. Обязательный учет экологических факторов на всех этапах проведения научных исследований и при практическом внедрении их результатов. Расширение обязательных для соблюдения экологических требований, предъявляемых к субъектам и участникам научной деятельности.

6. Развитие экологической политики и усиление экологической функции государства в рамках проблематики «наука для устойчивого развития».

7. Возрастающая роль научной деятельности и развития научного знания как ведущего фактора эффективной реализации и защиты экологических прав человека и принципов глобальной экологической политики с учетом новых цифровых реалий, вызванных резко ускоряющимся научно-технологическим прогрессом.

Библиографический список

Арзамаскин А. Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы / А. Н. Арзамаскин // Наука и школа. – 2016. – № 6. – С. 47–51.

Бринчук М. М. Экологическое право должно стать противовесом всего остального права / М. М. Бринчук // Экологическое право. – 2019. – № 3.

Ивакин В. И. Завещание экологам. К 90-летию члена-корреспондента РАН Олега Степановича Колбасова / В. И. Ивакин // Аграрное и земельное право. – 2017. – № 5(149). – С. 132–133.

Игнатьева И. А. Систематизация экологического законодательства и экологизация иных отраслей российского законодательства / И. А. Игнатьева // Экологическое право. – 2007. – № 1. – С. 4–11.

Институты экологического права / С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская, Ю. Г. Жариков [и др.]. – М. : Изд-во «Эксмо», 2010. – 477 с.

Карпович Н. А. Национальное законодательство Республики Беларусь как фактор реализации экологической функции государства [Электронный ресурс] : [по состоянию на 24.06.2015 г.] / Н. А. Карпович. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь» / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Кожуханов Н. М. Сущность правового обеспечения деятельности таможенных органов / Н. М. Кожуханов // Вестник Российской таможенной академии. – 2019. – № 2. – С. 90–95.

Мурзабекова Ж. Т. Сущностная природа экологизации законодательства как теоретико-правовая категория / Ж. Т. Мурзабекова // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2018. – № 2. – С. 168–170.

Шахрай И. С. Экологизация научной деятельности: правовой аспект / И. С. Шахрай // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 150–160.

Экологическое право России на рубеже XXI века : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов каф. экологического и земельного права юрид. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, посвященный памяти профессора В. В. Петрова / под ред. А. К. Голиченкова. – М. : Зерцало-М, 2000. – 396 с.

References

Arzamaskin A. N. Definition of the concept of “legal support”: statement of the problem / A. N. Arzamaskin // Science and school. – 2016. – No. 6. – Pp. 47–51.

Brinchuk M. M. Environmental law should become a counterweight to all other law / M. M. Brinchuk // Environmental law. – 2019. – No. 3.

Environmental law of Russia at the turn of the 21st century: collection of articles. scientific Art. teachers and graduate students of the department of environmental and land law, Faculty of Law, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, dedicated to the memory of Professor V. V. Petrov / ed. A. K. Golichenkova. – M. : Zertsalo-M, 2000. – 396 p.

Ignatieva I. A. Systematization of environmental legislation and greening of other branches of Russian legislation / I. A. Ignatieva // Environmental law. – 2007. – No. 1. – P. 4–11.

Institutes of environmental law / S. A. Bogolyubov, E. A. Galinovskaya, Yu. G. Zharikov [et al.]. – M.: Publishing house “Eksmo”, 2010. – 477 p.

Ivakin V. I. Testament to ecologists. To the 90th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Oleg Stepanovich Kolbasov / V. I. Ivakin // Agrarian and land law. – 2017. – No. 5(149). – Pp. 132–133.

Karpovich N. A. National legislation of the Republic of Belarus as a factor in the implementation of the environmental function of the state [Electronic resource]: [as of June 24, 2015] / N. A. Karpovich. – Access from the legal reference system “ConsultantPlus. Belarus” / LLC “YurSpectr”, National. legal information center Rep. Belarus. – Minsk, 2023.

Kozhukhanov N. M. The essence of legal support for the activities of customs authorities / N. M. Kozhukhanov // Bulletin of the Russian Customs Academy. – 2019. – No. 2. – Pp. 90–95.

Murzabekova Zh. T. The essential nature of greening legislation as a theoretical and legal category / Zh. T. Murzabekova // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. – 2018. – No. 2. – Pp. 168–170.

Shakhrai I. S. Greening of scientific activity: legal aspect / I. S. Shakhrai // Justice and law enforcement activities: legislation and law enforcement : collection of scientific tr. / Institute for retraining and advanced training of judges, prosecutors, courts and justice institutions of the BSU. – Minsk : RIVSH, 2019. – Pp. 150–160.

Для цитирования:

Минич С. А. Выявление потребностей комплексного правового обеспечения экологизации научной деятельности в условиях цифровой реальности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 77–88.

Recommended citation:

Minich S. A. Identification of the needs of comprehensive legal support for the greening of scientific activity in the conditions of digital reality // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 77–88.

Сведения об авторе

Минич Светлана Александровна – младший научный сотрудник Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

E-mail: ekabpils75@mail.ru

Information about author

Minich Svetlana Aleksandrovna – Junior Researcher of the National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus

E-mail: ekabpils75@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА «ОЗЕЛЕНЕНИЯ» ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Н. А. Солянкина

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Поступила в редакцию 28 марта 2023 г.

Аннотация: в статье подчеркивается актуальная проблема влияния экономической деятельности человека на окружающую среду. Ухудшение состояния окружающей среды является одной из самых серьезных угроз для человечества, что отражается на рынке труда. В свете перехода к «зеленой» экономике автором предпринята попытка выявить направления дальнейшего «озеленения» трудовых отношений в условиях экологизации социальной сферы, с целью обеспечения достойной жизни для всех.

Ключевые слова: активное долголетие, вредное производство, «зеленая» экономика, окружающая среда, рабочие места, социальная сфера, экологизация.

IDENTIFICATION OF THE NEEDS OF LEGAL SUPPORT FOR THE PROCESS OF «GREENING» LABOR RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE GREENING OF THE SOCIAL SPHERE

N. A. Solyankina

The National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus

Abstract: the article emphasizes the actual problem of the impact of human economic activity on the environment. Environmental degradation is one of the most serious threats to humanity, which is reflected in the labor market. In the light of the transition to a “green” economy, the author made an attempt to identify areas for further “greening” of labor relations in the context of the greening of the social sphere, in order to ensure a decent life for everyone.

Key words: active longevity, harmful production, “green” economy, environment, jobs, social sphere, greening.

Значение «озеленения» трудовых отношений или «экологизации рынка труда» для решения экологических и климатических проблем признано международными организациями и большинством стран мира. Однако, несмотря на осознание данной проблемы, до сих пор не выработано единого подхода к определению «зеленой» занятости и «зеленого» рабочего места. Формирование модели развития с целью экологизации социальной сферы ведет к серьезным изменениям на рынке труда, но все еще не сложилось согласованного подхода к управлению процессом «озеленения» рынка труда.

Состояние окружающей среды и трудовая деятельность человека находятся в тесной взаимосвязи. Рост производства и населения – главные факторы, которые привели к резкому увеличению «антропогенной нагрузки на природу»¹. Воздействие отдельных видов трудовой деятельности на окружающую среду сильно различается. Хозяйственная деятельность человека оказывает огромное влияние на все элементы окружающей среды. В случае, когда производство связано с высоким уровнем загрязнения, выбросами парниковых газов, огромными отходами, тогда такую трудовую деятельность можно смело называть разрушительной. И напротив, позитивное воздействие оказывает трудовая деятельность, которая направлена на восстановление и сохранение окружающей среды. Деятельность человека должна приносить пользу не только самому человеку, но и всем остальным элементам природной среды.

По мере усиления разрушительного воздействия человека на природу возрастает обратное воздействие природы на человека, причем не менее разрушительное. Это ведет к пересмотру взаимоотношений общества и природы, ключевыми моментами которой стали концепция устойчивого развития и формирование экологоориентированной институциональной системы.

Международные организации – Международная организация труда (МОТ), Международная конфедерация профсоюзов и Международная организация работодателей – связывают понятие «зеленая занятость» с более широким понятием «зеленая экономика». Под «зеленой» занятостью понимается работа, во-первых, соответствующая стандартам достойного труда, который предлагает адекватную заработную плату, безопасные условия труда, гарантии занятости, перспективы карьерного роста и защиту прав работников. Во-вторых, способствующая улучшению состояния окружающей среды за счет сокращения потребления энергии и сырья, ограничения выбросов парниковых газов, минимизации отходов и загрязнения окружающей среды, защиты и восстановления экосистем, а также предоставления организациям и сообществам возможности адаптироваться к изменению климата.

¹ См.: Овсиенко Ю. В., Русаков В. П. Экологизация институтов как решающий фактор устойчивого развития // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 10(175). С. 24.

Семеко Г. В. отмечает, что изменения, происходящие на рынке труда в ходе «зеленого» перехода, связаны с двумя важнейшими процессами². Во-первых, это декарбонизация экономической деятельности в соответствии с обязательствами стран по Парижскому соглашению³. Отрицательные последствия декарбонизации для занятости обусловлены сокращением производства в отраслях, где выделяют много парниковых газов, а также в отраслях, которые добывают ископаемое топливо для производства электроэнергии. Во-вторых, глобальное потепление и изменение климата, что проявляется в участившихся экстремальных погодных явлениях (ураганы, штормы, наводнения и др.), повышении уровня и температуры мирового океана и т.д. Они затрагивают так называемые экосистемные услуги, т.е. блага (выгоды), которые люди получают от экосистем и которые обеспечивают устойчивое благосостояние человека.

Если государства будут принимать меры для достижения поставленных в Парижском соглашении целей, то к 2030 г., по расчетам МОТ, в мире будет создано около 24 млн «зеленых» рабочих мест, причем большинство из них будут находиться в странах Азии. В то же время ожидается, что будет утрачено примерно 6 млн рабочих мест. С учетом потерь чистый прирост рабочих мест составит 18 млн⁴.

После опубликования в 2015 г. «Руководящих принципов справедливого перехода к экологически устойчивой экономике и обществу для всех»⁵, а также включения в Парижское соглашение тезиса о необходимости такого перехода, масштабы распространения идей справедливого перехода приобрели глобальный характер.

В документе МОТ подчеркивается, что экологизация экономики и труда требует специфического для каждой страны сочетания макроэкономической, промышленной, отраслевой и трудовой политики, а также мобилизации государственных и частных инвестиций для поддержки экологически ориентированного бизнеса. В связи с этим были выделены девять ключевых областей политики справедливого перехода:

- 1) макроэкономическая политика и политика роста;
- 2) промышленная и отраслевая политика;
- 3) поддержка предпринимательства;

² См.: Семеко Г. В. Экологизация рынка труда в условиях перехода к «зеленой» экономике // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 1. С. 152.

³ См.: Парижское соглашение [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ См.: World employment social outlook Trend 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_615594.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

⁵ См.: Пособие по применению Руководства МОТ по справедливому переходу к экологически устойчивой экономике и обществу для всех. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_844618.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

- 4) развитие профессиональной подготовки;
- 5) обеспечение безопасности и гигиены труда;
- 6) социальная защита;
- 7) активная политика на рынке труда;
- 8) трудовое право;
- 9) социальный диалог и трипартизм (принцип регулирования социально-трудовых отношений на основе трехстороннего представительства – государства, работников и работодателей).

Эксперты МОТ рассматривают концепцию справедливого перехода как инструмент продвижения к «миру будущего», в котором рабочие места являются экологически чистыми и обеспечивают людям достойные условия труда, выбросы парниковых газов равны нулю, бедность искоренена, наемные работники и их семьи пользуются своим правом на социальную защиту⁶.

На практике многие страны, которые реализуют национальную стратегию «зеленого» перехода, сталкиваются с последствиями экологических мер для рынка труда. Однако государственные программы и нормативные документы, которые устанавливают допустимые нормы выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, не всегда дополняются планом действий в области «озеленения» трудовых отношений и создания достойных условий труда. Между тем такой план необходим для осуществления экологизации социальной сферы. Именно поэтому государственная политика должна быть направлена на создание достойных рабочих мест.

Республика Беларусь не стала исключением, и 20 сентября 2016 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 345 «О принятии международного договора», согласно которому Республика Беларусь стала 30-й стороной Парижского соглашения. Это стало основой для пересмотра направлений государственной политики в области экологизации социальной сферы.

Многоаспектный характер политики справедливого перехода определяет необходимость согласования и координации действий по разным направлениям и на всех уровнях внутри отдельных стран, а также в региональном и глобальном масштабах. На наш взгляд, ключевыми направлениями должны стать:

1) *экологизация персонала организации*. Масштабы изменений в сфере занятости и их последствия неравномерно распределяются по странам и по отраслям экономики, а потому одни группы трудящихся получают выгоды, а другие оказываются в проигрыше. У последних неизбежно возникает неудовлетворенность результатами «зеленого» перехода и

⁶ См.: Social Protection, Climate Change and a Just Transition. URL: <https://www.social-protection.org/gimi/ShowTheme.action?id=12> (дата обращения: 10.03.2023).

убеждение в несправедливом отношении к ним⁷. Если таких недовольных много, то в обществе формируется негативное представление о происходящих переменах, что тормозит процесс перехода. Экологоориентированное производство должно содержать комплекс мер, одной из которых должна стать экологическая осведомленность персонала, которая позволит перейти на принципиально новый уровень, снизив тем самым вредное воздействие на окружающую среду. На сегодняшний день отмечается критически низкий уровень экологизации социально-экономических отношений, в том числе экологизации персонала. Ключевая роль в процессе экологизации персонала принадлежит представителям высшего уровня (звена) управления. Они формируют цель, задачи и основные виды деятельности, закрепляют идеи экологизации в уставных документах. В связи с этим многое зависит от руководителя организации.

На персонал среднего уровня должна быть возложена обязанность по доведению информации о содержании экологоориентированных целей организации, контролю за их исполнением, формированию корпоративной экологической культуры персонала; разработке системы стимулирования экологизации персонала.

Нижний уровень персонала должен ответственно относиться к исполнению должностных инструкций, повышать квалификацию с целью выполнения работ с экологическим компонентом, рационально использовать ресурсы, адаптировать противников экологизации к таким инновациям.

Формирование и популяризация экологической сознательности персонала поднимет имидж организации на новый уровень в конкурентных условиях, обеспечит стойкое функционирование в рамках действующих экологических стандартов;

2) *политика экологизации социальной сферы невозможна без решения вопросов занятости населения*, поскольку происходят изменения отраслевой структуры занятости; вскрывается дисбаланс спроса на рабочую силу разных профессий. Возникает необходимость, во-первых, создания максимального количества «зеленых» рабочих мест и подготовки квалифицированных работников, которые смогут занять эти новые рабочие места, и, во-вторых, поддержки пострадавших от «зеленого» перехода трудящихся, предоставления им возможности для профобучения и помощи в трудоустройстве. А как известно, чем выше уровень образования, тем доступнее достойный труд. Решение этих масштабных задач предполагает применение комплекса мер политического и социально-экономического характера, касающихся не только занятости, но и структурной

⁷ См.: Sharpe Samantha A., Martinez-Fernandez Cristina M. The Implications of Green Employment: Making a Just Transition in ASEAN. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/13/7389> (дата обращения: 10.03.2023).

перестройки экономики в целом, в том числе промышленности, энергетики, транспорта и других отраслей, а также системы социального обеспечения, профобразования и т.д. Как отмечает Е. В. Горбачева, «приоритетным направлением социальной политики является содействие развитию рациональной структуры занятости населения, повышение эффективности использования рабочей силы и ее качества; повышение реальных доходов как основного фактора улучшения качества жизни и формирования среднего класса в стране»⁸. Механизм «зеленого» экономического роста, включающий экологическую, экономическую и социальную составляющие, предполагает создание новых «зеленых» рабочих мест, что позволит компенсировать потери рабочих мест в традиционной экономике, особенно в сельском хозяйстве, строительстве, энергетике, лесном хозяйстве и транспорте⁹;

3) *необходимо продолжить работу по ликвидации рабочих мест с вредными и опасными условиями труда*. Несмотря на технологический прогресс, большое количество граждан продолжают трудиться на старом оборудовании, вследствие чего сохраняются случаи травматизма на производстве и приобретения профессиональных заболеваний. Как отметила И. Костевич, по состоянию на 1 мая 2022 г. в Республике Беларусь 746 тыс. человек работают во вредных и опасных условиях труда. Это 17 % занятых в экономике¹⁰. В каждой стране есть свой перечень вредных и опасных специальностей. В Республике Беларусь наиболее травмоопасными отраслями остаются обрабатывающая промышленность, строительство, транспорт и сельское хозяйство.

При оценке факторов производственной среды необходимо учитывать общее время неблагоприятного воздействия на человека. Компенсации по условиям труда в виде дополнительного отпуска за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, а также оплата труда в повышенном размере предоставляются работникам, если они заняты на работах с вредными и (или) опасными условиями труда в течение полного рабочего дня (не менее 80 % времени от общей продолжительности ежедневной работы (смены), установленной законодательством). Каждый человек, выбирая место работы, хочет, чтобы у него были надлежащие усло-

⁸ Горбачева Е. В. Условия труда как неотъемлемый элемент качества трудовой жизни // Научные труды республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2018. Вып. 17. С. 314.

⁹ См.: Андреева О. В., Чернобай О. С. Экологизация офисного пространства как одно из направлений корпоративной социальной ответственности // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. 2020. Т. 1, № 3. С. 137.

¹⁰ См.: Число работающих во вредных и опасных условиях труда в Беларуси с 2016 года сократилось на 20 %. URL: <https://www.belta.by/society/view/chislo-rabotajuschih-vo-vrednyh-i-opasnyh-uslovijah-truda-v-belarusi-s-2016-goda-sokratilos-na-20-499367-2022/> (дата обращения: 10.03.2023).

вия труда: достойная конкурентная заработная плата, уважительное отношение в коллективе, удобное и безопасное рабочее место.

Ответственность за создание условий, отвечающих требованиям охраны труда, возложена на руководителей организаций. Их задача – сделать всё необходимое, чтобы уберечь сотрудников от профзаболеваний и травм во время рабочего процесса. Согласимся с мнением С. Ю. Чучи о том, что «институтами охраны труда, социального страхования и социального партнерства трудовое право должно начинать системную экспансию на всякую возникающую новую форму организации человеческого труда»¹¹;

4) *экологическая политика, основанная на принципе социальной справедливости, подразумевает создание комплексной системы социальной защиты пострадавших от «зеленого» перехода работников.* Она включает такие направления, как доступное медицинское обслуживание, защита от безработицы и досрочный выход на пенсию для работников пожилого возраста, которые рискуют потерять работу из-за свертывания «вредных» производств. Меры социальной защиты должны распространяться также на трудящихся, которые частично или полностью теряют работу из-за природных катаклизмов, связанных с климатическими изменениями.

В центре внимания остается вопрос об участии женщин в «зеленом» переходе. Существующие проблемы гендерного неравенства в доступе к занятости, профессиональной подготовке и приобретению опыта работы будут влиять на доступ женщин к «зеленым» рабочим местам. Женщины могут столкнуться с дополнительными препятствиями или дискриминацией в условиях «зеленой» экономики. Для обеспечения женщинам равного с мужчинами доступа к «зеленым» рабочим местам необходима политика, учитывающая гендерные аспекты в области занятости и профподготовки. Экологизация рабочих мест дает возможность не только устранить существующие препятствия на пути к гендерному равенству в сфере труда, но и расширить сферы деятельности, в которых женщины смогут получить достойные рабочие места;

5) *заинтересованность нанимателей в соблюдении экологических норм.* Необходимо совершенствовать механизмы, позволяющие поддерживать нанимателей, желающих участвовать в процессе экологизации социальной сферы. Существует большое разнообразие стратегий и инструментов содействия соблюдению экологических требований и внедрению экологичной практики ведения бизнеса¹².

¹¹ Чуча С. Ю. Трансформация парадигмы трудового права в постиндустриальном информационном пространстве (Обзор междунар. науч.-практ. конф.) // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 229.

¹² См.: Экологизация малых и средних предприятий : пособие по инструментам природоохранной политики для стран Восточного партнерства ЕС. URL: <https://www.oecd.org/environment/outreach/Greening-SMEs-policy-manual-rus.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

Нормативные инструменты: упрощение нормативных требований для организаций путем введения стандартизированных разрешений или обязательных норм общего действия, а также других инициатив совершенствования регуляторной практики; установление нормативных стимулов к внедрению систем экологического менеджмента; продвижение в направлении отраслевых стратегий обеспечения соблюдения нормативных требований.

Информационные методы: прямое консультирование организаций или широкое распространение методических руководств по соблюдению требований и лучшей практики в печатном и электронном виде; введение отраслевых сертификатов, экологических маркировок и различных наград за заслуги в сфере охраны окружающей среды.

Экономические стимулы: гранты, льготные займы и налоговые льготы для предприятий, готовых идти дальше нормативных требований и инвестировать в экологичные технологии; стимулирование крупных организаций к оказанию давления на хозяйствующие субъекты по всей цепочке поставок и реализация этого подхода посредством введения экологических требований в процесс государственных закупок;

6) *поддержание тренда «активного долголетия»*. Трудовая сфера должна быть открыта для разных групп населения, что будет способствовать продлению активной производственной и творческой жизни. По статистическим данным на 1 октября 2022 г. в Республике Беларусь проживало 1 476 736 пожилых людей, что составляет примерно 16 % от общей численности населения¹³. Активное долголетие принято рассматривать как «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии»¹⁴. Для достижения позитивной динамики по данным показателям необходима консолидированная работа целого ряда ведомств, курирующих такие сегменты в жизни общества, как здоровье и финансовое благополучие пожилых граждан, их профессиональная занятость и включенность в социально значимую деятельность.

4 декабря 2020 г. была утверждена Национальная стратегия Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030»¹⁵. Целью Национальной

¹³ См.: Статобзор: как живут белорусы после 65 лет? URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/statobzor-kak-zhivut-belorusy-posle-65-let/> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁴ См.: *Ласлетт П.* Что такое Старость? Вариации во времени и между культурами / под ред. Г. Казелли и А. Лопес. Оксфорд, 1996. С. 7.

¹⁵ См.: О Национальной стратегии Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030»: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 декабря 2020 г. № 693 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

стратегии является создание условий для наиболее полной и эффективной реализации потенциала пожилых граждан, повышение качества их жизни. Одной из поставленных задач Национальной стратегии является стимулирование более продолжительной трудовой жизни, формирование комфортного уровня дохода пожилых граждан.

В Республике Беларусь на 4,5 млн работающих граждан приходится около 2,4 млн получателей пенсии. Так, при солидарной пенсионной системе меньше двух трудящихся обеспечивают доход одного пенсионера. Причем среди получателей пенсий есть действующие работники¹⁶. Происходит изменение модели потребления, поскольку пожилые люди стараются сокращать потребительские расходы, что оказывает влияние на цены товаров и услуг и темпы инфляции. Возрастают расходы на пенсионную систему, здравоохранение и социальную защиту, что в совокупности с сокращением базы начисления страховых взносов создает существенную нагрузку на бюджет страны¹⁷.

Трудовую активность следует рассматривать ключевой среди всех видов социальной активности, так как именно она обеспечивает человеку самостоятельный доход как важный элемент безопасности. В связи с этим современные наниматели стремятся работать по нескольким направлениям с этой категорией работников. Во-первых, развивать систему управления здоровьем персонала в связи с ростом продолжительности и качества жизни, чтобы максимально использовать человеческие ресурсы персонала компании. Во-вторых, помогать освоению новых профессиональных знаний с целью реализации потенциала ценных кадров, поскольку в цифровую эпоху значение образования и квалификации продолжает расти. Российский социолог Т. М. Кононыгина на основе анализа исследований в области социализации пожилых людей определяет значимость образования на этом этапе жизни следующим образом: «Участие в различных образовательных мероприятиях помогает пенсионерам находить пути выхода из различных жизненных затруднений, обрести адекватное понимание себя, других людей и общества в целом, найти новые ориентиры в быстро меняющейся современной жизни...»¹⁸.

Общество не может поддерживать достойный уровень жизни, когда значительно увеличивается процент людей, которые зависят от помощи других, и когда у таких людей ограничены возможности участия в экономике страны. Необходимо бороться со стереотипами, которые указыва-

¹⁶ См.: В Беларуси на 4,5 млн работающих приходится около 2,4 млн получателей пенсии. URL: <https://officelife.media/news/39758-v-belarusi-na-4-5-mln-rabotayushchikh-prikhoditsya-okolo-2-4-mln-pensionerov/> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁷ См.: Старение населения и его влияние на экономическое развитие. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/starenie-naseleniya/> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁸ Кононыгина Т. М. Герогоника: пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей. Орел, 2006. С. 10.

ют на определенные роли для разных этапов жизни человека, добиваться более свободных взглядов, допускающих активное участие людей всех возрастов в общественной жизни.

В заключении статьи отметим, что устойчивое общество должно быть социально справедливым, экологически безопасным и экономически эффективным. Материальной базой единения человека и природы должно стать дальнейшее развитие образования, науки и техники, формирование технологий, минимизирующих, а впоследствии ликвидирующих вредное воздействие человеческой деятельности на природу. Правовое же обеспечение процесса «озеленения» трудовых отношений в условиях экологизации социальной сферы необходимо осуществлять по шести вышеописанным направлениям, с целью обеспечения достойной жизни для всех.

Библиографический список

Андреева О. В. Экологизация офисного пространства как одно из направлений корпоративной социальной ответственности / О. В. Андреева, О. С. Чернобай // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 135–146.

Горбачева Е. В. Условия труда как неотъемлемый элемент качества трудовой жизни / Е. В. Горбачева // Научные труды республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – Минск, 2018. – Вып. 17.

Кононыгина Т. М. Герогогика: пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей / Т. М. Кононыгина. – Орел : Красная строка, 2006. – 166 с.

Ласлетт П. Что такое Старость? Вариации во времени и между культурами / П. Ласлетт ; под ред. Г. Казелли и А. Лопес. – Оксфорд : Издательство Оксфордского университета, 1996. – 128 с.

Овсиенко Ю. В. Экологизация институтов как решающий фактор устойчивого развития / Ю. В. Овсиенко, В. П. Русаков // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 10(175). – С. 23–30.

Семеко Г. В. Экологизация рынка труда в условиях перехода к «зеленой» экономике / Г. В. Семеко // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 1. – С. 148–170.

Чуча С. Ю. Трансформация парадигмы трудового права в постиндустриальном информационном пространстве (обзор междунар. науч.-практ. конф.) / С. Ю. Чуча // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 224–240.

Sharpe Samantha A. The Implications of Green Employment: Making a Just Transition in ASEAN / Samantha A. Sharpe, Cristina M. Martinez-Fernandez. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/13/7389> (дата обращения: 10.03.2023).

References

Andreeva O. V. Greening office space as one of the areas of corporate social responsibility / O. V. Andreeva, O. S. Chernobay // Social entrepreneurship and corporate social responsibility. – 2020. – Vol. 1, No. 3. – Pp. 135–146.

Chucha S. Yu. Transformation of the paradigm of labor law in the post-industrial information space (review of the international Scientific-practical conference) / S. Yu. Chucha // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – Vol. 17, No. 2. – Pp. 224–240.

Gorbacheva E. V. Working conditions as an integral element of the quality of working life / E. V. Gorbacheva // Scientific works of the Republican Institute of Higher School. Philosophical and humanities. – Minsk, 2018. – Issue 17.

Kononigina T. M. Gerogogy: a manual for those involved in the education of older people / T. M. Kononigina. – Orel : Red Line, 2006. – 166 p.

Laslett P. What is Old Age? Variations over time and between cultures / P. Laslett; ed. G. Caselli and A. Lopez. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 128 p.

Ovsienko Yu. V. Greening of institutions as a decisive factor in sustainable development / Yu. V. Ovsienko, V. P. Rusakov // Economic analysis: theory and practice. – 2010. – No. 10(175). – P. 23–30.

Semeko G. V. Greening the labor market in the context of the transition to a “green” economy / G. V. Semeko // Economic and social problems of Russia. – 2022. – No. 1. – Pp. 148–170.

Sharpe Samantha A. The Implications of Green Employment: Making a Just Transition in ASEAN / Samantha A. Sharpe, Cristina M. Martinez-Fernandez. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/13/7389> (date of access: 10.03.2023).

Для цитирования:

Солянкина Н. А. Выявление потребностей правового обеспечения процесса «озеленения» трудовых отношений в условиях экологизации социальной сферы // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 89–99.

Recommended citation:

Solyankina N. A. Identification of the needs of legal support for the process of “greening” labor relations in the context of the greening of the social sphere // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 89–99.

Сведения об авторе

Солянкина Надежда Алексеевна – старший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

E-mail: na_solyankina@mail.ru

Information about author

Solyankina Nadezhda Alekseevna – Senior Research Fellow of Civil, Environmental and Social Law Research Department of the National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus

E-mail: na_solyankina@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 349.6

ОБЗОР ВТОРОЙ ЕЖЕГОДНОЙ ОСЕННЕЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ «НОМО JURIDICUS: ИСТОКИ, ЭВОЛЮЦИЯ, НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» (2 НОЯБРЯ – 5 ДЕКАБРЯ 2023 г.) (Часть I)

В. А. Сиринько, Д. С. Шелестов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2024 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Второй международной научно-практической конференции «Достижения и проблемы юридической антропологии», состоявшейся на базе Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 10 ноября 2023 г., а также обзор мероприятий в рамках Форума молодых исследователей «Современное право: эволюция форм и проблемы применения» (21–23 ноября 2023 г.).

Ключевые слова: юридическая антропология, антропологические исследования, право Восточной Азии, историко-правовые исследования, право Республики Корея, категории юридической антропологии, искусственный интеллект, автоматизированные технологии, судебный прецедент, Legal Design, римское право.

THE REVIEW OF THE 2ND ANNUAL AUTUMN SCIENTIFIC SESSION “HOMO JURIDICUS: THE ORIGINS, EVOLUTION, NEW DIMENSION” (NOVEMBER 2 – DECEMBER 5, 2023) (Part I)

V. A. Sirinko, D. S. Shelestov

Voronezh State University

Abstract: the review presents abstracts of the reports of participants in the Second international scientific and practical conference “Achievements and problems of legal anthropology”, held at the Scientific and Educational Center for Legal Anthropology and Conflictology of the Faculty of Law of Voronezh State University on November 10, 2023, as well as the review of events within

© Сиринько В. А., Шелестов Д. С., 2023

the framework of the Forum of Young Researchers “Modern law: evolution of forms and problems of application” (November 21–23, 2023).

Key words: legal anthropology, anthropological studies, East Asian law, historical and legal studies, law of the Republic of Korea, categories of legal anthropology, artificial intelligence, automated technologies, judicial precedent, Legal Design, Roman law.

В период 2 ноября – 5 декабря 2023 г. в Воронежском государственном университете была проведена **Вторая ежегодная осенняя научная сессия «НОМО JURIDICUS: истоки, эволюция, новое измерение»**, организованная Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета и кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета.

Одними из основных событий Второй ежегодной осенней научной сессии стали Вторая международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Достижения и проблемы юридической антропологии» (10 ноября 2023 г.) и Форум молодых исследователей «Современное право: эволюция форм и проблемы применения» (21–23 ноября 2023 г.).

10 ноября 2023 г. на юридическом факультете ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», на базе дискуссионной площадки Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии «ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК», в рамках Второй ежегодной осенней научной сессии «НОМО JURIDICUS: истоки, эволюция, новое измерение» (2 ноября – 5 декабря 2023 г.) прошла **Вторая международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Достижения и проблемы юридической антропологии»**.

Открывая конференцию, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, профессор Махина Светлана Николаевна поблагодарила участников международной научной дискуссии за проявленный интерес к теме конференции и раскрыла некоторые проблемные аспекты структуризации предмета и системы юридической антропологии, указав, что, к сожалению, в настоящее время в научных кругах эти вопросы исследуются недостаточно глубоко и объемно. Становлению и развитию юридической антропологии будет способствовать работа постоянных дискуссионных площадок.

Открывая научную дискуссию, Поляков Андрей Васильевич, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, про-

фессор, раскрыл некоторые аспекты антропологического подхода к исследованию права.

Он отметил, что в научном сообществе интерес к юридической антропологии в последнее время резко усилился, более того, на базе Санкт-Петербургского государственного университета в настоящее время, на основе принципа междисциплинарности, создается Институт антропологии как общеуниверситетская структура, в работе которой будут участвовать представители всех институтов и факультетов, связанных с антропологией.

Андрей Васильевич отметил, что интерес к этой сфере научного знания возрос, в том числе после принятия Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Проблема общечеловеческих ценностей, ценностей в праве, связи права с традиционными, в том числе и духовно-нравственными, основами вполне может иметь антропологическое измерение. Интересен аспект о природе и составе перечисленных в указе Президента РФ традиционных ценностей. Чем определяется система традиционных ценностей? Существуют ли такие ценности, которые могут претендовать не просто на традиционность, но и на своего рода универсализм? Попытка ответить на эти вопросы как раз через антропологическую перспективу очень интересна и актуальна.

Докладчик упомянул, что в научном сообществе есть определенные гипотезы, научные построения, которые позволяют создать теорию связи права и традиционных ценностей. Естественно, усилий небольшой группы ученых для разработки этого научного направления недостаточно, в связи с чем Андрей Васильевич призвал коллег и всех интересующихся данной проблематикой в рамках юридической антропологии к обмену мнениями, идеями, концепциями, научными публикациями и дальнейшим дискуссиям.

Этно-культурные маркеры права у народов Восточной Азии (на примере традиционного маньчжурского и монгольского права) стали предметом доклада ассоциированного научного сотрудника Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, доктора исторических наук, доктора политических наук, доцента Дудина Павла Николаевича.

Он отметил, что зачастую исследователям, которые регулярно погружаются в различного рода тексты, не хватает визуализации, это касается и права. Правовые системы, правовые семьи обладают признаком территориальности, что обусловило его интерес, в рамках междисциплинарного научного исследования, совместно с коллегами историками и географами, к изучению и объяснению процессов в области права, протекаю-

щих на Дальнем Востоке и в странах Восточной Азии с использованием инструментов, которые непривычны для гуманитарных наук.

Павел Николаевич представил участникам конференции уникальные карты главы русской дипломатической миссии в Урге И. Я. Коростовца, военного министра Омского правительства В. И. Сурина, которые он вместе с группой ученых визуализирует, обеспечивая доступ к ним посредством современных ресурсов, например, через создание ГИС-системы.

Поскольку право имеет территориальную привязку, то важной задачей является объяснить закономерности его формирования и с точки зрения его цивилизационных особенностей, и с точки зрения территориальной привязки к конкретным местностям. Такой подход зачастую несколько противоречит современным концепциям о праве, которые были сформулированы в 60-е гг. такими известными исследователями, как К. Цвайгерт, Х. Кётц, пытавшимися универсифицировать право, подобрать ему универсальные классификаторы, что применимо к западным моделям, но, к сожалению, при более глубоком изучении не работает с восточными.

Докладчик озвучил гипотезу, согласно которой право как один из знаковых маркеров цивилизационной идентичности требует специальных инструментов познания (методологии и категориального аппарата) для различных народов, способных к формированию цивилизаций, не исключая при этом применения юридической компаративистики. Следовательно, государственные и правовые институты соседних стран, но различной цивилизационной идентичности могут нести различные смыслы и не обязательно должны быть похожи друг на друга.

Так, выдающийся юрист-исследователь Джон Генри Вигмор в 1928 г. выпустил труд «Панорама правовых систем мира» (*Panorama of the world's legal systems*), где свел все ранее существовавшие и современные ему правовые системы к 16 основным: египетской, месопотамской, иудейской, китайской, индусской, греческой, римской, японской, мусульманской, кельтской, славянской, германской, морской, церковной, романистской, англиканской. Приемы и методы, которые были им предложены, с современной точки зрения, на фоне происходящей регионализации, причем не только международных отношений, но и регионализации права, приобретают определенную актуальность.

Так, в современном китайском хозяйственном праве очень четко прослеживается преемственность правовых предписаний. Несмотря на бытующее мнение, что хозяйственное право современной Китайской народной республики – это наследие советской эпохи, необходимо констатировать, что определенные правовые институты и явления наблюдались там до возникновения римского права и всей западноевропейской цивилизации. Более того, это касается не только права, но и государственных институтов, которые в своей основе воспроизводят контуры мно-

готысячелетней имперской традиции и системы. Такая же ситуация наблюдается в японском, корейском и вьетнамском векторе.

Вместе с тем на монгольском сегменте ситуация «спотыкается», и монгольские традиционно-государственные и правовые институты выпадают из системы дальневосточной правовой семьи, так как там не унаследовали конфуцианскую традицию, а формировали право совершенно самостоятельно.

Павел Николаевич отметил, что задача, которую коллектив исследователей сегодня перед собой ставит, – внимательное изучение памятников и источников права и попытка найти точки соприкосновения, объяснить соотношение норм имперского внутреннего (цинского), имперского периферийного для Монголии, монгольского обычного и национального права эпохи Богдо-хана, что существенно приблизит к решению проблемы по корректировке имеющихся представлений о правовых семьях путем выделения так называемой правовой семьи восточно-азиатских цивилизаций, в которой гораздо больше сегментов, чем могло бы показаться. Так, в этой правовой семье можно структурировать два основных уровня. Макроуровень – это историко-географическая общность, т.е. близость различных народов, которая диктует соответствующую правовую реальность. Микроуровень – это историко-культурная или историко-духовная общность. В основе своей духовности китайская и монгольская цивилизации различны, вместе с тем, с точки зрения регулирования тех или иных отношений, имеет место быть определенное совпадение. Случайность ли это или тот фактор, который позволяет объединить эти цивилизационные группы в единую правовую унификацию, – вопрос, на который еще предстоит ответить.

Продолжил конференцию Пашенцев Дмитрий Алексеевич – заведующий кафедрой теории, истории и философии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, который озвучил свое мнение по поводу антропологического измерения современных историко-правовых исследований.

Он отметил, что конец XX в. ознаменован антропологическим поворотом в науке (что было вызвано успехами прежде всего физики, других связанных с ней наук), который постепенно, в XXI в. добрался и до такой консервативной науки, как юриспруденция. В связи с этим сегодня мы все чаще говорим о том, что субъект права является центром правовой системы, потому что именно благодаря повседневным действиям субъекта по реализации правовых норм, возложенных на него правомочий и осуществляется конструирование правовой системы. Правовую систему современные исследователи понимают не как статичную совокупность элементов, но как результат повседневной деятельности людей, и

если она остановится, то не будет ни государства, ни общества, ни права, поскольку они существуют только тогда, когда реализуются в повседневной деятельности субъектов. Вот почему антропологический фактор приобретает решающее значение.

Историко-правовая наука за время своего существования достаточно хорошо изучила многие памятники права, нормы в их исторической ретроспективе, формирование многих правовых институтов и т.д. Но возникает вопрос, насколько все это соотносится с той реальной исторической действительностью, которая существовала в прошлой, ушедшей от нас эпохе.

Докладчик предположил, что по прошествии двухсот лет, когда историки права будут изучать современную нам историческую эпоху, если они будут рассматривать ее исключительно как совокупность норм законодательства, то у них сложится неверное представление о реальности, которая существует в нашей жизни. То же самое применимо и к современным историко-правовым исследованиям. Именно поэтому акцент в таких исследованиях должен смещаться с изучения норм и институтов права на изучение правового поведения субъектов и их правосознание. В центре анализа должен быть человек прошлого, с присущими ему взглядами, детерминантами, которые определяли его правосознание, как рациональными, так и иррациональными, интуицией, мифологией, религиозными верованиями, т.е. полная совокупность факторов, которая определяла мышление и поведение человека в правовом пространстве. Здесь возникает сложный вопрос о наличии достаточного количества источников для составления адекватного представления о правовом поведении человека и его правосознании в прошлом.

Кроме того, необходимо учитывать еще один очень важный фактор. История – это не то, что было в прошлом, а то, что мы думаем о том, что было в прошлом. Мы сами пишем историю. В этом отношении на историков права ложится очень ответственная задача: конструировать историю права таким образом, чтобы она действительно была достойна тех целей и задач, которые стоят перед обществом на современном этапе развития.

Автор отметил, что задача полного воссоздания моделей правового поведения человека с его правосознанием, особенно в отдаленные исторические периоды, очень трудно решается, однако мы вынуждены приближаться к ее решению. В связи с этим звучат разные предложения, например, интересны опыты с нейросетями, которые некоторые исследователи пытаются использовать для этой цели. Вместе с тем необходимо понимать, что, обучив нейросеть, наделив ее знаниями об определенной исторической эпохе, чтобы она смоделировала поведение правового человека в определенный исторический период, мы сталкиваемся с обостренным риском, связанным с тем, что, когда у нейросети не хватает

какой-то информации, чтобы дать релевантный ответ на поставленную задачу, она занимается обманом, придумывает какие-то вещи, которых в реальности, в исторической действительности не было. Таким образом, даже если мы сможем построить таким способом модель правового человека прошлого, остается без ответа вопрос, насколько она будет адекватной, не столкнемся ли мы с обманом со стороны искусственного интеллекта, вплоть до того, что не сможем даже распознать его, т.е. будет создана очередная иллюзия.

Еще один аспект для размышления: не вступает ли в противоречие с принципом антропоцентризма привлечение технологии искусственного интеллекта с опорой на его выводы в познании исторической ретроспективы.

Резюмируя, докладчик еще раз подчеркнул, что акцент в историко-правовых исследованиях в настоящее время должен смещаться с изучения норм и институтов права на человека, его место в праве в конкретную историческую эпоху, правовое поведение личности, которое и формировало правовую реальность в конкретный исторический период.

Костогрызов Павел Игоревич – старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат исторических наук озвучил проблемы, связанные с формированием категориального аппарата юридической антропологии.

Он отметил, что для любого научного направления язык является важнейшим средством интеграции исследовательских усилий. Наличие общепризнанного понятийного аппарата – это признак зрелой сформировавшейся науки, а терминологический разнобой, неоднозначность используемых категорий характерны для молодых становящихся дисциплин.

Юридическая антропология в России находится в стадии становления, или лучше сказать, восстановления после довольно плачевного состояния, в котором она пребывала в советский период. К сожалению, нет единства в понимании предмета науки, структуры, терминологии.

Поскольку юридико-антропологические исследования междисциплинарны, т.е. сочетают методы нескольких наук, ведутся учеными разных специальностей, каждая из которых обладает собственным научным языком, существует еще и проблема переводимости знания с языка одной дисциплины на язык другой. Поэтому выработка однозначно понимаемого и принимаемого всеми участниками научного сообщества категориального аппарата является одной из насущных задач. Для ее выполнения необходима, прежде всего, рефлексия исследователями используемых понятий, их обсуждение, формирование своего рода терминологических конвенций, устанавливающих консенсус в понимании и употреблении основных терминов. Разумеется, такая работа ведется, но недостаточно интенсивно. Пока разговор идет, скорее, в режиме моно-

лога, нежели диалога. То есть, каждый исследователь выстраивает свой понятийный аппарат, никак не рефлексируя наработки своих коллег, не вступая с ними в дискуссию.

Обращаясь к опыту в вопросе формирования категориального аппарата юридической антропологии англоязычных коллег, следует отметить, что эта работа ведется продуктивнее. В качестве примера можно привести концепты из социологии и социоанализа Пьера Бурдьё: «юридическое поле», «юридический капитал», «правовой плюрализм» и т.д., которые широко применяются, в том числе в антрополого-юридических исследованиях, получили вполне однозначную трактовку и активно эксплуатируются учеными. В русскоязычной науке есть понятие «правосознание», практически неупотребляемое в англоязычной литературе. Из относительно новых терминологических находок отечественной юридической антропологии можно назвать категорию «правовой среды», которая появилась в конце 90-х гг. и разрабатывалась О. А. Пучковым, а затем К. Е. Сигаловым.

Преимущественным объектом научного интереса для юридической антропологии всегда были и остаются, особенно в полевых исследованиях, аспекты правового бытия человека, особенно те, которые не связаны непосредственно с деятельностью государства. Отвечая на вопрос, какое право изучает юридическая антропология, чаще всего отвечают – обычное право. Понятие «обычное право» было введено юристами в XVIII–XIX вв. и являлось порождением немецкой исторической школы права Ф. К. Савиньи и Г. Ф. Пухты.

Восходит же оно к римскому праву, в котором была классифицирована система источников права, среди которых выделялся обычай. Из этого понятия обычай как источника права и развилась впоследствии концепция обычного права как системы права, существовавшего в догосударственных обществах и ранних государствах.

Вместе с тем многочисленные исследования юридического бытия самых разных обществ, начиная с XIX в., показали, что системы права, в которой единственным источником был бы обычай, не существует и, по всей видимости, никогда не существовало. Известный американский антрополог Э. А. Хобель в книге «Право первобытного человека» (1954) показал несостоятельность мнения, что догосударственное право было исключительно обычным правом. По его мнению, это могло бы быть верно для статичного общества, но таких обществ никогда не существовало. Каждое общество подвержено изменениям, поэтому только обычаями оно руководствоваться не может. Указанных воззрений придерживались и другие исследователи.

Нерелевантность понятия «обычное право» для юридико-антропологического исследования негосударственных правовых систем осозна-

ется учеными довольно давно. Об этом свидетельствуют поиски других терминов на замену ему, которые ведутся как минимум с 70-х гг. Предлагались такие варианты, как народное или фольклорное право, неофициальное право, этническое право, аборигенное право, право коренных народов и т.д.

По мнению Павла Игоревича, наиболее фундаментальной и содержательной является классификация права не по источникам, а по типу общественных институтов, которые осуществляют правотворчество и правоприменение и обеспечивают общую обязательность правовых норм. По этому критерию можно выделить международное, государственное, церковное право и т.д., в зависимости от того, какой социальный институт создает и обеспечивает право. В традиционном обществе эти функции выполняла община, в догосударственный период – исключительно самостоятельно, а позднее – параллельно с государством, разделяя эту функцию с государственными органами. Поэтому докладчик полагает, что для обозначения негосударственного права традиционного общества, а также тех правовых порядков, которые существуют в современных социумах, параллельно с официальным правом, наиболее релевантен термин «общинное право». С одной стороны, он указывает на самый существенный признак правопорядка этого типа (установлен общиной и поддерживается силами ее институтов), а с другой стороны, позволяет отграничить общинное право от других типов негосударственного права, например, корпоративного, церковного и т.д.

Большинство правовых споров в традиционных обществах разрешалось внутри организованных по территориальному принципу человеческих коллективов, т.е. общин, без обращения к государственным органам. Государство со своей стороны, вопреки редукционистским представлениям позитивистов, далеко не сразу после своего появления на исторической сцене признавало и санкционировало нормы общинного права и брало его применение на себя. То есть государственное санкционирование не является неперенным и обязательным признаком права. На протяжении всей истории доиндустриального общества сохранялась ситуация правового плюрализма, когда наряду с государственным правопорядком продолжали функционировать и правопорядки, создаваемые и поддерживаемые общинами. Во многих развивающихся странах такое положение дел сохраняется и в наши дни. Собственно этими негосударственными правопорядками по преимуществу и занимается юридическая антропология.

Таким образом, общинное право – это нормативный институциональный порядок, определяющий взаимные отношения людей в общине, общеобязательность которого обеспечивается общиной самостоятельно, без участия государства.

Другое важное понятие для антропологии права, связанное с предыдущим, – это общинное правосудие. Оно активно используется в зарубежной науке, но в работах на русском языке встречается крайне редко. Исследования по юридической антропологии чаще всего сосредотачиваются на материальном праве изучаемых сообществ, т.е. изучаются институты права, ответственность, договоры, брачно-семейные отношения, их правовое регулирование и т.д. Гораздо меньше внимания уделяется социальным механизмам правоприменения, а именно какие органы и каким образом применяют нормы права и делают их общеобязательными, ведь правовые нормы, в отличие от законов природы, действуют не непосредственно, а осуществляются сознательными действиями людей, объединенных в социальные организации, которые составляют важную часть правового бытия, а значит, являются предметом изучения юридической антропологии. С точки зрения Павла Игоревича, общинное правосудие – это система институтов и процедур, обеспечивающая разрешение правовых споров в соответствии с принципом справедливости в рамках определенной общины силами самой общины.

Заместитель заведующего кафедрой философии и социологии, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских наук Беляев Максим Александрович раскрыл проблематику субъекта юридической деятельности в эпоху перманентных технологических инноваций.

Докладчик отметил, что любая технология имеет некоторое антропологическое значение. Во-первых, она позволяет автоматизировать новую разновидность действий. Автоматизированные действия выпадают из сферы сознательного внимания, так, что сначала мы можем позволить себе не думать о них, а потом мы просто не можем думать о них. Это два разных состояния ума, наше внимание переключается на что-то другое безвозвратно. Таким образом, растет сфера технологического бессознательного, т.е. тех реальных связей, которые не охвачены ничьим сознанием, ничьей рефлексией.

Во-вторых, никакие автоматизированные процессы не бывают совершенными. Отсюда возникает потребность в тех субъектах, людях, которые могли бы исправлять эти конкретные несовершенства. Поскольку профессионалы, принадлежащие прежней технологической волне, не всегда могут стать такими специалистами, возникают новые запросы, расслоения и преференции на рынке труда, соответственно, и возможность сформировать новые компетенции, что в свою очередь влияет на сознание человека.

Изменившиеся отношения между субъектами порождают некие новые ожидания в поведении, схемы взаимного признания, новую этику,

нормативность и вообще новую культуру. Новая культура замедляет одни процессы, в том числе технологические, и ускоряет другие, отфильтровывает то, что стоит на пути стремительного потока инновации. В этом смысле мы видим абсолютно замкнутое, во многом спиралеобразное взаимодействие технологии и культуры.

Так, в сфере юридических услуг, традиционная иерархия юридических функций размывается, становится более гибкой и больше ориентирована на экономическую эффективность. Использование автоматизированных решений, чат-ботов, других продуктивных юридических услуг все более расширяется, задачи юриста становятся многопрофильными и доля того, что традиционно считалось юридической работой, переходит к помощникам юристов, аналитикам данных, операционным экспертам, специалистам в программировании и т.д. То есть профессиональные юристы в результате усиления этой тенденции становятся ощущаемым меньшинством.

Вторая тенденция состоит в том, что работа юридических фирм уже сейчас организуется и будет организована впредь по проектной схеме и протекает в так называемой продуктовой логике. Деятельность юриста заключена в рамки пространства и времени с точки зрения некоего результата. Это, конечно, влияет на запросы потребителей, делает их опыт взаимодействия с юристами более персонализированным, откуда возникают новые стандарты делового взаимодействия.

Третья тенденция, которую прогнозируют крупные аналитики, состоит в том, что корпоративные технологии размывают грань между собственно-юридическими и не-юридическими обеспечивающими информационными технологиями. Таким образом, монопрофильные поставщики технологий будут поглощены поставщиками технологических сетей. Это тоже влияет на мышление, на самосознание специалистов.

Наконец, юридические процессы, не являющиеся строго индивидуальными, т.е. не вписывающиеся в потребности заказчика, могут быть автоматизированы и доступны для самообслуживания благодаря онлайн-платформам, которые способны к информационной интеграции с другими системами. Таким образом право начнет циркулировать внутри неких экосистем.

Соответственно, искусственный интеллект, предиктивные алгоритмы, технологии блокчейн, дополненной реальности, облачные вычисления, онлайн-разрешение споров, чат-боты – всё это влияет на работу специалистов в области права и трансформирует их сознание.

Здесь, уточнил Максим Александрович, юридическая антропология смыкается с футурологией, что неизбежно, но не страшно. Так, в книге двух итальянских авторов Маурицио Феррариса и Гвидо Саракко «Технософия» с подзаголовком «Технология и гуманизм с точки зрения новой на-

уки» изложено пророчество философов: сеть прекратит свое существование через секунду после исчезновения человечества, а потому зависит от него во всех отношениях, как вирусы от живых существ. Человек никогда не был так важен, как сегодня. Никогда еще не было так много реально-го в том, что ошибочно называют веком виртуального. Никогда так, как в эпоху искусственного интеллекта, не осознавалось, насколько необходим естественный интеллект для наделения человека целью и смыслом. И не потому, что естественный интеллект обладает духом, превосходящим машинный расчет, а потому, что у него есть тело, организм со своими сроками и смертностью. У компьютера нет тела, он не может умереть. Его можно отремонтировать и начать работать снова. Он не испытывает давления голода, перспективы необратимого конца, поэтому он никогда не сможет культивировать мечты о власти, чтобы компенсировать свой страх.

Купцова Ольга Борисовна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент, изложила свое исследование на тему: «Антропологические основания судебного прецедента толкования в правовой системе России».

В правовой системе Российской Федерации судебный прецедент не является источником права, однако похожие правовые явления, такие как постановления Пленума Верховного суда РФ, постановления Конституционного суда, в ряде случаев – некоторые определения Конституционного суда РФ, можно назвать судебным прецедентом толкования. Иногда в научной литературе используется наименование «судебный прецедент» в кавычках, иногда без, но достаточно большое количество ученых признают, что эти акты очень похожи на судебные прецеденты.

Анализируя судебный прецедент в российской правовой системе, докладчица избрала два направления. Во-первых, это анализ источников права, характерных для определенной правовой системы, в частности англо-американского права, из которого пришли, модернизировались, получили определенное место в правовой системе России и достаточно эффективно функционируют судебные прецеденты.

Второй аспект, который затронул автор, – это осмысление правовой реальности, в том числе анализируемых юридических документов, с точки зрения антропологического понимания человекоцентризма в современной юридической антропологии.

Так, что касается источников права англо-американской правовой семьи, то при принятии решений органами государственной власти в этих странах более широк уровень правоприменительного усмотрения по сравнению с возможностью принятия решений в российской правовой системе. Не следует забывать о том, что среди источников англосаксонского права в качестве самостоятельного источника нередко выделя-

ется «разум». Однако ни в учебной, ни в научной юридической литературе нет конкретного определения данного источника права, его можно попробовать трактовать по аналогии с российскими принципами добросовестности, справедливости, хотя эта категория гораздо сложнее. Кроме того, следует отметить разнообразие видов судебных прецедентов, например, прецеденты толкования, прецеденты, конкретизирующие стату-ты или законы, восполняющие пробелы в праве, прецеденты, комментирующие, конкретизирующие положения нормативного характера. Ольга Борисовна отметила, что указанная тенденция развития вариативности этих актов официального толкования в нашей правовой действительности применяться, скорее всего, не будет.

На развитие судебных прецедентов толкования в России влияет также определение характера нормативного значения, который содержится непосредственно в этих разъяснениях. По этому вопросу есть две позиции. Одни ученые считают, что все разъяснения актов высших органов государственной власти, постановления Пленума Верховного суда, актов Конституционного суда в большей степени все-таки похожи на нормы права.

Другие исследователи позиции, которой придерживается автор, полагают, что правила, положения, которые могут быть даже юридическими дефинициями и формулируются в актах официального толкования, являются правоположениями. Это положения нормативного характера, которые не являются нормами права, но имеют нормативное значение, т.е. предназначены для неоднократного использования различными категориями неопределенного круга лиц и выработаны в результате анализа судебной практики.

Еще один аспект, высказанный докладчицей, – это необходимость найти грань между достаточно высоким уровнем обязательности положений, которые содержатся в российских судебных прецедентах толкования, и тенденциями все большего отступления от принципа *stare decisis*, т.е. обязательности судебного прецедента, для нижестоящих судебных органов в англо-американской правовой семье.

Недостаточно прослеживается и взаимосвязь между разъяснениями, которые дают высшие судебные органы, и последующими изменениями действующего законодательства. Зачастую в разъяснении высшего органа государственной власти сформулировано определенное понятие, которое позволяет более точно, четко интерпретировать и понимать какую-то норму права, содержащуюся в нормативном правовом акте. Ольга Борисовна полагает, что должна быть четкая корреляция. Если дефиниция или правовая категория сформулирована в акте официального толкования, то необходимо, чтобы она находила отражение и в действующих правовых предписаниях, не обязательно на законодательном, но, возможно, на подзаконном уровне. Через интерпретационные акты высших судеб-

ных органов должно реализовываться совершенствование законодательства, в чем, по большому счету, будет отражаться человекоцентристское понимание принятия государственных решений.

Антропологические аспекты налогового правотворчества подняла в своем докладе Карасева Марина Валентиновна – заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана по международному сотрудничеству, заслуженный работник высшей школы России.

Она указала, что в сфере налогообложения, в налоговой системе, налогоплательщик – физическое лицо чувствует себя достаточно некомфортно, что связано с необходимостью уплаты налогов, которые зачастую являются бременем для него. С антропологической точки зрения, исходя из анализа современного законодательства, научных работ, представляется, что законодатель уже осознал эту тенденцию и нацелен на поиск баланса интересов налогоплательщика и государства.

Между государством и налогоплательщиком существует антагонистически неустрашимое противоречие. Интересы налогоплательщика и государства крайне противоположны: налогоплательщик хочет получить доход и использовать его на собственные нужды, а государство предлагает, чтобы налогоплательщик часть заработанного отдал на какие-то необозримые, неосязаемые среднестатистическим гражданином публичные нужды. Зачастую со стороны физических лиц происходит уклонение от уплаты налогов, а государство как следствие – не доверяет налогоплательщику.

Проблема доверия в праве сегодня обсуждается в общетеоретическом аспекте в рамках гражданского права, уголовного права, в то же время в налоговом, финансовом праве как научной отрасли в целом этот аспект практически не затрагивается.

Государство не доверяет налогоплательщику, оно его контролирует, кроме того, нормативно-правовая база, регулирующая эту сферу общественных отношений, со временем только увеличивается. В налоговом законодательстве есть норма, указывающая, что любые сомнения и неясности законодательства о налогах и сборах должны трактоваться в пользу налогоплательщика. Однако на практике складывается противоположная ситуация, судьи понимают, что такое индивидуальное толкование приведет к тому, что бюджет не дополучит определенные средства, а это уже проблема не столько налогоплательщика, сколько государства. Кроме того, законодатель регулирует налоговое отношение методом властных предписаний, который является самым жестким во всех отраслях, у гражданина нет свободы усмотрения, возможности договориться. Приобретая, продавая по своему желанию имущество в гражданском правоотношении, он должен сразу мыслить в публично-правом порядке,

просматривать налоговые последствия своей сделки. Между тем, зачастую граждане не разбираются в налоговом регулировании, определенные последствия становятся для них неожиданностью. Поэтому категория доверия в праве в сфере налогообложения, к сожалению, не работает.

Марина Валентиновна отметила, что сегодня стало очевидно: в сфере налогообложения нормативное регулирование должно быть еще и этическим. Этика в праве ранее рассматривалась и применялась в уголовном, гражданском процессе, а в налоговом праве этичность как категория редко была предметом исследования ученых и практиков. Так, например, в советское время, устанавливая налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, государство принимало во внимание только свои интересы в восстановлении количества населения, не задумываясь о том, что этот налог не этичен. Вместе с тем право иметь или не иметь детей является личным, интимным делом каждого человека, более того, репродуктивные права вообще не могут быть никак ограничены.

Законодатель должен понимать, что сфера налогообложения – это сфера обременения физического лица, принудительного взыскания, ограничения возможностей, поэтому нормативное регулирование должно иметь явную антропологическую характеристику и направленность.

Павлов Вадим Иванович – профессор кафедры конституционного и международного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент, в рамках своего доклада на тему: «Современная антропология права в контексте направления “Legal Design”: сравнительный анализ и методологические возможности взаимодействия», отметил, что в настоящее время правовая действительность характеризуется появлением так называемого высокотехнологического права.

В сферу юридической значимости проникают такие явления, как цифровизация, цифровые технологии, юридический дизайн. В большей степени указанные тенденции, а также техника дизайн-мышления, появившаяся с 2010-х гг. и активно используемая в мировой практике, связаны с идеей ориентации юридической деятельности на человека.

Юридический дизайн понимается как правая форма, которая связана с попыткой предоставления населению возможности удобно, доступно, на понятном языке, без использования специальной юридической терминологии изложить нормативный материал или правовую информацию.

Речь идет о сочетании трех компонентов: дизайн, юридические технологии и юриспруденция с ее классическим понятийным категориальным аппаратом и средствами, которые традиционно используются для правового регулирования.

С позиции антропологии права, юридический дизайн – это определенная идеология права и в то же время методика, применяемая в пра-

вовом регулировании на основе синтеза дизайнерского мышления в праве и цифровых технологий.

Без цифровых технологий было бы сложно начать применять дизайнерское мышление в правовом регулировании, достаточно было того, что предлагала нам традиционная юридическая техника.

Целью “Legal Design” является придание творческого характера юридически значимым решениям с использованием нового инструментария в рамках формально-правовых границ.

Базовым принципом является дизайнерское мышление в праве, с целью сделать его наиболее привлекательным для человека. Дизайн – это перенос в юриспруденцию культуры дизайн-мышления, а также практики исследования юридических потребностей людей и методики ориентированного на человека проектирования правовых решений.

Методологическая операция, которая применяется, – это сопровождение, а иногда и замена теоретического, когнитивного акцента в доведении юридически значимого материала, основанного обычно на чтении текстов правовых актов, их интерпретации и уяснении смысла, на визуальный, образно-графический, схематический. Для донесения правового смысла используются разнообразные технологии, в том числе из теории маркетинга, айдентики, брендинга, которые адаптируются к юридическому материалу.

Несмотря на точку зрения некоторых авторов, что юридический дизайн не содержит новых идей, докладчик сформулировал ряд новаций, привнесенных этим направлением в юриспруденцию.

Во-первых, дизайн направлен на эмпатизацию в отношении юридического материала, его визуализацию и упрощение формализации для доведения этой информации до субъектов права. Во-вторых, дизайн ориентирован не на традиционную, институциональную структуру права, а на его смысловые формы, акценты, которые в конкретной социальной среде являются наиболее значимыми для населения, группы граждан или народа. В-третьих, для дизайна характерна хабитуализация (опривычивание) – направленность юридических решений, процессов на создание атмосферы повседневной естественности восприятия юридически значимых актов.

Что касается связи антропологии и юридического дизайна, Вадим Иванович отметил, что эти научные знания объединяет прежде всего то обстоятельство, что юридический язык направлен на человеческое сознание, т.е. на человека (человекомерность). “Legal Design” делает акцент на разработку модели человека в праве, практики правового существования личности (анализ изменения правового сознания, общества потребления), презумпцию недостаточности осуществления традиционной функции доведения юридической информации путем официально-опубликования нормативно-правовых актов, активное воздействие на

правовое сознание и культуру личности, антрополого-ориентированное правовое воздействие.

Таким образом, инструменты юридического дизайна, несмотря на то, что они основаны на дизайнерском мышлении и идеях технической эстетики, связаны с моделью человека в праве и имеют антрополого-правовое значение. Эти механизмы оказывают формирующее воздействие на правовое сознание человека, процесс его правовой субъективации и поведение лица в правовой действительности.

“Legal Design” напрямую связан с легитимностью права, он не должен использоваться как обман, манипуляция, а наоборот, должен усиливать действенность права. Дизайн обеспечивает коммуникативный канал между представлением о праве у населения и самим правом, а также практикой его осуществления, обеспечивая таким образом правовую идентичность правопорядка, связывая его с личностно-правовыми идентичностями отдельных субъектов права.

Борисов Андрей Маркович, доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, кандидат исторических наук, выступил с докладом на тему «Юридическая антропология: отправные теоретические начала».

Андрей Маркович акцентировал внимание на разнице понятий «антропология права» и «юридическая антропология», отметил важность методологических начал для развития юридической антропологии в рамках теории права. Им был предложен критический анализ отдельных гипотез и теорий, сформулированных одним из основоположников юридической антропологии, французским профессором Норбером Руланом.

Докладчик отметил, что формирование новых отраслей знаний на стыке различных наук – это объективный процесс познания. Однако формальная гносеология допускает такие методологические инновации, которые позволяют раздвинуть границу знания в том или ином направлении, определяют известные пределы в создании отправных положений исследований.

Норбер Рулан вывел юридическую антропологию на уровень научного обсуждения, и методология в этом контексте очень важна. В рамках первого ограничения Рулан подчеркивал универсальность антропологических подходов, состоящих в признании человека биологическим и социальным существом. Он признавал, что медленные процессы очеловечивания привели к формированию первичного опыта социальной жизни, на основе которого наши предки строили модели поведения и создавали средства, позволяющие соблюдать эти установки.

Гипотетический контур предмета юридической антропологии, согласно этому автору, охватывает речевой строй, жизненные навыки, формы представительства, которые каждое общество считает основополагаю-

щими для своего функционирования и воспроизводства. В этом можно усмотреть связи со специфическими предметами таких наук, как филология, лингвистика, собственно право, история права.

Второй аспект отграничения предмета юридической антропологии Н. Рулан связывает с социальной природой человека и требованием изучать человека во всем его многообразии, его правосознании, его мотивации поведения, реакции на все изменения окружающей социальной жизни. Данный подход предполагает включение в предмет юридической антропологии также философии, истории, культурологии, лингвистики, психологии, социологии, экономики, этнографии и других дисциплин, но прежде всего теории права, истории политических и правовых учений, криминологии, криминалистики, социологии права, сравнительного правоведения, судебной психиатрии, юридической психологии, при условии их сведения к правосознанию личному или общественному, к формам его проявления.

А. М. Борисов высказал сомнения в обоснованности тезиса Н. Рулана о том, что юридическая антропология своим теоретическим развитием больше обязана социальной антропологии, указав на то, что доклады, прозвучавшие в рамках данной конференции, это опровергают.

Далее докладчик обратился к произведению «Борьба за право» Рудольфа Иеринга, который утверждал, что в представлении о праве заключается два противоположных понятия: «мир» и «борьба». Рудольф Иеринг писал: «До тех пор, пока право будет подвергаться нападению со стороны неправа, а это будет продолжаться, пока существует мир, оно не будет избавлено от необходимости борьбы».

Жизнь права есть борьба народов, правительств, сословий, индивидуумов. Важно понять, в каких формах и по каким направлениям развивается эта борьба. Докладчик обратил внимание на высказывание Р. Иеринга о том, что право есть непрерывная работа не только государственной власти, но и всего народа.

Первый вывод – право есть средство, ресурс которого человек должен научиться использовать и уметь использовать, применять, как лично (это борьба за субъективное право), так и в составе социальной игры (борьба за объективное право).

Второй вывод состоит в том, что главным вопросом юридической антропологии становится вопрос о качестве правовой жизни. В связи с этим важное значение имеет явление, которое Р. Иеринг называет «психологическим источником права». Кроме философских, социальных, социологических, психологических аспектов, ученый выделяет нравственный аспект, утверждая, что право есть необходимое условие нравственной жизни личности. Р. Иеринг рассуждает о справедливости и несправедливости, равнодушии, трусости при отказе от борьбы

за права, честности, эгоизме, мужестве, решительности, связывая эти понятия с развитым нормально или болезненно не нормально правовым чувством. Завершает труд Р. Иеринга тезис об этике, которая не отрицает борьбы за право.

Доклад профессора Павла Николаевича Бирюкова, заведующего кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктора юридических наук, почетного работника сферы высшего образования, был озаглавлен как «Искусственный интеллект – субъект права?».

Профессор П. Н. Бирюков предложил обобщенную характеристику термина «искусственный интеллект», определил сферы применения технологии искусственного интеллекта (далее также – ИИ), отметил перспективы их развития и положительные аспекты внедрения и использования ИИ в бытовой и хозяйственной деятельности. Итогом рассуждения стал тезис о том, что применение ИИ влечет за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношений. В связи с этим профессор сформулировал ряд вопросов:

- Насколько ИИ может ограничивать права человека?
- Сколько прав у самого ИИ? Он – субъект права или пока нет?

Отвечая на первый вопрос, автор высказал мнение, что ИИ уже ограничивает права человека, далее это будет только нарастать. В качестве аргументации докладчик предложил ряд примеров ограничения ИИ прав человека.

Неприкосновенность частной жизни. Все электронные устройства, в которых использованы технологии ИИ, накапливают информацию, как минимум о своих владельцах, и передают ее «куда следует», несмотря на то, что согласие на сбор и обработку данной информации владельцы «умных устройств», как правило, не дают.

Право на осуществление судопроизводства людьми (право на «человеческое правосудие»). В мире уже функционируют системы «цифрового правосудия» в таких странах, как Китай, США, Нидерланды и др. В настоящее время расширяется перечень дел, который рассматривается программами с ИИ. В России также ведется работа над более широким внедрением технологий ИИ в сферу гражданского судопроизводства, привлечением к административной ответственности, расчетом коммунальных платежей, пеней и штрафов. Кроме того, развиваются системы «предсказанного правосудия», которые активно и давно используются в практике зарубежных стран. Профессор отметил, что «предсказанное правосудие» позволяет избрать наиболее правильный способ защиты, выбрать более релевантные аргументы, оценить предполагаемую сумму компенсации и т.д., также оно может предвидеть итог спора и оценить шансы на успех будущего процесса. Таким образом, речь идет об инструментах, которые

позволяют спрогнозировать будущий судебный акт по делу. Однако для использования ИИ в контексте «предсказанного правосудия» необходимы четкое структурирование юридической информации и оцифровка исходных материалов, содержащих фабулу дела.

В настоящее время эффективность зарубежных программ «предсказанного правосудия» около 95 % и эта цифра постоянно растет. Развитие этой системы будет этапом на пути к цифровому правосудию, которое активно развивается за рубежом. В качестве примера автор привел дело гражданина США Э. Лумиса в штате Висконсин, в рамках которого в качестве доказательств полицией и прокурором были использованы данные, полученные с применением программы COMPAS.

Более подробно докладчик остановился на опыте КНР. Так, по данным автора, в Китае уже пять лет действуют три специализированных интернет-суда, которые онлайн рассматривают отдельные категории дел. В 2018 г. Верховный суд КНР опубликовал судебную практику по некоторым вопросам, касающимся рассмотрения дел интернет-судами, в которой Верховный суд КНР дает положительную оценку накопленного опыта работы интернет-судов. Итогом стал запуск системы «Умный суд» (Smart Court) по уголовным судам. Верховный суд КНР требует, чтобы судья по каждому уголовному делу консультировался с программой заранее. Если судья не согласен с проектом приговора, вынесенного программой, он должен представить письменные возражения. В этом случае трое судей проверяют проект приговора «Умного суда».

В 2021 г. в КНР была создана и запущена программа «умного прокурора», которая на основании изучения доказательств и материалов дела выносит обвинительное заключение, что по отдельным данным совпадает с результатом, вынесенным человеком, до 97 %. Данная программа пока применяется лишь по ряду категорий уголовных дел.

Профессор сделал вывод, что при должной регламентации вполне можно передать рассмотрение части уголовных дел искусственному интеллекту, разгрузив суды от рутинной работы, снизив коррупционные риски. При этом контроль для предотвращения ошибок должен будет осуществлять человек.

Следующей проблемой, по мнению докладчика, является нарушение искусственным интеллектом права на свободу передвижения. В качестве примеров автор привел практику, сложившуюся в период коронавирусных ограничений. В частности, ограничения на посещение определенных общественных мест без QR-кода, без маски, без прививки и т.д.

Право на обращение в государственные и муниципальные органы и юридические лица также трансформируется. Так, в некоторых местах всё чаще встречаются боты, которые помогают определить и сформулировать суть обращения, берут на себя функцию определения конкретного

специалиста, компетентного для рассмотрения поступившего обращения, осуществляют первичную обработку обращений.

ИИ окажет влияние на систему занятости, а как следствие будет ограничивать право людей на труд.

Свобода вероисповедания также будет подвергнута трансформации.

Нарушение равенства и правил конкуренции. Очевидно, что крупные компании имеют больше возможностей для внедрения технологий ИИ, тем самым получая конкурентные преимущества. Программы ИИ будут оптимизировать расходы крупных компаний, что позволит монополизировать рынок и согласовывать маркетинговую политику.

Таким образом, государство всё чаще передает функции управления и правосудия программам искусственного интеллекта, что влечет необходимость внесения изменений в законодательство. Можно принять руководящие этические рамки для проектирования, производства и использования продукции с ИИ, кодекс поведения инженеров-робототехников, кодекс этики органов, лицензирующих продажу продукции с ИИ.

Второй проблемой, по мнению докладчика, является то, что чем больше автономных роботов, тем меньше искусственный интеллект можно считать простым инструментом в руках субъектов права (производителя, оператора, владельца, пользователя и т.д.). Это, в свою очередь, ставит под сомнение достаточность обычных правил об ответственности. Пока ни международное, ни национальное право еще не признают искусственный интеллект субъектом права, он не может нести ответственность за ущерб, причиненный продукцией с искусственным интеллектом. Однако ничто не мешает наделить его качеством субъекта права, применив юридическую фикцию, аналогичную той, что используется для определения правосубъектности юридического лица. Вместе с тем идет постепенное накопление нормативного материала. Особенно это актуально для наиболее сложных роботов, которые оперируют объектами критической инфраструктуры или оружием. Они вполне могут иметь «особые права и обязанности», когда принимают «автономные решения». В этом случае ИИ мог бы получить статус, например, «электронной личности» (e-Person). Потенциальный ущерб, вызванный продукцией с ИИ, может быть покрыт за счет средств, полученных от ее эксплуатации. Можно определить, чтобы «электронная личность» имела правовое положение, сходное со статусом коммерческой организации, что создаст особые права и юридические обязанности для агентов ИИ и не направлено на то, чтобы предоставить роботам права человека.

В качестве решения отдельных юридических проблем, связанных с ИИ, профессор предложил следующее. Во-первых, разработать понятие «лица с искусственным интеллектом» как особого вида имущества. Во-вторых, ввести единый реестр лиц с искусственным интеллектом, с ре-

гистрацией договоров в отношении прав на них. В-третьих, учредить саморегулируемую организацию (СРО) владельцев лиц с искусственным интеллектом. В-четвертых, разработать положение договора по передаче прав на лица с искусственным интеллектом (об отчуждении, аренде и др.). Кроме того, необходимо вменить действия лиц с искусственным интеллектом их собственникам либо признать ограниченную дееспособность лиц с искусственным интеллектом. Целесообразно ввести институт представительства лиц с искусственным интеллектом в судах и госорганах их владельцам, внесенным в реестр. Также можно признать продукцию с искусственным интеллектом объектом повышенной опасности, с ответственностью независимо от вины и ввести страхование ответственности указанных лиц.

Павел Николаевич обратил внимание на прошедший 1–2 ноября 2023 г. на территории усадьбы Блетчли-Парк в пригороде английского города Милтон-Кинс первый международный саммит по безопасному применению искусственного интеллекта, а также на подписанную 28 странами итоговую Декларацию. Он сделал акцент на отдельных положениях этого документа, в частности, на том, что страны должны сосредоточиться на «определении вызывающих обеспокоенность рисков в области безопасности ИИ и разработке общего научного и основанного на доказательствах понимания этих рисков». Кроме того, стороны намерены сотрудничать друг с другом при разработке национальных стратегий в отношении ИИ, признавая, что «эти подходы могут различаться». Подписанты также высказались за прозрачность разработок ИИ, осуществляемых представителями частного сектора, и заявили о своем намерении сотрудничать друг с другом по вопросам ИИ, поощрять международные исследовательские проекты в этой области.

Также докладчик обратил внимание на инициативу Генерального секретаря ООН по учреждению Консультативного органа высокого уровня по ИИ, который будет заниматься вопросами рисков, возможностей и международного управления искусственным интеллектом.

Итоговым выводом доклада стал тезис о весьма скором формировании статуса ИИ как субъекта права и, как следствие, о необходимости изучения зарубежного и международного опыта по исследованию ИИ и совершенствованию российской стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Доклад Сорокиной Юлии Владимировны – профессора кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктора юридических наук, был посвящен теме «Национальные особенности в правовой системе Республики Корея».

Профессор Ю. В. Сорокина обратила внимание на то, что Республика Корея, как и все восточноазиатские страны, относится к традиционному, точнее, к посттрадиционному типу государств. В начале XX в. страна постепенно открывалась западным достижениям и соответствующему образу жизни, но и в современный период традиции являются мощным регулятором общественных отношений, а конфуцианство прочно утвердилось в обществе.

Корея представляет собой демократию с сильной государственной властью. Очень сильна роль государства в руководстве экономикой и обществом, одновременно имеют место работающие институты демократии, заложенные американской администрацией. В Корее присутствуют реально конкурентные выборы, многопартийность, определенный контроль общества за государственной властью. В частности, в 2017 г. под давлением общества президент Пак Кын Хе была отстранена от должности и осуждена.

Правовая система Республики Корея испытывает сильное влияние конфуцианской идеологии. Как и во всем обществе, в правовых принципах Кореи имеет место патернализм, коллективизм, человек поставлен на службу коллективу, обязанности преобладают над правами, действует установка о превосходстве морали над правом и, как следствие этого, приоритет неформальных институтов примирения над судебным разбирательством. При этом Южная Корея относится к романо-германской правовой семье, хотя присутствуют элементы американского права.

Обращаясь к характеристике гражданского и уголовного права Республики Корея, профессор отметила, что в целях регулирования гражданских и семейных отношений действует Гражданский кодекс Республики Корея – ГК РК и Торговый кодекс РК, т.е. право кодифицировано. Для гражданского права Южной Кореи свойственно органическое и естественное сочетание обычного и государственного права. Части четвертая и пятая ГК РК посвящены семейному и наследственному праву. Нормы семейного права претерпевали существенные изменения, первые из них появились в 1961 г., потом в 1977, 1989, 2005 гг. Они вносились под влиянием женских движений и были направлены на расширение имущественных прав женщин. В период японской оккупации были введены такие институты, как семейный регистр и глава семьи. Первый представляет собой определение порядка отношений членов семьи. Главой семьи являлся старший мужчина. Статус и положение каждого члена семьи устанавливаются исходя из отношений к главе семьи. Так, при отсутствии главы, семья не признавалась социальной единицей. Всё это было японской традицией, установившейся в конце VIII в. До японской оккупации у корейцев существовало нечто, подобное регистрационной книге, где указывались члены семьи, а сами книги велись в целях налогообложения. Глава семьи тоже существовал, но в регистрационной книге не был упомянут. То есть закрепление в ГК РК семейного регистра было насле-

дием японской оккупации. В 1960 г. началась борьба за отмену этого института, и в 2007 г. он был отменен.

Изменения в ГК РК коснулись равного раздела имущества между супругами при расторжении брака, причем это же правило применяется к незарегистрированным парам. Было устранено неравное наследование по отношению к дочерям и сыновьям, вводилась обязательная часть, которую получали все наследники первой очереди. Изменения коснулись и права опеки над детьми. Женщины в этой сфере получили равные права с мужчинами.

До изменений в ГК в Корее существовал запрет на брак лиц с одинаковыми фамилиями, поскольку предполагалось, что они состоят в определенной степени родства, а родственные браки были запрещены. После внесения поправок это правило отменялось. Что касается детей, то им традиционно присваивалась фамилия отца, притом что жена фамилию не меняла. Этот запрет был снят, а дети получили право менять свою фамилию.

Продолжая рассуждения о роли семьи в южнокорейском обществе, Юлия Владимировна обратила внимание на огромную роль в экономике страны компаний, возглавляемых чеболями. Чеболь – это финансовые и промышленные группы, конгломераты, находящиеся в собственности определенных семей и действующие под единым административным и финансовым контролем. Такие компании стали возникать после Корейской войны 1950–1953 гг. К чеболям относится Hyundai, Daewoo, Lotte, Samsung. Здесь основными держателями акций являются семьи.

В Корее остается сильна конфуцианская идеология, что нашло отражение в Уголовном кодексе. Например, п. 1 ст. 250 УК РК закрепляет простое, неквалифицированное убийство. Но п. 2 этой статьи предусматривает убийство родственников по восходящей линии или супруга. Это расценивается как квалифицированное убийство. В наказании разница невелика: и за простое, и за квалифицированное убийство предусмотрен срок лишения свободы от пяти лет до пожизненного заключения, но за убийство родственников по восходящей линии и супруга добавляются принудительные работы сроком до семи лет.

Говоря о наказаниях, докладчик отметила, что смертная казнь в Южной Корее существует, однако приговоры не приводятся в исполнение с 1998 г. В реальности такие приговоры выносятся крайне редко – не более двух раз в год. Осужденные на смертную казнь находятся в бессрочном ожидании.

Таким образом, Республика Корея – это стремительно развивающаяся страна, которая уверенно смотрит в будущее, но одновременно не порывает со своим прошлым. Право здесь приобретает все большее и большее значение, отражая не только актуальные запросы, но и оберегая традиции. Без сомнения, правовая система Южной Кореи будет в дальнейшем только совершенствоваться.

В докладе Алексеевой Татьяны Анатольевны – профессора факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктора юридических наук, освещалась тема «Человек в римском праве».

В начале своего выступления Татьяна Анатольевна охарактеризовала римское право как бесконечность, целый мир, у которого нет границ. В этом мире римского права о человеке можно говорить достаточно много и долго, но докладчик предложил остановиться только на двух небольших сюжетах и обратиться в связи с этим к работам известного цивилиста, романиста Иосифа Алексеевича Покровского (1868–1920). В частности, к исследованиям, в которых отстаивалась необходимость защиты преподавания римского права и появление которых было обусловлено возникшей в 1900 г. в Германии мощной дискуссией о целесообразности данной учебной дисциплины в связи с принятием нового законодательства. Озабоченный этими идеями, Иосиф Алексеевич Покровский написал две статьи.

В контексте рассуждений о человеке в мире римского права Т. А. Алексеева обратила внимание на две идеи, которые присутствуют в этих статьях.

Первая – тема человека и народа. Сквозь призму публичного права И. А. Покровский связывал причину побед римлян с осознанием римскими гражданами своих прав, гордостью за них. Идентификация римлянином себя как личности, наделенной правами, активно участвующей во всех сферах жизни, включая коммерческий оборот и судопроизводство, была важным фактором государственности.

С другой стороны, личность – это часть римского народа, понимание этой гармонии дает нам объяснение многих сюжетов из римского права, включая частноправовой.

Второй аспект, который волнует И. А. Покровского в его исследованиях, связан с человеком, который изучает римское право. В связи с этим он рассуждает о том, как надо в университете преподавать гражданское право сквозь призму римского права. В своей статье Покровский выступает с критикой преподавания гражданского права. Определяя цели преподавания, Иосиф Алексеевич отмечает необходимость не только формировать навыки правоприменителя, законодателя, но в большей степени – научить студентов судить законы, право, для чего юрист должен понимать принципы права, осознавать, что было до того, как появились действующие нормы. Только так можно воспитать «господина своего права».

И. А. Покровский призывает к междисциплинарному изучению римского права, а также выделяет три ступени в изучении гражданского права. Ступень первая – это история гражданского права. Вторая – изучение общей теории гражданского права. Третья ступень – политика гражданского права, или гражданская политика.

Весьма интересно его отношение к тому, как относиться к изучению юридической практики. Он, конечно же, призывает, чтобы теория снизошла со своих высот до потребностей практики, но при этом говорит, что только этого явно недостаточно.

В завершение конференции заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ВГУ, доктор юридических наук, профессор Светлана Николаевна Махина поблагодарила организаторов мероприятия, особенно выделив вклад Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, а также всех участников научной сессии, отметив высокий научно-исследовательский уровень докладов.

Форум молодых исследователей «Современное право: эволюция форм и проблемы применения» (21–23 ноября 2023 г.) проходил на юридическом факультете Воронежского государственного университета на протяжении трех дней и включил в себя несколько интересных мероприятий различного формата с участием бакалавров, специалистов, магистрантов, аспирантов, соискателей, а также практикующих юристов.

Первый день форума был открыт **заседанием круглого стола магистрантов, аспирантов и соискателей «Правовая защита в XXI веке: вызовы и формы их преодоления» (21 ноября 2023 г.)**. Приглашенными спикерами круглого стола стали представители Адвокатской палаты Воронежской области – председатель Совета молодых адвокатов АПВО Олеся Алимкина, член Совета молодых адвокатов АПВО Юлия Шмыглева, член Квалификационной комиссии АПВО Инна Сухорукова. Модератором круглого стола выступила доцент кафедры теории и истории государства и права ВГУ, кандидат юридических наук Н. В. Малиновская.

Формат круглого стола включал обсуждение широкого круга вопросов, среди которых проблемы современной уголовной защиты, осуществляемой адвокатом, процессуальные особенности и риски, связанные с участием адвоката в гражданском и арбитражном процессе, а также ряд иных вопросов юридической науки и практики.

Инна Сухорукова обратила внимание на возможное недобросовестное поведение стороны в гражданском процессе и способы борьбы с ним. Она отметила, что недобросовестность – явление, связанное со злоупотреблением правом, квалификация которого в процессе всегда отличалась сложностью. Многое в данном случае зависит от позиции судьи, но и адвокат также должен активно отстаивать интересы своего доверителя.

Юлия Шмыглева подробно проанализировала природу и практическое применение правовых презумпций на примере дел о несостоятельности (банкротстве). Она указала, что презумпция действует только при условии, если она не опровергнута. В противном случае ссылаться на нее уже нельзя и в действие вступают другие правовые механизмы.

В ходе дискуссии представители воронежской адвокатуры ответили на целый ряд вопросов, связанных с деятельностью Адвокатской палаты Воронежской области и особенностями адвокатской практики. Речь шла об адвокатской монополии, профессиональных рисках адвоката, особенностях привлечения к дисциплинарной ответственности, роли и функциях Совета молодых адвокатов.

Второй день Форума был продолжен **мастер-классом «Человек юридический (homo juridicus) и искусственный интеллект: сотрудничество или соперничество» (22 ноября 2023 г.)**, на котором главным приглашенным спикером стал юрист, специалист по поддержке инновационных форм бизнеса COO OF POSITRACE (Global Fleet Management Inc.), Canada, British Columbia Александр Юрьевич Мазалов. Модераторами мероприятия выступили доцент В. А. Сиринько и доцент Д. С. Шелестов. В ходе мероприятия слушатели смогли узнать о многих особенностях правового регулирования проблем интеллектуальной собственности и авторских прав на музыкальные произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта.

Участники дискурса получили уникальную информацию о практических аспектах деятельности юриста, обеспечивающего правовое сопровождение компаний, разрабатывающих продукты с использованием технологий искусственного интеллекта за рубежом, а также обсудили проблемные вопросы признания авторского права на произведения нейросети в зарубежных странах и России. В частности, были затронуты проблемы авторства музыкальной продукции, созданной с использованием нейросети, выявления (установления) факта использования технологий искусственного интеллекта при создании музыкальных произведений, иные проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в бытовую и хозяйственную деятельность.

Завершением форума стали **дебаты на тему «Субъект права в цифровом измерении: проблемы и преимущества» (23 ноября 2023 г.)** с участием студентов-бакалавров и магистрантов юридического факультета ВГУ. Участники предложили целый ряд аргументов и контраргументов по вопросам защиты персональных данных, использования криптовалюты и искусственного интеллекта в юридической деятельности. Дебаты прошли при активном участии зрительской аудитории и профессорско-преподавательского состава кафедры теории и истории государства и права ВГУ (доцента Н. В. Малиновской, доцента И. С. Завьяловой, преподавателя А. А. Калугиной, преподавателя Н. А. Лавренова).

По итогам мероприятий форума было решено продолжить научное сотрудничество и взаимодействие в сфере цифровизации юридической деятельности между правоведами и практикующими юристами.

Для цитирования:

Сиринько В. А., Шелестов Д. С. Обзор Ежегодной осенней научной сессии «HOMO JURIDICUS: истоки, эволюция, новое измерение» (2 ноября – 5 декабря 2023 г.) (Часть I) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 100–127.

Recommended citation:

Sirinko V. A., Shelestov D. S. The review of the 2nd Annual Autumn Scientific Session “HOMO JURIDICUS: the origins, evolution, new dimension” (November 2 – December 5, 2023) (Part I) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 100–127.

Сведения об авторах

Сиринько Валерия Александровна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vallsi@mail.ru

Шелестов Дмитрий Станиславович – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: shelestovds2014@yandex.ru

Information about authors

Sirinko Valeriya Aleksandrovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: vallsi@mail.ru

Shelestov Dmitriy Stanislavovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: shelestovds2014@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ПРАВА:
РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
Н. И. МАЛЫШЕВОЙ, П. В. ТРОЩИНСКОГО
«ПРАВО КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ»**

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2023 г.

Аннотация: в рецензии представлен общий анализ содержания учебного пособия Н. И. Малышевой, П. В. Трощинского «Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект», изданного в 2022 г. на базе Санкт-Петербургского государственного университета. Автор отмечает уникальность представленной в пособии информации, неизвестной широкому кругу читателей в связи с лингвистическим барьером, а также подчеркивает практическую пользу представленных в пособии материалов для всех, заинтересованных в исследовании проблем китайского права.

Ключевые слова: китайское право, правовая традиция, правовая система КНР, правотворчество, Гонконг, Макао, Тайвань.

**THE PECULIARITIES OF CHINESE LAW:
REVIEW OF THE TEXTBOOK
BY N. I. MALYSHEVA, P. V. TROSHCHINSKY
“LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA:
THEORETICAL AND LEGAL ASPECT”**

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the review presents a general analysis of the content of the textbook by N. I. Malysheva, P. V. Troshchinsky “The Law of the People's Republic of China: Theoretical and Legal Aspect”, published in 2022 on the basis of St. Petersburg State University. The author notes the uniqueness of the information presented in the textbook, unknown to a wide range of readers due to the linguistic barrier, and also emphasizes the practical usefulness of the materials presented in the textbook for everyone interested in studying the problems of Chinese law.

Key words: Chinese law, legal tradition, legal system of the PRC, lawmaking, Hong Kong, Macau, Taiwan.

Право Китайской Народной Республики последовательно вызывает интерес со стороны отечественных правоведов, который лишь возрастает со временем. Это обусловлено расширяющимися торговыми, инвестиционными связями между Россией и Китаем, которые закономерно порождают целый ряд юридических вопросов, начиная от правового сопровождения сделок, деловых переговоров и завершая разрешением возникающих споров.

В то же время, несмотря на довольно длительную историю экономического и политического взаимодействия, китайская культура, особенности мировоззрения китайских бизнес-партнеров остаются не только для российских граждан, но и отечественных юристов, берущихся за сопровождение сделок с китайской стороной, во многом непонятными и чуждыми. Принципы функционирования и разрешения юридических конфликтов в Китае также, как правило, остаются неясными для российской стороны.

Между тем, в последние десятилетия китайское право стало развиваться довольно активно. Был принят целый ряд нормативных правовых актов, которые успешно регулируют даже такое прогрессивное и сложное направление, как отношения в цифровой среде. Однако для подлинного понимания китайского права, особенностей взаимодействия с китайскими партнерами по бизнесу и мотивов их поведения необходим глубокий анализ основ регулирования общественных отношений в Китае, ряд из которых складывался веками и имеет особый философско-политический контекст. Именно такое фундаментальное теоретико-правовое осмысление права КНР дается в учебном пособии Н. И. Малышевой и П. В. Трощинского.

Формат учебных пособий нередко воспринимается в научной среде как некое упрощенное и даже схематичное изложение материала, однако это справедливо далеко не для всех изданий подобного рода. Пособие, написанное Н. И. Малышевой и П. В. Трощинским, содержит информацию весьма широкого, подчас – даже уникального характера, которая в то же время обстоятельно и логично структурирована и изложена в доступной для понимания форме по отношению к читателям самых разных уровней подготовки. Ценность данного пособия заключается в том, что это первое развернутое и затрагивающее основные формы и направления развития китайского права издание в российской юридической науке. Оно отличается комплексным аналитическим подходом не только к системе китайского законодательства, но и тому, что лежит в основе механизма его реализации, – китайскому правосознанию и правовой культуре.

Современные российские правоведы (А. В. Поляков, Д. А. Пашенцев, И. Л. Честнов¹) давно обращают внимание на необходимость проведения

¹ См.: Честнов И. Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1; Поляков А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Права человека: вопросы теории и истории / под ред. Д. И. Луковской. СПб., 2004.

антропологических исследований права. Учебное пособие Н. И. Малышевой и П. В. Трощинского, безусловно, вносит значительный вклад в развитие исследований подобного рода, поскольку затрагивает культурологические основы формирования права КНР, способствуя тем самым лучшему пониманию механизмов его действия в условиях современности. Правильно понять и выстроить конструктивные взаимоотношения с китайскими контрагентами практически невозможно без понимания их «картины права», равно как и «картины мира». Недостаточным будет и чисто инструментальный подход к изучению китайского языка в этих же целях. Особенностью китайского менталитета является образное, символическое мышление. За каждым иероглифом, как и за каждым действием китайских контрагентов, скрывается многоуровневый пласт ценностей и смыслов. Н. И. Малышева и П. В. Трощинский раскрывают этот культурологический контекст, а потому созданный ими труд носит далеко не только учебный, но – научный, проблематический характер и будет интересен всем, кто занимается научными исследованиями в сфере китайского права или хочет получить о нем общее, целостное представление.

Учебное пособие включает в себя 11 глав, каждая из которых посвящена различным сферам правового регулирования и организации системы государственной власти КНР. Авторы неслучайно начинают объяснение особенностей правового регулирования с характеристики китайской юридической науки, особенностей понимания права в Китае, специфики правосознания и правовой культуры китайского общества. Тем самым они подчеркивают, что к изучению китайского права нельзя подходить лишь формально-юридически: оценивать действующие нормы необходимо через социокультурный контекст их возникновения и восприятия на практике².

Показательным моментом для развития китайской юридической науки, описываемым в первой главе, является факт разделения ее эволюции на два абсолютно неравновесных по продолжительности и продуктивности периода – до 1949 г. (создания КНР) и после него по настоящее время. Само по себе такое разделение научных представлений уже закладывает некое противопоставление в характере научных знаний двух периодов и подчеркивает значимость второго периода, который и формирует концепцию «китайской специфики» в сфере государственного управления и права. Второй этап развития китайского права как бы поглощает собой все (весьма разносторонние) достижения этапа первого: и идейное противостояние нескольких философско-правовых школ, и закрепление идеологического доминирования конфуцианства на условиях неукоснительного соблюдения закона, и нарастающее влияние на китайскую правовую систему европейского и американского права. Авторы подчеркивают значи-

² См.: Трощинский П. В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. Серия: Право. 2016. № 3.

тельный вклад в развитие китайской юридической науки советских правоведов, наследие которых до сих пор глубоко уважают в Китае.

Рассматривая концепции понимания права в КНР, авторы справедливо замечают, что основанные на западной правовой традиции идеи правопонимания (а таковых большинство в современной юридической науке) нельзя применить к изучению китайского права «по умолчанию», «автоматически». Это во многом обусловлено доминирующим в Китае пониманием права как формы общественного сознания с неотъемлемой моральной оценкой происходящего. Такой подход к восприятию права был заложен учением Конфуция, в котором право и мораль как социальные регуляторы противопоставлялись друг другу с выраженным возвышением роли моральных норм в жизни общества. Характерно, что даже возникшей сразу вслед за конфуцианством и абсолютно противоположной ему по идеям школе легистов не удалось полностью изжить конфуцианскую идеологию: китайское общество поглотило оба философских направления и переработало их в специфический синтез, подобно тому, как необходимо синтезируются в космологической сфере инь и ян (женское и мужское, темное и светлое начала). В 1982 г. на XVII съезде Коммунистической партии Китая была провозглашена установка построения социализма «с китайской спецификой», которая вновь обособила характеристики развития государства и права в Китае.

Спецификой китайского правосознания, рассматриваемого в третьей главе, во многом выступает присутствие в нем конфуцианских идей, практика деятельности в соответствии с ними, даже когда они официально отрицались или игнорировались на высшем государственном уровне. При этом понять китайский менталитет невозможно из доктринальных объяснений, поскольку таковые практически отсутствуют в юридической науке. Для его понимания авторы пособия предлагают следовать образной системе мышления самих китайцев, проследить которую можно по сюжетам наиболее известных китайских романов. Именно в них предстают описания идей справедливости, позора и бесчестья, допустимого и недопустимого поведения.

Четвертой главой пособия открывается характеристика китайского государства, которая тоже выглядит весьма неоднозначной. В первую очередь, это касается формы территориального устройства Китайской Народной Республики, которая, будучи унитарным государством, имеет территориальные единицы с особым статусом – ОАР (особые административные районы – Гонконг и Макао). В связи с этим в Китае даже официально была провозглашена концепция «одно государство – две системы», которая вызывает ряд дискуссий и практических проблем ее применения.

Глава пятая содержит подробную характеристику государственного аппарата КНР, включая Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП), Председателя КНР, Государственный совет КНР, Централь-

ный военный совет, Государственный контрольный комитет, народный суд и народную прокуратуру. Авторы подчеркивают особую роль в системе государственного управления Постоянного комитета ВСНП, который обладает внушительным объемом полномочий, включая толкование Конституции КНР, принятие большинства законов, назначение на высшие государственные должности. При этом прозрачность процедуры избрания членов ПК ВСНП отсутствует.

Авторы обращают внимание также на отсутствие конкретики правового статуса и функций в механизме государства Председателя КНР и Генерального секретаря ЦК КПК. С 1993 г. эти должности замещает одно и то же лицо, являясь фактическим главой государства.

В пособии наглядно продемонстрировано, как на особенности функционирования государственного механизма КНР накладывает отпечаток сложившаяся система социалистического типа, в которой даже народные суды (специализированные требования к профессионализму которых были введены лишь после 2000 г.) поставлены под негласный контроль правящей Коммунистической партии Китая. Китайская доктрина активно поддерживает идеологию, согласно которой «работа народных судов должна осуществляться под контролем КПК»³.

Систему источников права КНР в главе шестой авторы анализируют с формальных и фактических позиций, отмечая расхождение между ними. Так, согласно принятому в 2000 г. в КНР закону «О правотворчестве» источниками права здесь выступают принятые в официальном порядке нормативные правовые акты ВСНП или ПК ВСНП, подзаконные акты Государственного совета КНР, местное законодательство и правила (подзаконные нормативные правовые акты). Различные партийные документы, разъяснения, директивы Коммунистической партии Китая к числу источников права официально не относятся. Однако авторы подчеркивают, что фактически действительный смысл и механизм применения многих норм права в КНР невозможно понять правильно без учета партийных документов. Во многих случаях применение законов и даже статей Конституции КНР определяют высказывания Генерального секретаря КПК и различные партийные директивы. В 2018 г. среди принятых ВСНП поправок к Конституции КНР было внесение имени Си Цзиньпина и его идей в Преамбулу Конституции, а из статьи 79 было исключено положение об ограничении пребывания в должности Председателя КНР и его заместителя двумя сроками подряд. В связи с этим авторы делают обоснованный вывод о формировании концепции несменяемости власти в Китае.

Специфику праву КНР добавляет наличие в Особом административном районе КНР Гонконге прецедентной системы, сохранившейся со вре-

³ Янь Шэнхуа. Структура правительства Китая. Тяньцзинь, 2002. С. 70.

мен британского господства и включающей идеи общего права и права справедливости.

В главе седьмой учебного пособия представлен анализ проблем соотношения системы права и системы законодательства КНР. Авторы справедливо отмечают, что в системе китайского права наиболее развитыми являются именно отрасли публичного права, которые последовательно формировались на основе законодательных норм. Общеизвестно, что наиболее древние китайские законы – законы уголовные, подробно регламентирующие различные виды наказаний за правонарушения в самых разных сферах. Частноправовое начало практически незаметно в своем развитии в Китае, главным образом потому, что не принимались соответствующие законодательные нормы. Частноправовое регулирование строилось с применением аналогии норм публичных. Тем не менее с начала проведения «политики реформ и открытости» в Китае гражданско-правовое регулирование стало развиваться на законодательном уровне. Особым событием стало принятие в 2021 г. Гражданского кодекса КНР⁴.

Главы восьмая и девятая учебного пособия посвящены, соответственно, материальному и процессуальному праву современного Китая. В восьмой главе представлен общий анализ конституционного, уголовного, административного, трудового, гражданского, военного, экологического и энергетического права КНР. В девятой главе проанализирован характер развития четырех отраслей процессуального права – гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального, уголовно-процессуального и административно-процессуального права.

В десятой главе формулируются основные идеи китайских правоведов относительно института юридической ответственности, которые близки российскому его пониманию. В том числе подчеркивается недопустимость привлечения к ответственности исключительно по мотивам «социалистической целесообразности», как это было в более ранний период социалистической государственности Китая. Общая концепция юридической ответственности во многом основана на уголовно-правовом регулировании, в котором допускается привлечение к уголовной ответственности, в том числе и юридических лиц. Институт административной ответственности в Китае долгие годы развивался на основе близости к уголовно-правовым идеям, в частности, в вопросах конкретных мер наказания.

В завершение теоретической части учебного пособия, в главе одиннадцатой, авторы подробно останавливаются на общей характеристике правовой системы Китая. Такой подход, после логически последовательного изложения основных элементов правовой системы, позволяет сделать обоснованные выводы и сформировать у читателя завершенное

⁴ См.: Трошинский П. В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4.

представление о специфике китайского права. В данном случае авторы останавливаются именно на характеристике современной правовой системы КНР, которую следует рассматривать, начиная с 1949 г. С этого момента и по настоящее время правовая система КНР проходит в своем развитии пять периодов, что является внушительным числом для немногим более чем семидесятилетней истории нового Китая. Принимаются четыре Конституции, неоднократно пересматриваются концепции политической системы, государственного управления и правотворчества.

Современный период развития правовой системы Китая, начавшийся с 2011 г., характеризуется активной правотворческой деятельностью, на фоне которой, безусловно, особенно ярко выделяется принятие Гражданского кодекса КНР. Показательным моментом также является внесение изменений в Закон КНР «О правотворчестве» в 2015 г., впервые за 15 предшествующих лет. Основным фокусом для китайского законодателя становится формирование нормативной базы регулирования цифровой экономики и информационной безопасности. Намечается явная тенденция либерализации в области уголовных наказаний, снижается число составов преступлений, караемых смертной казнью, вводятся послабления в сфере государственного демографического контроля.

Отдельно в главе одиннадцатой анализируются особенности китайской концепции «одно государство – две системы», авторы приводят и объясняют специфику правового регулирования в Гонконге и Макао как особых административных районах КНР, а также останавливаются на характеристике правовой системы провинции Тайвань.

Практическая польза учебного пособия заключена в его приложениях, в числе которых не только рекомендованная литература и примеры интересных практических заданий, но и перевод текста Закона КНР «О правотворчестве», а также внушительный перечень действующих нормативных актов КНР с разделением по отраслевой специфике и указанием их наименований на русском и китайском языках, что несомненно окажет большое содействие исследователям, заинтересованным в разработке проблематики формирования и развития китайского права.

Библиографический список

Поляков А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека / А. В. Поляков // Права человека: вопросы теории и истории / под ред. Д. И. Луковской. – СПб. : Издательский дом С.-Петерб. ун-та, 2004.

Трощинский П. В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе / П. В. Трощинский // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. Серия: Право. – 2016. – № 3. – С. 136–146.

Трощинский П. В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики / П. В. Трощинский // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 4. – С. 123–133.

Честнов И. Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции / И. Л. Честнов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2022. – № 1. – С. 21–26.

Янь Шэнхуа. Структура правительства Китая / Шэнхуа Янь. – Тяньцзинь : Тяньцзинь шэхуэй кэсюеюань, 2002.

References

Chestnov I. L. Anthropology as a methodology of post-modern jurisprudence / I. L. Chestnov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2022. – No. 1. – P. 21–26.

Polyakov A. V. Anthropological and communicative substantiation of human rights / A. V. Polyakov // Human rights: questions of theory and history / ed. D. I. Lukovskaya. – St. Petersburg : Publishing house of St.-Petersburg state university, 2004.

Troshchinsky P. V. On the issue of traditional views on law in Chinese society / P. V. Troshchinsky // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. Series: Law. – 2016. – No. 3. – P. 136–146.

Troshchinsky P. V. The First Civil Code of New China: Issues of Theory and Practice / P. V. Troshchinsky // Problems of the Far East. – 2021. – No. 4. – P. 123–133.

Yan Shenghua. Structure of the Chinese government / Shenghua Yan. – Tianjin : Tianjin shehui kexueyuan, 2002.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Особенности китайского права: рецензия на учебное пособие Н. И. Малышевой, П. В. Трощинского «Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект» // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 128–135.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. The peculiarities of Chinese law: review of the textbook by N. I. Malysheva, P. V. Troshchinsky “Law of the People’s Republic of China: theoretical and legal aspect” // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 128–135.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: ilbas@mail.ru

УДК 340.12

ПРАВО И ОБЩЕСТВЕННАЯ МОРАЛЬ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

А. К. Кукеев

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 30 ноября 2023 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается роль права и общественной морали в контексте правового мультикультурализма. Так, на развитие правового мультикультурализма большое влияние оказали идейно-мировоззренческие принципы римского права в сочетании с приобретениями античности: так, принцип космополитизма на первый план выдвигал интересы и ценности человека, а не государства; право объединяло в себе справедливость с моральными установками, которые вместе определили человека как часть новой культуры и самостоятельного индивида с неотъемлемыми правами и способностью к контролю и регуляции поведения; индивидуализм поспособствовал наделению лица возможностями к осуществлению контроля собственного положения в социуме и отстаиванию стратификационных позиций; мультикультурность продемонстрировала возможность объединения процессов влияния и проникновения правовых феноменов из одной культуры в другую, при этом сохраняя их уникальность.

Ключевые слова: мультикультурализм, мультикультурность, правовой мультикультурализм, правовая культура, общественная мораль, человекоцентризм, правовая самобытность нации, толерантность.

LAW AND PUBLIC MORALITY IN THE CONTEXT OF LEGAL MULTICULTURALISM

A. K. Kukeyev

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Abstract: this article examines the role of law and public morality in the context of legal multiculturalism. Thus, the development of legal multiculturalism was greatly influenced by the ideological and worldview principles of Roman law combined with the acquisitions of antiquity: thus, the principle of cosmopolitanism puts the interests and values of a person, not the state, to the

© Кукеев А. К., 2024

fore; law combined justice with moral attitudes, which together defined a person as part of a new culture and an independent individual with inalienable rights and the ability to control and regulate behavior; individualism contributed to the endowment of a person to exercise control over his own position in society and to defend stratification positions; multiculturalism demonstrated the possibility of combining the processes of influence and penetration of legal phenomena from one culture into another, while preserving their uniqueness.

Key words: multiculturalism, multiculturality, legal multiculturalism, legal culture, public morality, humanocentrism, the legal identity of the nation, tolerance.

Учитывая, что современные социальные процессы характеризуются усилением конфликтов на фоне глобализации и одновременным формированием национальных идентичностей, необходимо переосмысление в философско-правовом поле основных концептуальных характеристик имеющейся мультикультурной политики, в частности выделение роли права и общественной морали, которые, видоизменяясь, являются одновременно отдельным вызовом современных процессов и могут стать необходимым для них ответом.

Когда речь идет о правовом мультикультурализме, мы начинаем вести отсчет понятия от середины XX в., ведь именно после двух мировых войн, кризиса гуманистической мысли, проблемы с восприятием западноевропейской культуры как единственно универсальной парадигмы, возникает культурный плюрализм, который требует создания всевозможных мер поддержки и защиты, особенно на государственно-правовом уровне. Однако главные составляющие правового мультикультурализма – право, культура, мораль, толерантность, справедливость – развивались до того, как общество, неспособное выйти на прямую диалог культур и к созданию консенсусных решений, начало задумываться о философско-правовой проблематике и основе понятия.

Современные социокультурные контексты требуют основательного и принципиально нового подхода к определению понятия права: в историческом ракурсе оно часто подпадало под критику или непонимание. Так, И. Кант трактовал его как «обобщенное представление или представление, в котором соединено много объектов»¹. Т. Х. Габитов в «философии права» пишет, что «...в качестве “гарантированного права” мы можем обозначить все нормы поведения, которые приписываются к обязательному исполнению в определенном обществе силой государственно организованного принуждения»².

¹ Кант И. К вечному миру. Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. СПб., 2003.

² Габитов Т. Х. Философия права : учебное пособие. Алматы, 2010.

Идея естественного права (natural law) возникает в эпоху античности и средневековья, изменяясь под влиянием исторических обстоятельств в эпоху Нового времени. Именно из концепции естественного права происходят философские основы прав человека, базовые модели гражданского общества, которые обусловили развитие современного демократического социального государства. Кроме того, отдельные догматические положения права, составляющие основы правового мультикультурализма, происходят из основополагающих принципов римского права: так, генетическая связь с ним сформировала одну из главнейших особенностей всего типа правовых систем, представляющую наиболее научно развитый тип, по сравнению с другими известными мировой юридической практике³.

Неопрровержимым образцом для подражания в других правовых системах римское право оставалось до начала XIX в., а затем, утратив «формальное действие окончательно, всё самое ценное из него, – добавляет И. Покровский, – всё то, что составляло его истинное универсальное ядро, продолжает по сути жить и теперь в новых кодексах Западной Европы, комбинируясь с началами нового права»⁴.

Несмотря на рецепцию в новейшие системы права норм цивилистического направления по римскому праву, больше всего внимания с точки зрения философии права заслуживают, собственно, его идейно-мировоззренческие принципы. Так, А. Т. Байзаков предлагает выделить четыре таких принципа, которые созвучны современным системам: космополитизм, который оказался способен объединить разные народы и нации в единое сообщество в правовом смысле; мультикультурализм как способность к использованию в одной правовой культуре различных правовых феноменов, которые, сближая национальные правовые системы, способствуют одновременно сохранению их уникальности; справедливость как мировоззренческое морально-правовое требование; индивидуализм, который мог существовать только при условии, что индивидуальные интересы личности признаются и защищаются тогда, когда они соответствуют типичным интересам многих членов общества⁵.

Развитый из античной идеи естественного права, принцип космополитизма, который на первый план выводил интересы не государства, а ценности человека, был усовершенствован римскими стоиками, которые в нем воплотили идеи о том, что все люди являются гражданами единого мирового государства и на них распространяются единые нормы естественного права, а отдельные политические образования явля-

³ См.: Омельченко О. А. Римское право : учебник. М., 2000. С. 4.

⁴ Покровский И. А. История римского права. СПб., 1999. С. 272.

⁵ См.: Байзаков А. Т. Римское публичное право: понятие, содержание, система и его актуальность для современной юридической науки // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2020. № 4. С. 24.

ются случайными и значимыми не для всех. «Мы должны в своем воображении представить два государства: одно – которое включает в себя богов и людей; в этом взгляд наш не ограничен тем или иным уголком земли, границы нашего государства мы измеряем движением солнца; другое – это то, к которому нас приписала случайность. Это второе может быть Афинским или карфагенским или связано еще с любым городом, оно касается не всех людей, а только одной определенной группы их. Есть люди, которые в одно и то же время служат и большому, и малому государству, есть такие, которые служат только большому, и такие, которые служат только малому. Юридически безусловное – “великое государство”. Понимание “закона судьбы” (естественного права, Божественного духа) состоит в том, чтобы, противодействуя возможности (в том числе и случайной принадлежности к тому или иному “малому государству”), признать необходимость космополитического государства. Правомерное поведение – в невозмутимости духа, в совести. В последней – награда за правомерный поступок и наказание за порочное»⁶.

На космополитичность римского права повлияла его способность к гибкости и открытости к заимствованиям, в том числе и вынужденным, когда Римское государство завоевывало другие и перенимало их правовые принципы. Как убеждает В. Нерсисянц, древнеримские юристы объясняли суть права как ценность справедливости и добра⁷, очерчивая и практически применяя нормы права в соответствии с социально-этическими ценностями и идеалами: справедливость стала ориентиром природно-правовых ценностей, благодаря которым действующее право оценивалось на предмет соответствия нравственности. В современном праве справедливость тесно связана с моралью и основана на представлениях о человеке как части новой европейской культуры и как самостоятельном индивидууме, который наделен неотъемлемыми правами и способен контролировать и регулировать поведение в обществе на основании общепределенных норм. Принцип справедливости, отмечает И. Бабич, стал инструментом, обусловившим констатирование римского частного права как универсальной правовой системы, способной регулировать отношения, которые уже возникли, а также отношения, которые могут возникнуть в будущем⁸.

Свое развитие в римском праве также получил принцип индивидуализма – как «значение классического ориентира и правового воплощения индивидуальной свободы гражданина»⁹. Начатый во времена антич-

⁶ Азаркин Н. М. Всеобщая история юриспруденции : курс лекций. М., 2003. С. 154.

⁷ См.: Нерсисянц В. С. Философия права : учебник. М., 1997. С. 433.

⁸ См.: Бабич И. Г. Принцип справедливости в римском праве и в современном обязательственном праве Украины : дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 2006. 103 с.

⁹ Омельченко О. А. Римское право : учебник. М., 2000. С. 12.

ности, он отражает человека, сосредоточенного на собственных интересах: А. Т. Байзаков добавляет, что в центре частноправовых конструкций оказался единоличный субъект собственности, который самостоятельно участвует в гражданском обороте и единолично несет ответственность¹⁰. Индивидуализм как проявление римского мировоззрения стал ответственностью лица за свое положение в социуме и стратификационную позицию, т.е. за собственную готовность к их посильному осуществлению, означаемую формализованной принадлежностью к группе и ответственностью перед ней.

Заимствование из античности, влияние других народов и культур – всё это способствовало тому, что Древнему Риму была присуща мультикультурность – эта черта перешла и к современным правовым системам. Так, сегодня особенно заметно влияние и проникновение правовых феноменов из одной системы в другую, ассимилятивные и диссимилятивные процессы в сфере права, которые, с одной стороны, сближают национальные правовые системы, а с другой – способствуют сохранению их уникальности, и мы можем наблюдать полноценное мультикультурное взаимодействие различных культур и их представителей и обеспечение их прав в пределах государственно-правового поля.

Как уже было отмечено, к началу XIX в. идеи римского права перевоплотились в обязательные догмы в праве в целом, поэтому стоит углубиться в дискуссию определения права в контексте правового мультикультурализма, принимая во внимание события конца XX и начала XXI в. в частности. Так, еще до мировых войн, начало XX в. ознаменовалось поиском в философско-правовой мысли таких идей и ценностей, которые имели бы способность выполнить объединяющую функцию, впрочем, отмечает З. Бауман, в течение последних двух столетий философия, гуманистика и социология формировались в процессе симбиоза с моделью мира, в котором они жили, а это означает, что найти единую парадигму, «упорядоченное и сплоченное целое, то, что можно назвать «системой», становилось все труднее. Во время двух мировых войн была фактически уничтожена вера человека в гуманизм, а позднее возникновение тоталитарных государств, испытания атомных бомб, зарождение национально-освободительных движений лишь поспособствовали развитию сомнений относительно наличия единой ценностной системы всего общества¹¹.

В. С. Нерсисянц добавляет, что «право и права человека – это необходимый, неотъемлемый и неизбежный компонент любого права как права в целом, четкий, субъектно-человеческий аспект выражения сущно-

¹⁰ См.: Байзаков А. Т. Указ. соч. С. 25.

¹¹ См.: Артемчук М. Д. Трансформация права в течение XX века, от рационализированной морали до постмодернистского протестного индивидуализма // Young Scientist. Философские науки. 2017. № 7. С. 37–38.

сти права как особого типа и специфической формы социальной регуляции. Право без прав человека так же невозможно, как и права человека без и вне права»¹². Философское осмысление теории стало попыткой разработать ответы на проблемы развития многокультурного общества, а правовое обоснование – возможностью уменьшить глобализационное давление на индивида.

Отражением основополагающих идей естественного права и первым документом, сглаживающим острые углы непонимания сути мультикультурализма, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г., которую Дж. Робертсон в работе «Преступления против человечества» метко назвал документом для борьбы с «фундаментальными пороками», оставленными нацистами, и «символическим барьером» – набором принципов, задачей которых было выступить препятствием «поступательному маршу тиранов, танков и палачей». Этот акт стал первым важным документом, который зафиксировал критерии соблюдения во всем мире международных норм в сфере прав человека, в частности стоит напомнить содержание ст. 2 Всеобщей декларации, в которой провозглашалось, что каждый человек должен иметь все права и все свободы независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения¹³.

Воплощение правового принципа индивидуализма происходит одновременно с возникновением гуманистического направления в философии права в 60–70-х гг. XX в. В частности, ощущается стремление к подлинности человеческого существования, потребности личности быть самодостаточной¹⁴ – эта позиция ярко обнаружена в концепции радикального гуманизма Э. Фромма («иметь или быть?»). Ученый предлагает шаги к коренному изменению внутренней природы человека и переходу от установки на «обладание» к желаемой установке на «бытие» и самореализацию.

Социально-исторический контекст способствует реальному воплощению этих установок, человек стремится получить собственное пространство, не зависеть от каких-либо неравенств, иметь закрепленные права и отвергнуть искусственно созданные различия – эта позиция находит отражение в ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., в котором было указано, что «в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, ли-

¹² См.: *Нерсесянц В. С.* История политических и правовых учений. М., 1989.

¹³ Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.Shtml (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁴ См.: *Артемчук М. Д.* Указ. соч. С. 38.

цам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве вместе с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и выполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»¹⁵.

Впрочем, с середины 70-х гг. XX в., подчеркивает Э. Тоффлер в книге «Третья волна», возникают тенденции, которые формируют новый социальный характер, но такой, который не является однообразным, свойственным большинству населения индустриальных стран в предыдущий период, а динамичный, который приобретает черты разнообразия благодаря реалиям «мозаичной культуры»: «...вместо того, чтобы быть отосланными к набору последовательных идентичностей, среди которых должны выбирать, мы требуем объединить их вместе в одну: конфигуративное или модулятивное “я”»¹⁶.

Кроме того, всё больше говорится о значимости естественного права, принимаются акты, которые призваны защищать права меньшинств, групп или определенных локальных коллективов и сообществ. Как отмечают ученые, в частности Л. Феррайоли¹⁷, до конца XX в. в философско-правовых дискуссиях универсализм фундаментальных прав противопоставлялся мультикультурализму: в конце 90-х гг. и в начале XXI в. эти феномены не только проявляют способность к сочетанию, но и кажутся необходимыми в своем синтезе, и первый становится основной гарантией правового мультикультурализма.

В подтверждение этого принимаются такие документы, как резолюция 47/135 «Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (1992 г., Генеральная Ассамблея ООН), в которой ООН определяет одной из своих задач уважение прав и основных свобод всех людей, несмотря на пол, расу, язык или религию, а также закрепляет ряд положений о правах национальных меньшинств, которые должны воплощать государства – члены ООН.

Впрочем, если принять во внимание трактовку права как «взгляда на человека извне», то важно очертить значение морали, которое будет заключаться в том, что она – «главный пункт наблюдения» внутри, в самом человеке, его совести и душе. Говоря о морали в контексте правового мультикультурализма, стоит обратиться к исторически развитым концепциям понятия цивилизации, которая, как отмечает Н. Федотова, является одним из главных методологических инструментов современной науки об обществе и позволяет осуществить более глубокий анализ имеющихся культурных и политических практик. Более детальный обзор понятия осуществлен в четвертом подразделе, Впрочем, считаем не-

¹⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах.

¹⁶ См.: Артемчук М. Д. Указ. соч. С. 39.

¹⁷ См.: Там же. С. 41.

обходимым кратко охарактеризовать его концептуально-смысловую нагрузку применительно к моральному аспекту. В частности, после развития понятия в дискурсе Просвещения как концепции, в рамках которой торжество человеческого разума сочетается с гармонией общественно-политической жизни человека¹⁸, цивилизация стала обозначением процессов, которые, противопоставляясь варварству, обозначали прогресс и самосовершенствование.

Следующим этапом развития концепции стало осознание цивилизации как отдельной и особой системы существования народов и выделение (а у некоторых ученых и отождествление) понятия культуры.

Заслуживает внимания отдельный путь развития концепции, который можно проследить в трудах французских философов и историков, в частности в Ф. Гизо (XIX в.), который вкладывал в понятие цивилизации синтез нравственного и социального развития человека и общества, акцентируя внимание на том, что цивилизация – это совокупность ценностей всего исторического процесса и ее развитие есть характеристика достижений человечества за определенный период времени. Возвращаясь к настоящему научной мысли, можно утверждать, что концепция мультикультурализма, как отмечает А. Ананьева, является современным вариантом исследования и оценки достояний и состояния человечества, а также отдельной парадигмой посреди осмысления концепций развития социума и культуры¹⁹.

Как уже говорилось, правовой мультикультурализм, несмотря на долгое историческое развитие, полноценное оформление и смысловую нагрузку получает в 60-х гг. XX в. и трактуется исследователями как отдельная политическая практика и философско-правовая доктрина. Некоторые исследователи²⁰ предлагают рассматривать правовой мультикультурализм одновременно и через призму социальной психологии как разнородную идентичность, в которой соединено множество установок мышления, стандартов и отклонений, объясняя это тем, что в этой теории мультикультурализм – среднее звено между изменениями национализма, интернационализма и космополитизма. Именно с последним термином г. Канарш предлагает связать причину кризиса правового мультикультурализма, который, по мнению исследователя, был средством осуществления своего рода доктринального перехода, но когда вместо космополитизма начали выдвигаться глобализационные требования, теория потеряла интерес к другим культурам (или цивилизациям) – «решать

¹⁸ См.: Федотова Н. Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX, № 3. С. 75–92.

¹⁹ См.: Ананьева О. П. Мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции социокультурного пространства : дис. ... канд. филос. наук. Одесса, 2016. С. 113.

²⁰ См.: Там же. С. 114.

проблемы культурного содержания на уровне культуры невозможно, это необходимо делать на цивилизационном уровне»²¹.

В рамках размышлений об общественной морали в контексте правового мультикультурализма необходимо учитывать ментальные особенности территории возникновения последнего: стиль западного мышления отличается рационализмом и аутистичностью – психологическим свойством, которое предполагает определенную оторванность человека от действительности, которая становится понятной при исследовании мировосприятия замкнутых в себе людей. В то же время менталитет жителей стран Востока более материалистичен, хотя оба типа характеризуются прагматизмом²². Как отмечает А. Ананьева, именно эти черты западного мышления – прагматизм, рационализм и утилитаризм – с середины 90-х гг. успешно проявляют себя в новой социальной ситуации культурного многообразия современных сообществ²³. Таким образом, правовой мультикультурализм становится чем-то большим, чем просто политическая теория, которая призвана решить проблемную ситуацию внутри культурно плюралистической страны, возникает своеобразная экзистенциальная концепция социума.

По мнению М. Хомякова, источником мультикультурализма как общественного явления и социальной политики является «мультикультурный вопрос» – проблема, которая связана с глобализационными тенденциями современного мира (усиление миграционных потоков, возникновение новых меньшинств, столкновение ценностно-нормативных систем и т.д.) и в определенный момент спровоцировала возникновение в общественном сознании мысли, что существует многослойный плюрализм, который проявляет себя как плюрализм ценностей, способов жизни, религий и культур. Соответственно, речь идет о проблеме идентичностей и различий²⁴.

Впрочем, едва ли не наиболее важным фактором развития правового мультикультурализма стало столкновение теорий коммунитаризма и либерализма и их взглядов на общественное мнение и мораль. Коммунитаризм как политическая философия обосновывает, что общество не может стабильно существовать без определения того, что является общим благом, и, по сути, противостоит либерализму, позиция которого кроется в провозглашении права индивида на личное понимание блага²⁵.

²¹ Канарш Г. Ю. Мультикультурализм: социальная концепция и социальные практики // Культура и общество. 2011. № 1. С. 92.

²² См.: Там же. С. 89.

²³ См.: Ананьева О. П. Указ. соч. С. 115.

²⁴ См.: Хомяков М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 4. С. 98–112.

²⁵ См.: Etzioni A. Communitarianism // Encyclopedia of Community: from the Village to the Virtual World, A-D, Sage Publications. 2003. Vol. 1. P. 227–225.

По мнению Ф. Селзника, коммунитарное движение возникает в конце 80-х гг. XX в. в Америке как ответ на рыночный подход Р. Рейгана к решению всех проблем общества, а также как реакция на либеральные теории²⁶, которые, по убеждению сторонников движения, были слишком индивидуалистичными и нечувствительными к социальным источникам формирования личности и обязанностей, при этом будучи готовыми воспринять «анемичную» концепцию общего благосостояния. Не отвергая либеральных теорий целиком, коммунитаристы предлагают концепцию индивида, в которой отмечают роль общества в формировании ценностной среды и нравственных предпочтений любого человека.

Это лучшая иллюстрация тесной взаимосвязи коммунитарной доктрины и мультикультурализма: если человек социально обусловлен, справедливое отношение к нему требует учитывать также и его идентичность²⁷. Соответственно, можно сделать обратный вывод: либерализм, который не учитывал особенностей индивидов и пытался втиснуть их под общий знаменатель, был социально несправедливой теорией, неспособной обеспечить развитие правового мультикультурализма. Впрочем, отмечает Т. Геллер, защита ценностей большинства требует также защиты и понимания культуры меньшинств и, соответственно, мультикультурной правовой программы. Поэтому вместе с коммунитаристской доктриной и ее неоспоримыми преимуществами стоит осознавать плюсы либертариистского варианта понимания государства как «общества обществ», которое обладает минимумом регулятивных функций и не одобряет вмешательства в дела той или иной культурной группы²⁸.

Мультикультурализм создает вопросы, требующие немедленного решения, не только в плане философских размышлений, но и когда речь идет о правовых и социальных действиях. По мнению А. Прокофьева, необходимость урегулирования вопросов нации, гражданства, солидарности вызывает логическую задачу сохранить моральное единство и стабильность внутри современных сообществ – и здесь можно упомянуть о теории межкультурной справедливости, развитой Ю. Хабермасом, и ее практическом применении²⁹.

Каково было соотношение мультикультурализма и морали на протяжении развития обоих философских концептов? Так, к примеру, в 70-е гг. XX в. центральное место занимала дискуссия относительно представлений о социальной или распределительной справедливости; на смену ей

²⁶ См.: *Selznick Ph. The Communitarian Persuasion*. Washington, DC, 2002. P. 4–5.

²⁷ См.: *Ананьева О. П.* Указ. соч. С. 117.

²⁸ См.: *Heller T. Modernity, membership, and multiculturalism* // *Stanford Humanities Review*. 1997. Vol. 5.2. P. 28–56.

²⁹ См.: *Прокофьев А. В.* Теория межкультурной справедливости: поиск нормативных оснований // *Человек*. 2006. № 1. С. 216–218.

уже в 80-е гг. пришла проблема соотношения права и блага (вышеупомянутые дискуссии между сторонниками либеральных и коммунитарных теорий), а уже в начале XXI в. начались серьезные исследования и споры относительно связанности мультикультурализма как правовой теории и концепции межкультурной справедливости³⁰.

Процессы глобализации и интеграции способствовали тому, что сегодня не существует государств с «чистой» нацией – обычно мы можем наблюдать образование, в котором есть доминирующая часть, а вокруг нее, сплоченные, существуют другие нации или меньшинства, образованные благодаря разделению через определяющие признаки, и т.п.

На основе прагматизма, рационализма и осознанности как черт западной ментальности возникают универсальные стандарты морали, которые анализируют проблемы многокультурности, толерантности и справедливости и, хотя не способны создать идеальной концепции для любого демократического государства мира, являются прочной основой для дальнейшего диалога.

Ю. Хабермас, говоря о современном обществе, подчеркивает необходимость диалога культур и постоянной коммуникации: кризис глобальной экономики, религиозный фундаментализм, мультикультурная среда – эти тенденции должны не создавать конфликтные ситуации, а наоборот, подталкивать к взаимопониманию, и основой решения проблемы здесь является теория коммуникативного действия с сочетанием истины, нравственности, справедливости и солидарности³¹, а также сфера социальной воли и коллективной коммуникации (в противоположность естественному субстрату нации)³². Любое проявление инаковости ученый предлагает выводить за пределы научных дискурсов в социальную сферу: если речь идет о человеке или группе представителей определенного меньшинства, выделение и признание в реальном мультикультурном мире делает их менее обезличенными.

Основываясь на этих тезисах, Ю. Хабермас предлагает теорию этики дискурса, которая заключается в следующем: нормативные требования моральной справедливости в то же время являются требованиями истинности, а моральные нормы и приказы должны пройти через обсуждение и дискуссию. Так, в частности, такой моральный принцип, как справедливость, можно вводить только после практической аргументации членов сообщества. Этика дискурса, по мнению ученого, имеет своей задачей сочетание моральных интуиций, а собственно мораль, воплощая прин-

³⁰ См.: *Ананьева О. П.* Указ. соч. С. 119.

³¹ См.: *Хабермас Ю.* Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // *Полис. Политические исследования.* 2009. № 2. С. 7.

³² См.: *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // *Вопросы философии.* 1992. № 4. С. 41.

ципы справедливости и солидарности, призвана к равному возвышению достоинства каждого, а также призвана защищать взаимное признание, через которое индивиды получают свою общую идентичность³³. В этом контексте мы считаем необходимым согласиться с мнением о том, что мораль не может защищать исключительно одного индивида: последний является частью группы, соответственно, игнорирование других ради блага отдельного не может привести к благу сообщества.

В контексте морали и соотношения ее с мультикультурализмом интересна мысль Ю. Хабермаса, высказанная в труде «Модерн – незаконченный проект» о социальном консенсусе. Начиная с критики ранее введенного Дж. Роулзом понятия «перекрывающий консенсус», который предлагает индивидам не отказываться от культурных традиций и убеждений в личной жизни, но в общественной становиться на сторону общего мнения³⁴, ученый убеждает, что либеральность этой идеи непоследовательна, ведь создает лишь формальное воображение о гармонии индивидов. Новой концепцией должен стать социальный консенсус, который также стоит сделать частью политики правового мультикультурализма: по этой теории индивидуальное и личное нельзя реализовать за пределами общественного, а целью демократического государства является социальная справедливость, воплощенная через рациональную универсальность правового фундамента общества.

Впрочем, центральным объектом был и остается человек: А. Ананьева, рассматривая изменения и процессы формирования нравственных основ бытия, предлагает обратить внимание на процесс формирования нравственной личности, которая была бы способна гуманно и толерантно выражать свое отношение к инаковости в процессе мультикультуралистических тенденций³⁵. В этом контексте целесообразно будет обратиться к метаантропологии как теории повседневного, предельного и внеграницного бытия человека, а также тенденций эволюции человека и человечества.

Ф. Фукуяма в труде «Конец истории?» предлагает понимать повседневное бытие человека как создающееся волей к самосохранению и продолжению рода, предельное – волей к власти, познанию и творчеству, а внеграницное – волей к любви и свободе в их сочетании. Соответственно, каждое из них характеризуется как отказом от гармонии повседневности, так и бытием в относительной гармонии или ее восстановления на основе свободы личности³⁶. На базе этих тезисов можно сформулиро-

³³ См.: Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 38–45.

³⁴ См.: Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект. С. 45.

³⁵ См.: Ананьева О. П. Указ. соч. С. 123.

³⁶ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.

вать идеал нравственной личности, которая сможет не только не потерять собственную самобытность, но и существовать в мультикультурном мире и противостоять его вызовам с толерантностью и открытостью к дискуссиям: личность, которая характеризуется философским мировосприятием и имеет четкие моральные внутренние и осмысленные качества.

Итак, в чем важность общественной морали и морали отдельной личности в контексте правового мультикультурализма? Нетрудно прийти к выводу, что современный человек часто теряет надежные ориентиры и внутренний «стержень», которые дали бы ему возможность сориентироваться в глобализационных вызовах мира через бешеную динамику изменений социальной жизни, политические пертурбации, общественные и культурные проблемы и тому подобное. В поисках прочной основы индивид возвращается к первоначальным системам ценностей, в том числе и к морали и нравственной культуре. Эти два взаимосвязанных понятия способны придавать гуманистическую ценность и осмысление экзистенции, способствуют самоосознанию и самореализации, а также выступают единственно правильным ориентиром в процессах взаимодействия культур, решении возникших на почве культурного плюрализма конфликтов (поскольку требуют проявления толерантности и справедливости) и способствуют развитию не только цивилизации в целом, но и правового мультикультурализма как необходимой парадигмы демократического государства.

Библиографический список

Азаркин Н. М. Всеобщая история юриспруденции : курс лекций / Н. М. Азаркин. – Москва : Юрид. лит., 2003. – 608 с.

Ананьева О. П. Мультикультурализм и толерантность как социально-философские концепции социокультурного пространства : дис. ... канд. филос. наук / О. П. Ананьева. – Одесса, 2016. – 67 с.

Артемчук М. Д. Трансформация права в течение XX века: от рационализированной морали до постмодернистского протестного индивидуализма / М. Д. Артемчук // Young Scientist. Философские науки. – 2017. – № 7. – С. 37–41.

Бабич И. Г. Принцип справедливости в римском праве и в современном обязательственном праве Украины : дис. ... канд. юрид. наук / И. Г. Бабич. – Одесса : Одесская национальная юридическая академия, 2006. – 183 с.

Байзаков А. Т. Римское публичное право: понятие, содержание, система и его актуальность для современной юридической науки / А. Т. Байзаков // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2020. – № 4. – С. 22–28.

Габитов Т. Х. Философия права : учебное пособие / Т. Х. Габитов. – Алматы : NURPRESS, 2010. – 232 с.

Канарш Г. Ю. Мультикультурализм: социальная концепция и социальные практики / Г. Ю. Карнаш // Культура и общество. – 2011. – № 1. – С. 87–95.

Кант И. К вечному миру. Трактаты о вечном мире / И. Кант ; сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. – СПб. : Алетейя, 2003. – 398 с.

- Нерсисянц В. С.* История политических и правовых учений / В. С. Нерсисянц. – М. : Наука, 1989. – 448 с.
- Нерсисянц В. С.* Философия права : учебник / В. С. Нерсисянц. – М. : ИНФРА М-НОРМА, 1997. – 652 с.
- Омельченко О. А.* Римское право : учебник / О. А. Омельченко. – М. : ТОН-Остожье, 2000. – 208 с.
- Покровский И. А.* История римского права / И. А. Покровский. – СПб. : ИТД «Летний сад», журн. «Нева», 1999. – 533 с.
- Прокофьев А. В.* Теория межкультурной справедливости: поиск нормативных оснований / А. В. Прокофьев // Человек. – 2006. – № 1. – С. 216–237.
- Федотова Н. Н.* Мультикультурализм и политика развития / Н. Н. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. IX, № 3. – С. 75–92.
- Фукуяма Ф.* Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 84–118.
- Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 38–52.
- Хабермас Ю.* Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 38–52.
- Хабермас Ю.* Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе / Ю. Хабермас // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 7–21.
- Хомяков М. Б.* Толерантность: парадоксальная ценность / М. Б. Хомяков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI, № 4. – С. 98–112.
- Etzioni A.* Communitarianism / A. Etzioni // Encyclopedia of Community: from the Village to the Virtual World. Sage Publications. – 2003. – Vol. 1. – Pp. 224–228.
- Heller T.* Modernity, membership, and multiculturalism / T. Heller // Stanford Humanities Review. – 1997. – Vol. 5.2. – Pp. 2–69.
- Selznick Ph.* The Communitarian Persuasion / Ph. Selznick. – Washington, DC : Woodrow Wilson Center Press, 2002. – 165 p.

References

- Ananyeva O. P.* Multiculturalism and tolerance as socio-philosophical concepts of socio-cultural space : dis. ... Cand. of Philos. Sciences / O. P. Ananyeva. – Odessa, 2016. – 167 p.
- Artemchuk M. D.* The transformation of law during the twentieth century, from rationalized morality to postmodern protest individualism / M. D. Artemchuk // Young Scientist. Philosophical Sciences. – 2017. – No. 7. – Pp. 37–41.
- Azarkin N. M.* The universal history of jurisprudence: a course of lectures / N. M. Azarkin. – М. : Yurid. lit., 2003. – 608 p.
- Babich I. G.* The principle of justice in Roman law and in the modern law of obligations of Ukraine : dis. ... Cand. of Legal Science / I. G. Babich. – Odessa : Odessa National Law Academy, 2006. – 183 p.
- Baizakov A. T.* Roman public law: concept, content, system and its relevance for modern legal science / A. T. Baizakov // Bulletin of the Treasury. Legal Series. – 2020. – No. 4. – Pp. 22–28.

Fedotova N. N. Multiculturalism and development policy / N. N. Fedotova // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2006. – Vol. IX, No. 3. – Pp. 75–92.

Fukuyama F. The end of history? / F. Fukuyama // Questions of philosophy. – 1990. – No. 3. – Pp. 84–118.

Gabitov T. H. Philosophy of Law : textbook / T. H. Gabitov. – Almaty : NURPRESS, 2010. – 232 p.

Habermas Yu. Modern is an unfinished project / Yu. Habermas // Questions of Philosophy. – 1992. – No. 4. – Pp. 38–52.

Habermas Yu. Reconciliation through the public use of reason. Remarks on the political liberalism of John Rawls / Yu. Habermas // Questions of Philosophy. – 1994. – No. 10. – Pp. 38–52.

Habermas Yu. Religion, law and politics. Political justice in a multicultural world society / Yu. Habermas // Polis. Political Studies. – 2009. – No. 2. – Pp. 7–21.

Kanarsh G. Y. Multiculturalism: social concept and social practices / G. Y. Kanarsh // Culture and society. – 2011. – No. 1. – Pp. 87–95.

Kant I. To eternal peace. Treatises on eternal peace / I. Kant. – St. Petersburg : Aleteya, 2003. – 398 p.

Khomyakov M. B. Tolerance: paradoxical value / M. B. Khomyakov // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2003. – Vol. VI, No. 4. – Pp. 98–112.

Nersesyants V. S. History of political and legal doctrines / V. S. Nersesyants. – M. : Nauka, 1989. – 448 p.

Nersesyants V. S. Philosophy of Law : textbook / V. S. Nersesyants. – M. : INFRA M–NORMA, 1997. – 652 p.

Omelchenko O. A. Roman law : textbook / O. A. Omelchenko. – M. : TON-Ostozhye, 2000. – 208 p.

Pokrovsky I. A. History of Roman law / I. A. Pokrovsky. – St.-Petersburg : ETC “Summer garden”, journal “Neva”, 1999. – 533 p.

Prokofiev A. B. Theory of intercultural justice: the search for normative foundations / A. B. Prokofiev // Human. – 2006. – No. 1. – Pp. 216–237.

Etzioni A. Communitarianism / A. Etzioni // Encyclopedia of Community: from the Village to the Virtual World. Sage Publications. – 2003. – Vol. 1. – Pp. 224–228. [In Engl.]

Heller T. Modernity, membership, and multiculturalism / T. Heller // Stanford Humanities Review. – 1997. – Vol. 5.2. – Pp. 2–69. [In Engl.]

Selznick Ph. The Communitarian Persuasion / Ph. Selznick. – Washington, DC : Woodrow Wilson Center Press, 2002. – 165 p. [In Engl.]

Для цитирования:

Кукеев А. К. Право и общественная мораль в контексте правового мультикультурализма // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 136–151.

Recommended citation:

Kukeyev A. K. Law and public morality in the context of legal multiculturalism // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 136–151.

Сведения об авторе

Кукеев Аскар Кульчимбаевич – аспирант кафедры государственного и муниципального права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

E-mail: askar_kukeyev@mail.ru

Information about author

Kukeyev Askar Kulchimbayevich – Postgraduate Student of the Department of State and Municipal Law of the Faculty of Law of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

E-mail: askar_kukeyev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

А. С. Гвозденко

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя

Поступила в редакцию 9 июля 2023 г.

Аннотация: актуальность темы исследования обусловлена активным развитием цифровых технологий, внедрение которых в общественную деятельность требует колоссальных изменений в законодательстве Российской Федерации. Такие технологии активно внедряются как в публичные, так и в частные отношения. В статье рассматриваются вопросы правовых границ применения биометрической идентификации, особенности правоотношений, возникающих при применении технических средств биометрической идентификации. Также автором предложены пути преодоления существующих проблем.

Ключевые слова: биометрия, биометрические данные, цифровизация, правоотношения, законодательство.

PROBLEMS OF BIOMETRIC IDENTIFICATION

A. S. Gvozdenko

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. A. Kikot*

Abstract: the relevance of the research topic is due to the active development of digital technologies, the introduction of which into public activity requires enormous changes in the legislation of the Russian Federation. Such technologies are being actively implemented both in public and private relations. The article deals with the issues of the legal boundaries of the use of biometric identification, features of legal relations arising from the use of technical means of biometric identification. The author also suggests ways to overcome existing problems.

Key words: biometrics, biometric data, digitalization, legal relations, legislation.

В настоящее время активно развиваются способы идентификации лиц на основании присущих им физиологических или психологических характеристик. В связи с этим актуализируются вопросы четкого правового регулирования применения технологий биометрической идентификации, которая представляет собой способ распознавания человека по присущим только ему физическим или психологическим

признакам¹. Суть биометрической идентификации состоит в том, что искусственный интеллект при первоначальном входе запоминает образ пользователя и при последующем входе сопоставляет характеристики данного человека с уже имеющимся образом благодаря программно-техническим средствам. Под характеристиками автор понимает черты лица, папиллярные узоры пальцев, радужку глаза, голос и иные данные, как физические, так и психологические, которые позволяют отличить одного пользователя от другого. По мнению автора, первая проблема, с которой сталкивается правоприменитель в рассматриваемой сфере, это отсутствие закрытого перечня той информации, которую следует относить к персональным данным. Такой пробел имеет негативные последствия ввиду того, что без официально закреплённого перечня к такой информации правоприменитель может отнести любые данные, что может привести к необоснованному расширительному толкованию закона.

Стоит отметить, что биометрия приобрела широкое распространение во время пандемии. В частности, биометрия стала использоваться в трудовых правоотношениях, в области науки и образования, поскольку многие компании признали преимущества и значимость системы контроля и управления данными. Такие преимущества проявлялись в обеспечении гигиены, возможности бесконтактного осуществления контроля, а главное в скорости прохождения контроля. Именно возможность быстрого, качественного и бесконтактного прохода лиц приобрела в то время особое значение. После этого в деятельности многих служб стали использоваться и бесконтактные термометры, которые позволяли в считанные секунды измерить температуру тела человека, и другие устройства. Таким образом, данный период стал мощным толчком для развития дистанционных каналов и сервисов, обрабатывающих биометрические данные. В настоящее время тенденция использования средств биометрической идентификации продолжается: различные средства используются в детских садах, школах, высших учебных заведениях в целях обеспечения безопасности пребывающих там лиц. В частности, в детских садах используются индивидуальные карточки, которые позволяют идентифицировать родителей и посторонних для учреждения лиц.

Одной из важнейших причин внедрения биометрии в общественные отношения стало активное развитие цифровых и мобильных технологий, среди которых особо популярны: онлайн-банки, отпечатки пальцев для разблокировки приложений и мобильных устройств, запись голосовых сообщений, видео, Face-ID, «Умный город». Подобная Face-ID техноло-

¹ См.: Чурилин Г. Н. Биометрия в информационной безопасности [Электронный ресурс] // NBI-technologies. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 25.06.2023).

гия находит свое применение и в оперативно-розыскных мероприятиях. Так, отечественная технология FindFace от NtechLab занимает преимущественное положение среди других разработок². Способность распознавать лица за долю секунды и сравнивать с данными, находящимися в базе, которая насчитывает полтора миллиарда лиц, несомненно, является разработкой экспертов в сфере нейронных сетей и информационных технологий. Поддержали данную систему такие транснациональные компании, как Microsoft и Nvidia. Так, FacePay занимается идентификацией человека, который присутствует в базе данных, при больших скоплениях людей. Благодаря этому в период от 3 до 5 секунд система уведомляет органы власти о местоположении того или иного гражданина, который находится в розыске, что облегчает поиск.

Таким образом, можно прийти к промежуточному выводу о том, что, с одной стороны, данная система является довольно удобным и быстрым инструментом, позволяющим устанавливать местонахождение лиц, скрывающихся от органов власти или совершивших преступления, с другой стороны, приводит к контролю государства за жизнью граждан, что в некоторых случаях может влечь нарушение конституционных принципов РФ.

Всё вышеперечисленное подтверждает факт того, что в настоящее время биометрия занимает лидирующие позиции во многих сферах общественной жизни. Несмотря на явные преимущества применения средств биометрической идентификации существуют и недостатки, к числу которых относятся риски, связанные с защитой персональных данных. К числу таких рисков относится, в первую очередь, уязвимость «облачных» хранений, несанкционированный доступ к которым может повлечь незаконное использование или распространение информации о физических лицах. Для недопущения таких рисков один из немецких банков ввел систему распознавания речи, которая запускалась в начале заполнения формы по онлайн-платежу³. Сама запись хранится в системе банка зашифрованной, ключ от нее находится у пользователя. По мнению автора, шифрование в данном случае является одним из самых надежных способов защиты информации.

Ввиду того, что применение биометрических данных напрямую связано с конституционными правами граждан, осуществление последних в полном объеме напрямую зависит от степени полноты правового регули-

² См.: Федорова И. А., Магомедова Н. А. Перспективы использования технологий Face ID для идентификации человека в аспекте проведения оперативно-розыскных мероприятий [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2023. № 21(468). URL: <https://moluch.ru/archive/468/103223/> (дата обращения: 30.06.2023).

³ См.: Рассолов И. М. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы [Электронный ресурс] // Lex Russica. 2019. № 1(146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-kontekste-personalnyh-dannyh-i-geneticheskoy-informatsii-pravovye-problemy> (дата обращения: 27.06.2023).

рования первых. По нашему мнению, в условиях активного использования средств биометрической идентификации законодательство должно содержать некие стандарты, согласно которым правоприменитель мог бы отнестись ту или иную информацию к персональным и биометрическим данным⁴. На данный момент законодательство РФ содержит ряд понятий, но ни одно из них в полной мере не раскрывает их содержания. Так, в Федеральном законе «О защите персональных данных»⁵ (далее – Закон о персональных данных) говорится о том, что биометрические данные характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором персональных данных для установления личности субъекта. Однако понятие «биометрические данные» в данном случае используется в общем виде. Представляется, что эффективность правоприменительной практики может быть достигнута только при установлении перечня биометрических данных на законодательном уровне. Такой подход позволит учесть как интересы пользователя, так и оператора персональных данных.

Вместе с тем автором выявлены и более существенные недоработки данной области. Так, в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ указано, что органы государства, реализуя свои полномочия по обработке данных, должны действовать в определенных законом рамках. Однако коллизией в данном случае является положение уже известного нам Закона о персональных данных, в котором сказано, что органы государства обязаны уведомлять об обработке данных, но в случаях, препятствующих работе последних, такое уведомление не требуется. Такое дополнение к общему правилу свидетельствует о том, что государство в некоторых случаях может беспрепятственно обрабатывать персональные данные граждан. В этом случае должны предусматриваться гарантии безопасности обработки такой информации⁷. Для того, чтобы биометрические данные могли обрабаты-

⁴ См.: *Платонова Н. И.* Современный подход к пониманию персональных данных [Электронный ресурс] // *Право и современные государства*. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-podhod-k-ponimaniyu-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 30.06.2023).

⁵ О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. Федерального закона от 06.02.2023 г. № 8-ФЗ) // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3451; *Собрание законодательства РФ*. 2023. № 6. Ст. 915.

⁶ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. Федерального закона от 31.07.2023 г. № 408-ФЗ) // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3448; *Собрание законодательства РФ*. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6140.

⁷ См.: *Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В.* Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы [Электронный ресурс] // *Lex Russica*. 2019. № 1(146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-kontekste-personalnyh-dannyh-i-geneticheskoy-informatsii-pravovye-problemy> (дата обращения: 27.06.2023).

ваться без соответствующего разрешения, следует соблюдать некоторые правила, к числу которых автор относит: конфиденциальность устройства, с которого происходит обработка данных; наличие права выбора у лица – объекта обработки – между биометрической идентификацией или иным способом своей идентификации; биометрические данные должны храниться в недоступной для передачи среде; должны быть зашифрованы с применением ключей.

Далее следует отметить, что разработчик не отвечает за обработку биометрических данных в системе, но обязан обеспечить ее безопасность. Таким образом, обязан: выявить и проверить ложные попытки входа лиц; устойчивость системы к подмене, а именно фальсификации. Для корректного массового применения данных правил необходимо рассмотреть вопрос о создании определенной организации, которая бы решила упущения данных проблем, касающихся безопасной обработки биометрических данных каждого гражданина.

Еще одной проблемой использования системы биометрической идентификации являются ограничения, с которыми лицо может столкнуться при получении различных травм. В первую очередь, это касается травмы руки, когда система может не пропустить пользователя по отпечатку пальца той руки, которая в конкретный момент находится в гипсе. Одновременно с этой проблемой появляется и иная – степень надежности самой системы безопасности. Зачастую для преодоления системы безопасности в обход биометрии (в данном случае при получении травмы руки) достаточно знать пин-код, служащий способом защиты данных. Представляется, что такой способ защиты нельзя назвать надежным. Кроме того, данная система может «сработать» и наоборот, так как зачастую пароли довольно сложны для запоминания ввиду своей множественности и нецелесообразности применения одного ко многим сайтам. В связи с этим возникают риски со сложностью запоминания таких паролей. При использовании одного и того же пароля ко многим сайтам или приложениям возникает еще больший риск, связанный с утечкой большого объема информации, изменением пароля злоумышленниками и т.д.⁸

В настоящее время в России рассматриваемая сфера общественных отношений регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», который разъясняет

⁸ См.: Коновалов С. М. Обеспечение безопасности биометрических персональных данных на законодательном уровне, общие принципы и российская практика [Электронный ресурс] // Вестник науки. 2023. № 6(63). URL: <https://clck.ru/34sNAH> (дата обращения: 18.06.2023).

вопросы данной области. Вместе с тем сохраняется проблема отсутствия четких критериев, категорий и правил обработки информации несколькими операторами, как государственными, так и частными, о которых говорилось ранее.

Подводя итоги, можно сказать следующее: во-первых, Закон о персональных данных требует существенной доработки в части определения биометрических данных и их защиты; во-вторых, необходимо решить вопрос получения согласия на обработку персональных данных. Для решения обозначенных проблем автор предлагает принять следующие меры. Во-первых, следует создать единую законодательную базу, которая будет включать все перечни недостающей информации (относящейся к персональным и биометрическим данным); разработать четкие правила обработки информации, закрепить ответственность за нарушения данных требований. Во-вторых, создать нормативную базу, которая будет касаться вопросов применения норм определенной области. Также обеспечить: конфиденциальность устройства, с которого происходит обработка данных; возможность права выбора между биометрической идентификацией и иными способами идентификации; хранение биометрических данных в недоступной для передачи среде; шифрование данных с применением ключей. Практика показывает, что именно недоработки законодательства в данной области приводят к огромному количеству факторов риска нарушения их целостности и хищения⁹.

Библиографический список

Коновалов С. М. Обеспечение безопасности биометрических персональных данных на законодательном уровне, общие принципы и Российская практика [Электронный ресурс] / С. М. Коновалов // Вестник науки. – 2023. – № 6(63). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-bezopasnosti-biometricheskih-personalnyh-dannyh-na-zakonodatelnom-urovne-obshchie-printsipy-i-rossiyskaya-praktika> (дата обращения: 18.06.2023).

Платонова Н. И. Современный подход к пониманию персональных данных [Электронный ресурс] / Н. И. Платонова // Право и современные государства. – 2017. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-podhod-k-ponimaniyu-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 30.06.2023).

Рассолов И. М. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы [Электронный ресурс] / И. М. Рассолов, С. Г. Чубукова, И. В. Микурова // Lex Russica. – 2019. – № 1(146). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-kontekste-personalnyh-dannyh-i-geneticheskoy-informatsii-pravovye-problemy> (дата обращения: 27.06.2023).

Федорова И. А. Перспективы использования технологий Face ID для идентификации человека в аспекте проведения оперативно-розыскных мероприятий / И. А. Федорова, Н. А. Магомедова // Молодой ученый. – 2023. – № 21(468). – С. 356–358.

⁹ См.: Коновалов С. М. Указ. соч.

Чурилин Г. Н. Биометрия в информационной безопасности / Г. Н. Чурилин, Е. А. Максимова // NBI-technologies. – 2019. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 25.06.2023).

References

Churilin G. N. Biometrics in information security [Electronic resource] / G. N. Churilin, E. A. Maksimova // NBI-technologies. – 2019. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-informatsionnoy-bezopasnosti> (date of access: 25.06.2023).

Fedorova I. A. Prospects for using Face ID technologies for human identification in the aspect of conducting operational-search activities / I. A. Fedorova, N. A. Magomedova // Young scientist. – 2023. – No. 21(468). – Pp. 356–358.

Konovalov S. M. Ensuring the security of biometric personal data at the legislative level, general principles and Russian practice [Electronic resource] / S. M. Konovalov // Bulletin of Science. – 2023. – No. 6(63). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-bezopasnosti-biometricheskih-personalnyh-dannyh-na-zakonodatelnom-urovne-obshchie-printsipy-i-rossiyskaya-praktika> (date of access: 18.06.2023).

Platonova N. I. Modern approach to understanding personal data [Electronic resource] / N. I. Platonova // Law and modern states. – 2017. – No. 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-podhod-k-ponimaniyu-personalnyh-dannyh> (date of access: 30.06.2023).

Rassolov I. M. Biometrics in the context of personal data and genetic information: legal problems [Electronic resource] / I. M. Rassolov, S. G. Chubukova, I. V. Mikurova // Lex Russica. – 2019. – No. 1(146). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometriya-v-kontekste-personalnyh-dannyh-i-geneticheskoy-informatsii-pravovye-problemy> (date of access: 27.06.2023).

Для цитирования:

Гвозденко А. С. Проблемы биометрической идентификации // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 152–158.

Recommended citation:

Gvozdenko A. S. Problems of biometric identification // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 152–158.

Сведения об авторе

Гвозденко Алина Сергеевна – младший сержант полиции, командир отделения взвода международно-правового факультета Московского Университета МВД России имени В. Я. Кикотя

E-mail: gvozdenko.alya@bk.ru

Information about author

Gvozdenko Alina Sergeyevna – Junior police Sergeant, Commander of the Platoon Department of the Faculty of International Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

E-mail: gvozdenko.alya@bk.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНКЛЮЗИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СЛАВЯНСКИХ И ЗАПАДНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

А. Е. Носырева

Кемеровский государственный университет

Поступила в редакцию 26 ноября 2023 г.

Аннотация: цивилизация представляет собой сложную общность людей, проживающих на определенной территории, объединенную историческими корнями, схожими социальными ценностями, религиозной идеологией, языком, духовными, культурными, социальными традициями, уровнем экономического развития, философскими учениями. В сущности, цивилизация имеет собственную специфику и уровень сознания общества, которую можно обозреть от ранней истории до современности государства. В указанном научном исследовании проводится эмпирический анализ ценностей: коллективизма («соборности») славянской цивилизации и индивидуализма западной цивилизации, которые существенным образом определяют особенности функционирования социальной политики стран и гарантий правовой защиты законных интересов людей с инвалидностью (детей с инвалидностью). Обзор славянской и западной цивилизации расширяет познания и создает представление об идеологиях и общих направлениях в решении современных мировых проблем.

Ключевые слова: инклюзивные ценности, «русская соборность», западная философия, социальная солидарность, правовая защита людей с инвалидностью.

COMPARATIVE ANALYSIS OF INCLUSIVE VALUES IN SLAVIC AND WESTERN CIVILIZATIONS

A. E. Nosyreva

Kemerovo State University

Abstract: civilization is a complex community of people living in a certain territory and united by historical roots, similar social values, religious ideology, language, spiritual, cultural, social traditions, level of economic development, philosophical teachings. In essence, civilization has its own specifics and the level of consciousness of society, which can be viewed from the early history to the present of the state. The scientific research conducts an empirical analysis of the values: collectivism (“sobornost”) of slavic civilizations and individualism of western civilization, which significantly determine the specifics of the functioning of the social policy of countries and guarantees

© Носырева А. Е., 2024

of legal protection of the legitimate interests of people with disabilities (children with disabilities). The review of slavic and western civilization expands knowledge and provides a general idea of ideologies and general directions in solving modern world problems.

Key words: inclusive values, "russian sobornost", western philosophy, social solidarity, legal protection of people with disabilities.

Цивилизация (термин, появившийся в XVIII в. во французском языке от слова «civil», означает прогресс политической и культурной мысли) как мировой фактор отражает социальную идентичность общества, уровень становления государственности, политической культуры страны и развития ценностей, способствующие сплочению мирового сообщества. Цивилизации предполагают существование множества уникальных культурных особенностей, которые образуют современную карту мира (включая славянскую, западную, дальневосточную, исламскую, индийскую и много других). На протяжении всей истории цивилизации обуславливали широкие возможности для идентификации стран. В частности, цивилизация, по Ф. Броделю, представляет собой «культурную совокупность характеристик и явлений». И. Валлерстайн определяет цивилизацию как «особое сочетание мировоззрения, обычаев, образующее историческое целое». К. Доусон рассматривает цивилизацию как продукт «особого оригинального процесса культурного творчества»¹.

Славянская цивилизация представляет собой самый многочисленный союз народов в Европе, объединенный общим этническим происхождением, историей, культурой, религией, обычаями, институтами и близостью языков. Сегодня выделяют три группы «славянства»: восточные (русские, украинцы, белорусы), западные (чехи, словаки) и южные (болгары, сербы, хорваты) народы. Как отмечает В. Naimushin, «славянское единство» всегда присутствовало в культурной и этнической идентичности всех славянских народов².

Славянская цивилизация («славянство») как богатый культурно-исторический тип располагает уникальной «философской традицией»³, которая характеризуется преобладанием общечеловеческих начал гуманизма и нравственных начал милосердия, через культ народа и общинного сознания.

Неоднократно Н. Я. Данилевский в своих работах подчеркивал «высокую историческую ценность»⁴ славянской цивилизации как наиболее

¹ См.: MacDonald K. B. Individualism and the Western Liberal Tradition: evolutionary origins, history and prospects for the future. Self-published, 2019.

² См.: Naimushin B. Slavic culture and slavic civilization or communities imagined and communities imposed // Thracia XV. In honorem Annorum LXX Alexandri Fol. Sofia, 2003. P. 427.

³ См.: Барбара К. Время славянской цивилизации // Слово.ру: Балтийский акцент. 2010. № 7. С. 22.

⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. 174 с.

гармоничной организации культурных, исторических, политических, правовых, философских сфер жизни общества. Как верно заметил В. А. Поляков, славянская цивилизация, в сущности, возникла как результат синтеза «существующих культур всей планеты»⁵, вбирая уникальный опыт. Славянская цивилизация появилась на перекрестке истории, в тесном взаимодействии с Западом и Востоком. Но, в свою очередь, философия русского права рассматривается через культуру духовности, что отличалось от материалистической идеи цивилизаций Запада. Кроме того, западная цивилизация зиждется на прогрессирующих знаниях, которые используются для экономического и политического развития современных государств. Необходимо установление индивидуализма граждан, либерализация рынка труда и содействие социально-экономическому развитию общества, которые рассматриваются как ключевые элементы рационального мышления и демократии. При этом в западной мысли присутствует сильный онтологический аспект.

Западная цивилизация охватывает широкую национальную группу европейских стран (западная и центральная Европа, Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия), сформированных из трех исторических традиций: классической культуры Греции и Рима, христианской концепции (основы канонического права) и эпохи просвещенной свободы. Первая традиция зародила первые концепции демократического управления, конституционного порядка общества, форм правления (в Греции – республика, в то время как в Риме – империя), принципы верховенства закона.

Вторая традиция регламентирует основы христианской добродетели, святости прав верующего. Так, Кодекс канонического права 1983 г. впервые заложил декларативные начала о духовных, социальных, образовательных и иных потребностях людей с инвалидностью, опосредованные широким участием Церкви. При этом христианская добродетель должна правильно понимать правовые возможности, а также не допускать необоснованного исключения граждан⁶.

Третья традиция западной цивилизации обеспечила формирование идеи либеральной демократии, свободного рынка и веру в разум, науку. В частности, британская «Славная» революция 1688 г. подчеркивала свободу и конституционализм, в то время как Французская революция 1789 г. защищала демократию и рационализм. В сущности, европейский патернализм, рационализм, объективизм и научный эмпиризм являются ключевыми свойствами западной цивилизации, что противостоит традиционализму славянских народов. Н. С. Щёкин подчеркивал особую значимость данного культурного явления славян, которое направлено на

⁵ Поляков В. А. Универсология. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2004.

⁶ См.: Perry J. N. Rights in Canon Law for Persons with Mental Disabilities // The Catholic Lawyer. Vol. 33. No. 2. P. 135.

социальную и правовую защиту духовных устоев общества, что является «фундаментом государственности»⁷.

Н. А. Бердяев указывал на преобладание в славянских цивилизациях такой черты, как «русская соборность»⁸ как приоритетное начало справедливого распределения благ, равенства и построения инклюзивной политики государств. Соборность есть идеология единения славянского общества. Уникальность славянских инклюзивных ценностей состоит в концепции общественного долга, социальной солидарности и взаимопомощи нуждающимся, в том числе: инвалидам (детям с инвалидностью), престарелым гражданам и прочим (путем налогового перераспределения на социальные дотации, толерантного отношения к социальным трудностям граждан, материальной поддержки, утверждения государственных программ). Как пишет В. С. Соловьев, славянская идеология соборности «несет всеохватывающее значение»⁹, сила ее будет противостоять античеловеческим идеям¹⁰, западному универсализму и эгоизму. Нельзя не упомянуть слова А. М. Пищика, который сделал акцент на русской идеологии соборности, стремящейся «к всеобщему единству и высокому уровню социальной гармонии в обществе»¹¹.

В частности, инклюзивная политика славянской цивилизации, в отличие от западной, рассматривает правовой статус людей с инвалидностью с позиции наличия дополнительных потребностей населения в едином гражданском обществе. Инвалидность воспринимается как комплексное социальное явление, а не как индивидуальная (личностная) проблема человека. В частности, граждане с инвалидностью согласно русской философии обладают духовным богатством и таким же самоопределением, как и другие граждане. Любые формы умаления, унижения или дискриминация в процессе жизнедеятельности инвалидов запрещены законом. Подчеркивается, что все граждане равны в своих правах и обязанностях, достоинстве личности.

Можно проследить, что исторически на первых этапах формирования государственности в славянских цивилизациях инвалид рассматривался как член общества. В древних летописях русской истории можно столк-

⁷ Щёкин Н. С. Традиционализм в структуре восточнославянской цивилизации и перспективы кросскультурного диалога Востока и Запада // Социальная философия. 2014. № 10. С. 17.

⁸ Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. Берлин, 2016.

⁹ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М., 2007.

¹⁰ См.: Носырева А. Е. Евгеника – антиобщественная идеология исключения граждан с инвалидностью // Философско-правовые аспекты опасности антиобщественных идеологий : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 20 декабря 2022 г. Екатеринбург, 2023. С. 230.

¹¹ Пищик А. М. Эволюция русской идеи // Русский мир: динамика научного познания : сборник статей участников Междунар. науч.-практ. конф. 23–25 октября 2019 г. Арзамас, 2019. С. 170.

нуться с понятиями: «божьи люди» («юродивые») – или иначе: «близкие Богу» (или «находящиеся под защитой Рода»), в ряде случаев эти граждане не обладали такими особыми привилегиями, как свобода слова. В западном и южном славянстве можно встретить терминологические упоминания: «јуродиви» (сербский язык), «blázen» (чешский язык), «budala» (хорватский язык), «свети глупак» (болгарский язык) и много других. Однако в летописях западных цивилизаций человек с инвалидностью рассматривался как объект насмешек и стигматизации, в ряде случаев использовалась терминология, указывающая на недостатки здоровья: «lame» – «хромой», «blind» – «слепой», «natural fool» – «умалишенный» и пр. В дополнение, в Средние века инвалидность рассматривалась как демонический недуг или «Божий акт». Поэтому большинство граждан жили в изоляции в своих общинах или «домах божьих» – от французского слова «maison dieu» (например: известный в истории монастырь Уитби, больница Святой Марии Магдалины в Йоркшире, госпиталь Святого Иоанна в Кентерберии и т.д.)¹².

В славянских цивилизациях религиозные трактаты предписывали по возможности оказывать помощь «юродивым». При этом на духовенство были возложены обязанности заботиться и содержать инвалидов, нищих, престарелых. Также создавались первые социальные учреждения – «богадельни» при церквях, в которых граждане могли получить кров, пропитание, покровительство церкви, а также излечиться от недугов и болезней¹³. В частности, в западном и южном славянстве появлялись «дома бедняков», «общества взаимопомощи», в которых еда и жилье предоставлялись в пределах деревни.

В отечественной истории с началом правления династии Романовых стал функционировать усовершенствованный механизм социальной защиты людей с инвалидностью: общественное и государственное призрение. Фактически призрение представляло собой особую форму покровительства государства людям с «внешними» или «умственными» недостатками, престарелым, сиротам и другим, основанную на православной этике (быть милосердным и оказывать помощь каждому). Следовательно, основная функция призрения состояла в предоставлении необходимых гарантий для существования и удовлетворения потребностей населения (борьба с бедностью, предоставление медицинской помощи, минимального образования, посильной работы и т.д.). Стоит отметить важнейшие исторические события для формирования принципов социального государства России, такие как открытие Приказа общественного призрения

¹² См. подробнее: Носырева А. Е. Ретроспективный анализ инвалидности в Великобритании и России (X–XIX вв.) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 4. С. 19.

¹³ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

(1775 г.), Ведомства учреждений Императрицы Марии (1796 г.), Императорского человеколюбивого общества (1802 г.) и пр.¹⁴

В дополнение особенностью зарождения инклюзивной культуры славянской цивилизации стала развитая система частной благотворительности как формы проявления активной общественной деятельности (меценатства), благодаря которой строилось множество богаделен, больниц; выделялись денежные средства на содержание нуждающегося населения. Вместе с тем в указанный период в западном и южном славянстве постепенно стали заимствоваться западные идеи, а именно реформаторские идеи, основанные на гражданском партнерстве патерналистского государства (обеспечение минимальных потребностей, либерализация рынка труда, индивидуализм).

В отличие от коллективизма, сплоченности и гармонии славянской цивилизации, защищающей общечеловеческие ценности, индивидуализм западной цивилизации ориентирован на ценности личных интересов, свободы и независимости человека, при котором инклюзивная политика носит остаточный (ограниченный) характер. Большее распространение в западных цивилизациях набирает неолиберальная конкуренция гражданского общества, которая подчеркивает, что необходимо по возможности ограничивать вмешательство государства и принципы социальных дотаций.

В частности, в науке рассматривается две формы западного индивидуализма: аристократический индивидуализм индоевропейских культур и эгалитарный индивидуализм стран северо-западной Европы. Эгалитарная форма индивидуализма, смягченная духом христианства, по оценке К. Макдональда, является той формой, которая в конечном итоге стала доминировать в европейской культуре. В то время как аристократический индивидуализм индоевропейцев, преобладающий в Древней Греции и Риме, основывался на принципах личной идентичности, конкурентоспособности, идеи свободного рынка. В сущности, христианская идеология определяющим образом повлияла на становление принципов «моралистического утопизма» в эгалитарном индивидуализме, который постепенно распространился в Соединенных Штатах Америки¹⁵.

Стоит привести мнение С. Хофстеда, который подчеркивал, что концепцию коллективизма и индивидуализма не следует рассматривать с позиции правильности или неправильности, каждая отражает различные ценности общества, формирующие отличительную социальную память, стиль общения и общинное сознание наций¹⁶.

¹⁴ См.: Носырева А. Е. Ретроспективный анализ инвалидности в Великобритании и России (X–XIX вв.). С. 20.

¹⁵ См.: MacDonald K. B. Op. cit.

¹⁶ См.: Naimushin B. Op. cit. P. 430.

Индивидуализм как фундаментальная идеология в западных обществах отстаивает идеалы свободы и автономии. Коллективизм, распространенный в восточных культурах и социалистических системах, защищает начала социальной ответственности и общественного благополучия. Идеология направлена также на устранение социального неравенства, содействие справедливому распределению ресурсов и обеспечение механизма защиты уязвимых членов общества. Коллективизм ставит акцент на общие ресурсы и сотрудничество, стремясь устранить диспропорции в обществе, которые могут возникнуть в результате проявлений неограниченных индивидуалистических устремлений.

Стоит отметить, что даже при исторических преобразованиях государственной системы Советской России культура «социальной солидарности» всегда сохранялась, изменились лишь форма и механизм функционирования инклюзии. Установилась идеология «социалистической взаимопомощи», образованы специализированные органы – дома престарелых, дома инвалидов, пункты медицинской помощи, комитеты взаимопомощи и т.д.

Инклюзивная политика, дополненная международными стандартами, стала развиваться после Второй мировой войны. Были приняты международные стандарты и закреплены обязательства государств-участников уважать и защищать права и свободы человека от насилия и дискриминации, компенсировать законные интересы нуждающегося населения.

Инклюзивные ценности как основы государственного управления и конституционализма демократических стран стали включать: отраслевые механизмы защиты правового положения инвалидов, социальное обеспечение (льготы, пенсии и пособия), формирование безбарьерной среды, гарантию положительного стимулирования возможностей, социальную интеграцию граждан с целью удовлетворения всех интересов членов общества.

В настоящее время действует множество инклюзивных программ «Доступная среда» по трудоустройству (занятости населения), получению образования, коммуникаций, культурному развитию и т.д. Следовательно, главное назначение инклюзивной политики состоит в преодолении барьеров, с которыми могут столкнуться люди с инвалидностью, путем разработки специализированных социальных программ, создания благоприятных условий жизни (услуги социальных служб), расширения компетенции представительных правозащитных институтов, а также комплексного реагирования на нарушения (ограничения) прав граждан.

Таким образом, проведенное исследование расширяет область теоретических познаний об уникальности славянской и западной цивилизации. Стоит подчеркнуть, что коллективизм славянских цивилизаций («соборности») и индивидуализм западной цивилизации представляют

собой многогранные концепции, которые охватывают ряд философских, политических, экономических, психологических и социологических аспектов. Западная цивилизация, исторически являясь доминирующей в формировании международного порядка в современной истории со времен колонизации, распространяет идеологию политического либерализма и независимости. Славянская цивилизация отстаивает начала взаимопомощи и общественного благополучия. При этом дихотомия идеологий различно влияет на аспекты человеческого существования, формируя уникальные культурные особенности государств. Проводя исследование исторических истоков, философских основ цивилизаций, следует указать, что достижение баланса между правами личности и социальной ответственностью будет благоприятно влиять на формирование инклюзивных и правовых ценностей государств.

Библиографический список

Барбара К. Время славянской цивилизации / К. Барбара // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2010. – № 7. – С. 21–30.

Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – Берлин: ДиректМедиа, 2016. – 452 с.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 573 с.

Носырева А. Е. Евгеника – антиобщественная идеология исключения граждан с инвалидностью / А. Е. Носырева // Философско-правовые аспекты опасности антиобщественных идеологий: материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 20 декабря 2022 г. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2023. – С. 229–245.

Носырева А. Е. Ретроспективный анализ инвалидности в Великобритании и России (X–XIX вв.) / А. Е. Носырева // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 19–27.

Пищик А. М. Эволюция русской идеи / А. М. Пищик // Русский мир: динамика научного познания: сборник статей участников Международной научно-практической конференции 23–25 октября 2019 г. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 168–173.

Поляков В. А. Универсология / В. А. Поляков. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Амрита-Русь, 2004. – 167 с.

Соловьев В. С. Национальный вопрос в России / В. С. Соловьев. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – 506 с.

Щёкин Н. С. Традиционализм в структуре восточнославянской цивилизации и перспективы кросскультурного диалога Востока и Запада / Н. С. Щёкин // Социальная философия. – 2014. – № 10. – С. 16–21.

MacDonald K. B. Individualism and the Western Liberal Tradition: Evolutionary origins, history and prospects for the future / K. B. MacDonald. – Self-published, 2019. – 787 p.

Naimushin B. Slavic culture and slavic civilization or communities imagined and communities imposed / B. Naimushkin // Thracia XV. In honorem Annorum LXX Alexandri Fol. Sofia. – 2003. – Pp. 425–434.

Perry J. N. Rights in Canon Law for Persons with Mental Disabilities / J. N. Perry // The Catholic Lawyer. – Vol. 33, No. 2. – Pp. 131–144.

References

Barbara K. Time of Slavic civilization / K. Barbara // Slovo.ru: Baltic acceptance. – 2010. – No. 7. – Pp. 21–30.

Berdyayev N. A. Self-knowledge: the experience of philosophical autobiography / N. A. Berdyayev. – Berlin : DirectMedia, 2016. – 452 p.

Danilevsky N. Ya. Russia and Europe / N. Ya. Danilevsky. – M. : Kniga, 1991. – 573 p.

Nosyreva A. E. Eugenics – antisocial ideology of exclusion of citizens with disabilities / A. E. Nosyreva // Philosophical and legal aspects of the danger of antisocial ideologies : materials of the international scientific and practical conference. Ekaterinburg, December 20, 2022. – Ekaterinburg : Ural State Law University, 2023. – P. 229–245.

Nosyreva A. E. Retrospective analysis of disability in Great Britain and Russia (X–XIX centuries) / A. E. Nosyreva // Bulletin of Omsk University. Series: Law. – 2021. – T. 18, No. 4. – Pp. 19–27.

Pishchik A. M. Evolution of the Russian idea / A. M. Pishchik // Russian world: dynamics of scientific knowledge: collection of articles by participants of the International Scientific and Practical Conference on October 23–25, 2019. – Arzamas : Arzamas branch of UNN, 2019. – Pp. 168–173.

Polyakov V. A. Universology / V. A. Polyakov. – 4th ed., add. and processed. – M. : Amrita-Rus, 2004. – 167 p.

Solovyov V. S. The national question in Russia / V. S. Solovyov. – M. : AST, Hranitel 2007. – 506 p.

Shchekin N. S. Traditionalism in the structure of East Slavic civilization and prospects for cross-cultural dialogue between East and West / N. S. Shchekin // Social philosophy. – 2014. – No. 10. – Pp. 16–21.

MacDonald K. B. Individualism and the Western Liberal Tradition: evolutionary origins, history and prospects for the future / K. B. MacDonald. – Self-published, 2019. – 787 p. [In Engl.]

Naimushin B. Slavic culture and slavic civilization or communities imagined and communities imposed / B. Naimushkin // Thracia XV. In honorem Annorum LXX Alexandri Fol. Sofia. – 2003. – Pp. 425–434. [In Engl.]

Perry J. N. Rights in Canon Law for Persons with Mental Disabilities / J. N. Perry // The Catholic Lawyer. – Vol. 33, No. 2. – Pp. 131–144. [In Engl.]

Для цитирования:

Носырева А. Е. Сравнительный анализ инклюзивных ценностей в славянских и западных цивилизациях // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(6). С. 159–168.

Recommended citation:

Nosyreva A. E. Comparative analysis of inclusive values in slavic and western civilizations // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 1(6). Pp. 159–168.

Сведения об авторе

Носырева Алена Евгеньевна – ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического института Кемеровского государственного университета

E-mail: alyona.nosyreva.1996@mail.ru

Information about author

Nosyreva Alyona Evgeniyevna – Assistant at Theory and History of State and Law Department of Law Institute of Kemerovo State University

E-mail: alyona.nosyreva.1996@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегию по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегию Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо при-
слать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сек-
тора, подразделения организации) о рекомендации присланного мате-
риала к опубликованию в журнале или подписанный научным руково-
дителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию,
и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редак-
тированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной кол-
легией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times
New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или око-
ло 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации
могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст
сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) че-
рез 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфа-
витном порядке. Библиографический список подлежит переводу на ан-
глийский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому по-
зитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отно-
шения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Haber-
mas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – M. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – M. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;

- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.